01421

...таріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

Пролетарскій литературно-художественный журналъ

68067

ИЗДАНІЕ

Союза рабочихъ писателей „ИСКУССТВО и СОЦІАЛИЗМЪ".

№ 1. Январь 1918 г. -1920 Цѣна 60 к.

Участвуютъ писатели-рабочіе: Аксень-Ачкасовъ (*И. Садофьевъ*), Я. Бердниковъ, Грошикъ (*С. Конйкинъ*), Горемыка (*С. Ефремовъ*), В. Кирилловъ, И. Кедръ, И. Кузнецовъ, Александръ Поморскій, Самобытникъ (*А. Машировъ*), Тверцовъ, В. Торскій (*В. Царевъ*), Н. Тихомировъ и др.

Содержаніе:

Отъ редакціи, Мы идемъ *(стих.)* **Аксень-Ачкасова,** Пролетаріату *(стих.)* **Влад. Кириллова,** Разсвѣтъ *(стих.)* **Александра Поморскаго,** Пронькино житьишко *(разсказъ)* **Грошика,** Передъ грозой *(стих.)* **И. Кедра,** Силуэты изъ жизни рабочихъ *(этюдъ)* **Самобытника,** Могила врага *(стих.)* **Горемыки,** Красные цвѣты *(стих.)* **Самобытника,** Въ октябрьскіе дни (*впечатл. очевидца*) **В. Кириллова,** Къ пролетарской интеллигенціи (*статья*) **Торскаго,** Мятелица *(стих.)* **Горемыки,** Культура и просвѣщеніе (*статья*) **Аксень-Ачкасова,** Въ весенній день (*стих.*) **Самобытника,** Своевременныя мысли (*статья*) **В. Кириллова,** Юношамъ (*стих.*) **Аксень-Ачкасова,** Грядущему (*стих.*) **В. Кириллова,** Отдѣлъ пролетарской культуры, Библіографія.

Библиотека Академии Наук СССР

Адресъ редакціи и конторы: Тамбовская, 63—10, Лиговскій Народный Домъ
Открыта по Воскресеньямъ и Четвергамъ отъ 7 до 9 час. вечера.

Отъ редакціи.

Старый, одряхлѣвшій Міръ—переживаетъ небывалую трагедію. Буржуазная культура разлагается, какъ трупъ. Кругомъ торжественно звучатъ колокола Соціальной Революціи. Нарождается Міръ новый. Великій Художникъ—Пролетаріатъ творитъ новую культуру. Отвлеченную грезу всей вселенной,—красоту человѣческой жизни, онъ воплощаетъ въ реальную форму. Съ любовью и вѣрой мы смотримъ въ грядущее—оно несетъ намъ освобожденіе тѣла, души и мысли; оно несетъ намъ неисчерпаемое творчество народныхъ массъ. И пусть основанная на рабствѣ, собственности и грабежѣ буржуазная культура озлобленно, исступленными криками и клеветой встрѣчаетъ приходъ Великаго Художника. Мы же тѣснѣе и крѣпче сплотимъ свои ряды, мы восторженно взлелѣемъ и соберемъ всѣ цвѣты пролетарскаго творчества. Въ этомъ—основная задача нашего журнала. Мы знаемъ, что на нашемъ пути ошибки—неизбѣжны, но совершенствуясь и развиваясь, путемъ коллективной поддержки, мы выйдемъ на солнечный путь пролетарскаго творчества.

Товарищи, пролетарскіе писатели и художники! Мы зовемъ васъ подъ знамя Грядущаго.

Да здравствуетъ пролетарская культура!

Редакціонная коллегія журнала *„Грядущее“*.

Мы идемъ.

Разрушая всѣ преграды,
Всѣ препоны, мы идемъ...
Откровенья и наряды
Міру новыя несемъ.

Мощь призыва,
Битвы сладость,
Вихрь порыва,
Вѣру, радость,

Мы взлелѣяли въ груди...
Въ юной пламенной груди.

Мы во власти
Страсти, счастья,
Свѣтлой Воли,
Красной Доли...

Впереди:

Встрѣтить Утро, Солнце, День...
Властный, ясный, красный день.

Путь тернистъ, обрывы, скалы,—
Мы зажгли призывный свѣтъ...
Рдятся зори ярко-алы,
Таетъ смерти силуэтъ.

Пологъ ночи
Разрываемъ
И рабочихъ
Призываемъ.

Будутъ встрѣчи,
Рѣчи... сѣчи...
Радость бѣдныхъ,
Сонныхъ, блѣдныхъ

Деревень...

Только Вѣру сохраните,
Души творчествомъ горятъ,
На желѣзѣ и гранитѣ—
Разобьемъ цвѣтистый садъ.

Аксень-Ачкасовъ.

Пролетаріату

О, многоликій Владыка Міра!
Чья вѣра—Разумъ, чья сила—Трудъ.
Всѣ грезы сердца, всѣ струны лиры

Моей пѣвучей
Тебѣ Могучій,
Пѣснь поютъ.

Подъ темной блузой въ груди суровой
Ты носишь Солнце Жизни Новой...

Ты первый громъ
Весны грядущей

Всегда мятежный, всегда зовущій:
Въ тебѣ одномъ

Лишь оправданье
Всего страданья,
Всѣхъ мукъ Исканья...

. . . .

Когда гремитъ твое возстанье
И мечъ твой Красный
Въ дыму сверкая—
Враговъ разитъ,—

Онъ убивая и разрушая
Иной, Прекрасный—
Міръ творитъ.

Глухое небо—
Просить не станешь
О коркѣ хлѣба.

Ты вѣришь въ силу
Желѣзныхъ рукъ.

Твои молитвы,
Лишь гимны битвы
Во имя Жизни безъ слезъ и мукъ.

. . . .

Въ своемъ движеньи,
Въ своемъ стремленьи,
Ты воплотилъ—

Все вдохновенье,
Все достиженье,
Чѣмъ Свѣтлый Геній—
Міръ озарилъ...

. . . .

Всѣ, кто убиты,
Во имя Солнца, во имя Свѣта,
Съ тобою слиты...

Въ тебѣ отвѣта,
Отмщенья ждутъ,
Мечты распятыхъ
Въ вѣкахъ проклятыхъ
Въ тебѣ цвѣтутъ.

. . . .

Иди, греми грозой мятежной,
Весною нѣжной
Надъ Міромъ вѣй.

Святую вѣсть Освобожденья,
Цѣпей паденья—
Неси скорѣй.

Вл. Кирилловъ.

Разсвѣтъ.

Дымился сумракъ, вставали зори,
Лучемъ парчевымъ задернутъ склонъ.
Вздыхали сосны, шумѣло море—
Вдали маячилъ чуткій звонъ...

Склоняясь низко, утесы спали,
На нихъ кончался небосводъ.
А дали робко трепетали—
Пророча солнечный восходъ.

Александръ Поморскій.

Пронькино житьишко.

Отдала мать Проньку въ ученики къ мелочнику-лавочнику Ивану Петровичу Зыкову.

Крутъ былъ Зыковъ и „съ дурью“ немножко, какъ отзывались о немъ обыватели С...кой, гдѣ онъ имѣлъ лавченку. Мѣстность эта дачная, а время, когда поступилъ Пронька въ ученье, было лѣтнее, самое горячее въ торговлѣ. Трудно приходилось Пронькѣ въ первую пору. Самъ онъ разсказывалъ своему товарищу:

— Здѣсь, братъ, не то, что въ деревнѣ—въ кочки играть, альбо сабакъ гонять. Здѣсь, братъ надо быть во какимъ... колесомъ вертѣться, а не то и подзатыльниковъ влетитъ.

При словахъ: „во какимъ“ онъ сжималъ внушительно кулакъ и подносилъ его къ носу товарища. Тотъ глубокомысленно запускалъ пятерню въ затылокъ и, немного подумавъ, рѣшалъ:

— Зато ты гостинцевъ ѣшь скольки хошь.

Этого Пронька не отрицалъ, а на оборотъ хвастливо фантазировалъ до безконечности. Тутъ упоминались и „щиколадъ“, и „мармаладъ“, и всевозможныя „бомбошки въ красивыхъ коробкахъ“, которые ѣдятъ только „господскія дѣти“. На самомъ дѣлѣ ему удавалось „стибрить“, и то весьма рѣдко, паточную карамель или нѣсколько леденцовъ, которые находились за выручкой въ маленькихъ деревянныхъ ящикахъ.

Зато въ первой части его разсказа была сущая правда. Бѣготни и труда для него было не мало. Утромъ вставалъ онъ часовъ въ пять-шесть и бѣжалъ на Гору съ какимъ либо заказомъ. Затѣмъ чистилъ хозяйскіе сапоги, снималъ съ оконъ тяжелыя ставни, подметалъ и прибиралъ въ лавкѣ. Едва успѣвалъ онъ прибраться, какъ начиналась торговля и снова ему приходилось вертѣться. Онъ и хлѣбъ изъ пекарни приносилъ въ лавку, и картофель отмѣривалъ, и сельди отпускалъ, и корзины съ провизіей по дачамъ разносилъ.

Били его всѣ кому не лѣнь было: и хозяинъ, и хозяйка, и подручный Курташъ, дворники, и даже постоянные покупатели Зыкова.

Сначала всѣ эти обиды Пронька принималъ близко къ сердцу и, забравшись, куда нибудь въ уголъ, за бочку съ сельдями, утиралъ грязнымъ рукавомъ катившіяся изъ глазъ слезы. А когда приходила къ нему мать, онъ жаловался ей на свое горькое житье, просился въ деревню и рѣшительно заявлялъ, что онъ больше здѣсь не останется.

Мать, жалѣла, ласкала его но строго наказывала „жить смирно, не баловаться“, и уходила, оставляя Проньку одного съ его горемъ.

Время шло. Пронька мало-помалу привыкъ, „околотился“. Пересталъ плакать когда его били, и не сталъ проситься въ деревню.

Подошла осень. Чаще и чаще выпадали дожди; полетѣли съ березъ желтые листья; потянулись на югъ журавли и гуси, а дачники въ Питеръ. Остались только плотники, сторожа, да десятка два зимогоровъ. Въ эту глухую пору житье Проньки стало еще хуже, чѣмъ лѣтомъ. Правда, что онъ теперь спалъ больше и работалъ меньше, но зато Иванъ Петровичъ, отъ бездѣлья, чаще напивался пьянымъ и больше „дурилъ“ и издѣвался надъ Пронькой.

Встанетъ Пронька утромъ, приберетъ и подмететъ въ лавочкѣ, вычиститъ хозяйскіе сапоги и сядитъ на крылечкѣ, смотритъ, какъ осень дѣлаетъ свое разрушительное дѣло, слушаетъ, какъ вѣтеръ поетъ въ щеляхъ пустыхъ дачъ. А Иванъ Петровичъ въ это время за прилавкомъ сидитъ скучаетъ, да отъ скуки водку пьетъ, а какъ напьется, такъ и начинаетъ дурить.

— Пронька — реветъ онъ во весь свой пьяный голосъ.

— Что, Иванъ Петровичъ? — откликается Пронька, быстро вбѣгая въ лавку.

— Ты что, мошенникъ, скучаешъ все? Да?

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, мнѣ весело.

— Врешь, подлецъ, скучаешь?

— Нѣтъ не вру, мнѣ право весело,—увѣряетъ Пронька, отлично зная, что если онъ скажетъ „скучно“, то Иванъ Петровичъ заставитъ его „веселиться“. Однако Зыковъ, не долго думая, категорически рѣшаетъ:

— А коли весело, такъ пляши — и расправивъ свои пушистыя усы, начинаетъ насвистывать плясовую. Притопывая ногой и раскачиваясь въ тактъ музыки, онъ сердито смотритъ на колеблющагося Проньку, готовый каждую минуту подкрѣпить свое приказаніе дѣйствіемъ. Послѣдній, же видя, что воля хозяина не приклонна, медленно топчется на мѣстѣ.

— Жарь веселѣе!.. паршивецъ!.. въ присядку!..

—кричитъ онъ, поощряя Проньку, выдѣлывая языкомъ все новые и новые трюки.

Наконецъ онъ, устаетъ насвистывать и камандуетъ:

— Стопъ!.. довольно!.. иди чай пить, да смотри теткѣ ничего не говори.—Обрадованный Пронька стремглавъ бѣжитъ въ комнату.

— Ну что, мой-то опять напился?— спрашиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ничего, все какъ слѣдуетъ.

— Что же у васъ возня такая была?

Пронька смиренно молчалъ.

— Что? да ящики съ крупой передвигали,— нехотя говоритъ Пронька. Но хозяйка ему не вѣритъ и сама идетъ въ лавку „посмотрѣть“. Черезъ минуту она, гнѣвная и растрепанная, съ внушительнымъ синякомъ подъ глазомъ, камнемъ влетаетъ въ комнату и яростно бросается на Проньку:

— Ахъ ты, стервецъ этакій, ты еще врать!.. —злобно хрипитъ она, хватая Проньку за волосы.

— Ну что? сама полѣзла, а я виноватъ! чего дерешься-то?..—кричитъ Пронька, отбиваясь изъ рукъ хозяйки.

— Пронька, чаю! — зычно несется изъ лавки.

— Отстань, довольно наливай чаю-то, а то еще попадетъ, опять я виноватъ буду,— продолжаетъ просить Пронька хозяйку, но она вскрикиваетъ и съ такою силою хватаетъ его снова за волосы, что онъ ударяется объ столъ головой. Хозяйка принимается наливать чай.

— На, неси ему...—съ злостью говоритъ она— Пусть захлебнется... Прорва!..

Пронька несетъ чай.

Ты что же, стервецъ ябедничать тамъ? а?— грозно спрашиваетъ его Зыковъ.

— Я не ябедничалъ, я сказалъ только, что все какъ слѣдуетъ, а она сама пошла...—оправдывался Пронька.

— А, что какъ слѣдуетъ... Сопляк!.. сама пошла... я тѣ покажу, какъ слѣдуетъ!.. паршивецъ — и Пронька получаетъ пару звонкихъ подзатыльниковъ и приказаніе идти колоть дрова. А Иванъ Петровичъ продолжаетъ „наливаться“ до тѣхъ поръ пока не засыпаетъ на прилавкѣ.

Грошикъ.

Передъ грозой.

Еще лазурь пылаетъ зноемъ
И яркимъ свѣтомъ, а вдали
Ужъ тучи, словно передъ боемъ,
Край неба грозно облегли

Вокругъ безмолвье и безлюдье,
Смолкаетъ звонкій птичій хоръ.
А лѣсъ-боецъ съ открытой грудью
Стоитъ, грозѣ наперекоръ.

Вотъ вихрь воспрянулъ, закружился,
Сверкнула молнія и громъ,
Какъ тяжкій поѣздъ прокатился
И замеръ въ воздухѣ глухомъ.

И лишь осины легкій трепетъ
Въ зловѣщій слышенъ тишинѣ,
Березокъ робкій, тихій лепетъ
И вздохи бури въ сторонѣ.

И. Кедръ.

Силуэты изъ жизни рабочихъ.

(Этюдъ).

Петька, выросшій на задворкахъ пролетарскихъ окраинъ, очень смутно вспоминалъ свою родину. Красныя гроздья вишенъ, спускавшіяся черезъ заборъ отъ сосѣда, телушка съ бѣлыми пятнами и кусты зеленѣющей смородины, въ которую онъ прятался—вотъ и все, что осталось въ его памяти.

Съ четырехлѣтняго возраста мать его—старая прачка брала съ собой помогать полоскать бѣлье на рѣчкѣ, развозить къ заказчикамъ и за это одѣвала Петьку въ старые сапоги, ношенное пальтишко и старый, съ чужой головы, картузъ.

Петька любилъ свою мать—эту худую съ чахоточнымъ лицомъ и впалыми глазами женщину, особенно плакалъ онъ глядя на ея растрескавшіяся отъ воды руки. Послѣ смерти матери сердобольными жильцами Петька былъ отданъ учиться грамотѣ. Помнитъ Петька, какъ однажды въ зимній вечеръ, когда онъ на корточкахъ у желѣзной печки одолѣвалъ заданные уроки, въ комнату вошла Анисья—старая торговка булками. И сказала ему:

— Ну Петька, бросай свои книги, нечего баклуши-то зря бить, собирайся завтра на фабрику..

Помнитъ Петька какъ сжалось его маленькое

сердце, какъ жаль стало ему этихъ отрепанныхъ книгъ—и онъ отвернулся въ темный уголъ комнаты скрывая свои слезы.

Утромъ аккуратная тетка Анисья въ первый разъ не разносила своимъ покупателямъ горячія булки и, завернувшись въ старый темный платокъ, повела Петьку на фабрику.

Утро было морозное, но ясное. Въ небесахъ еще золотились звѣздочки. Съ постоялаго двора зѣвая выѣзжали извозчики. Около знакомаго Петьки лабаза сгрудились голуби. Петька, въ худомъ и рваномъ пальтишкѣ, покорно, какъ собака, бѣжалъ сзади за озябшей Анисьей. Сначала онъ сердился на Анисью, но потомъ какъ увидѣлъ что она старается рванымъ платкомъ согрѣть свое старческое лицо, и какъ [illegible] попадать въ [illegible] башмаки, откуда временами проглядывали розовыя пятки—и ему стало ее очень жаль.

У воротъ кирпичнаго зданія Анисья остановилась и осторожно постучала въ калитку. Вышелъ сторожъ, маленькій и круглый какъ шаръ, смѣрилъ стоящихъ взглядомъ и, не отвѣчая на поклоны, бросилъ Анисьѣ:

— Ступай въ контору старуха.

Анисья взяла Петьку за руку и поднявшись на каменное крыльцо отворила дверь.

Въ конторѣ за зелеными столами звонко щелкали на счетахъ конторщики, приносились рабочими ящики съ какими-то предметами. Въ самомъ углу конторы, за отдѣльнымъ столомъ сидѣлъ самъ хозяинъ—толстый старикъ съ большою бѣлою бородою, съ острыми маленькими глазами.

Петька съ любопытствомъ и радостно осматривался вокругъ. Анисья застывшая на минуту, очнулась, выставила Петьку впередъ и, подойдя къ первому столу, съ поклономъ обратилась съ просьбой о Петькѣ.

Старый конторщикъ не отрываясь отъ работы смѣрилъ Петьку испытующимъ взглядомъ и отрывисто произнесъ:

— Взять-то можно, да маловатъ еще...

Анисья снова стала упрашивать его, тогда конторщикъ раздумывая обратился къ хозяину:

— Иванъ Афанасьевичъ, вѣдь намъ мальчики-то нужны, а она тутъ проситъ.

Старикъ заворочился на креслѣ, поправляя золотыя очки на носу и впиваясь въ оробѣвшаго Петьку глазами, рѣзко спросилъ:

— А годовъ сколько?

— Десятый пошелъ уже, кормилецъ - кланяясь отвѣтила Анисья. Старикъ еще разъ посмотрѣлъ на Петьку, подумалъ немного и снова отрывисто бросилъ:

— Нельзя, не проси, двѣнадцати нѣтъ... по фабричнымъ законамъ нельзя...

Анисья вздрогнула испуганно и еще униженнѣе стала просить о Петькѣ, заставляя его упасть въ ноги хозяину. Но конторщикъ настаивалъ:

— Вы Иванъ Афанасьевичъ не безпокойтесь за лѣта, двѣнадцать мы ему сдѣлаемъ, не впервой, а мальченка здоровый.—Хозяинъ ухмыльнулся и, погрозивъ толстымъ пальцемъ Петькѣ сказалъ обращаясь къ Анисьѣ:

— Встань старуха,—пускай остается. Алексѣичъ сведика его.—Къ Петькѣ подошелъ старый конторщикъ, толкнулъ его къ Анисьѣ:

— Прощайся съ теткой и пойдемъ!

Петька словно онѣмѣлый подошелъ къ Анисьѣ. Она поцѣловала его, обняла въ послѣдній разъ и, давъ тихонько въ руки мѣдный пятакъ, быстро удалилась изъ конторы. Только когда она ушла Петька почувствовалъ себя одинокимъ и ему стало грустно.

И снова въ головѣ его пронеслись и красныя вишни, телка, кусты смородины, старое лицо матери съ впалыми глазами и онъ не выдержалъ, съ рыданіями упавъ на волосатыя руки Алексѣича.

— Ну что-ты, что-ты, малышъ, ишь плакса какой, а еще фабричнымъ хочешь быть... Пойдемка я тебя сведу...

Петька глухо вздрагивая пошелъ за Алексѣичемъ. Идя по корридору Петька чувствовалъ, какъ—что-то грохочущее, гремящее и тяжелое приближается къ нему, какъ поѣздъ, и не успѣлъ онъ опомниться какъ тысячи звуковъ оглушили его...

Кругомъ стучали, визжали, свистѣли какія-то машины, глухо ворочая стальными рычагами.

Къ верху протягивался цѣлый дождь ремней, которыя ударяясь всплескивали и скользили какъ змѣи.

Весь воздухъ кругомъ какъ-бы гудѣлъ и звѣнѣлъ и отъ тяжелыхъ невиданныхъ ударовъ вся земля калебалась подъ ногами, какъ живая. Алексѣичъ подошелъ къ сѣдому рабочему, въ кожаномъ фартукѣ и отдавая ему Петьку строго произнесъ:

— Возьми, мальченка-то, да не порти. Потачки-то ему не давай.

Самобытникъ.

Могила „врага".

За Двиной на холмѣ
Крестъ бѣлѣя стоитъ,
А подъ этимъ крестомъ
Вражій воинъ зарытъ.

Спитъ мой врагъ по судьбѣ,
По рожденію—братъ
Спитъ такой-же, какъ я, —
Горемыка солдатъ...

Горемыка.

Красные цвѣты.

Весенній вѣтеръ ласковый и теплый
Съ утра метался въ сумрачномъ окнѣ
Стучался въ раму, билъ тревожно въ стекла
И вдругъ, ворвался въ комнату ко мнѣ...

Какой порывъ! Гремящихъ улицъ звуки
Тѣснятся вглубь свободнаго окна
И вновь мои измученныя руки
Ласкаетъ солнца жаркая волна. —

И мнится мнѣ, откуда-то примчалась
Весеннѣй пѣсни ранняя свирѣль
И подъ окномъ тревожно закачалась
Зеленой грудью пасмурная ель.

И въ кружевахъ зеленой колыбели
Блеснулъ весны призывно—свѣтлый взоръ.
А тамъ вдали—задумчиво синѣли
Какъ берега—изломы чудныхъ горъ.

И мнилось тамъ, въ восторженныхъ порывахъ
Гремятъ ручьи съ алмазной высоты
И какъ любовь—на сумрачныхъ обрывахъ
Горятъ на солнцѣ—красные цвѣты.

Самобытникъ.

Въ Октябрьскіе дни.

(Впечатлѣнія очевидца).

Незабываемая картина. Сѣрый октябрьскій день. Угрюмо и низко нависли надъ городомъ свинцовыя тучи. Мороситъ мелкій косой дождикъ. Такой былъ этотъ знаменательный день, когда рѣшалась судьба Великой Пролетарской Революціи. По московскому шоссе, шлепая по жидкой осенней грязи двигается отрядъ красногвардейцевъ, направляясь къ Пулкову навстрѣчу войскъ Керенскаго. Молчаливо, спокойно, безъ пѣсенъ музыки и алыхъ знаменъ движется революціонный авангардъ. Нѣтъ здѣсь ни театральности, ни бутофорскаго эффекта, чѣмъ такъ блистали дни февральской революціи, но что-то глубоко потрясающее есть въ этихъ спокойныхъ, сдержанныхъ лицахъ, въ этихъ полныхъ беззавѣтной отваги и рѣшимости глазахъ. Чувствуется, что только черезъ ихъ бездыханныя трупы могутъ пройти враги рабочаго класса. Возстаніе пролетаріата одинокаго, покинутаго интеллегенціей, предоставленнаго самому себѣ—сколько въ этомъ героизма, величественной красоты. По сторонамъ и позади идущаго отряда движутся дѣвушки—работницы. Онѣ бросили фабрики и перекинувъ черезъ плечи сумки съ медикаментами идутъ за своими братьями, чтобы облегчить ихъ страданія и если понадобится, то вмѣстѣ и умереть. Невольно вспоминается извѣстная рабочая пѣсня:

„Бросили работу за ружья взялись
Дружная рабочая семья"...

Дѣйствительно дружная рабочая семья, крѣпко спаянная непреклонной волей къ побѣдѣ. Какую красоту являла она предъ лицомъ грозной опасности. Начинало темнѣть. Издали доносилась орудійная конопада. По шоссе бѣшено мчались автомобили съ вооруженными матросами, солдатами и красногвардейцами и темной, сплоченной массой двигался впередъ отрядъ красногвардейцевъ.

Вл. Кирилловъ.

Къ пролетарской интеллигенціи.

Русская пролетарская и крестьянская интеллигенція! Тебѣ выпала на долю великая историческая задача—переустройство жизни всего человѣчества. Ученіе терпѣнія и покорности изжило себя. Мы должны быть дерзкими и смѣлыми. Мы должны создать новые храмы. Наша новая религія должна быть дѣйствительною спасительницею міра. Труденъ нашъ путь въ условіяхъ капитализма. Нѣтъ у насъ помощниковъ. Наша хваленая интеллигенція «внѣклассовая» и «внѣсословная» «самоосвобождающаяся» и «гармонически-развивающаяся» выявила неожиданное идеологическое единеніе съ эксплоататорскими классами и вступила съ ними въ открытый союзъ. Она дорожитъ своимъ привеллигированнымъ положеніемъ не меньше, чѣмъ помѣщикъ землею и капиталисты прибылями. Правда, всегда были и будутъ отдѣльныя личности, которыя умѣютъ свое этическое самоопредѣленіе поднять выше своихъ эгоистическихъ инстинктовъ, онѣ дѣйствительно сумѣли отстоять на славныхъ постахъ пролетарской и крестьянской революціи, но въ своемъ по-

давляющемъ большинствѣ не смогла наша интеллигенція быть вмѣстѣ съ народомъ, быть его разумомъ, быть его совѣстью. Наоборотъ, богатые своими капиталами буржуазные классы нашли въ интеллигенціи неизсякаемые кадры своихъ защитниковъ. Теорія узко-буржуазнаго характера русской революціи... Развѣ это не было насмѣшкой надъ обливающимся въ борьбѣ кровью крестьянствомъ и голодающимъ рабочимъ классомъ. Патентованные носители свѣта и проповѣдники самоотверженнаго патріотизма выхватили изъ пыльнаго архива своихъ идейныхъ противниковъ лоскутья истрепанныхъ временемъ міровозрѣній и ими сбивали съ толку трудящіеся массы. Интеллигенція еще не умерла, какъ творческій источникъ матеріальныхъ цѣнностей, но она уже не будетъ духовнымъ вождемъ массъ. Пролетаріатъ и крестьянство должны своимъ упорнымъ коллективнымъ трудомъ выковать свое будущее. Особенно огромная тяжесть падаетъ на сознательную часть крестьянства. Городской пролетаріатъ по своей природѣ является могильщикомъ буржуазіи, но крестьянство если сумѣетъ окрѣпнуть въ мелко-хозяйственныхъ формахъ, а это весьма возможно, то ему нужно слишкомъ высокую культурность, что-бы правильно опредѣлить свое мѣсто въ начавшейся соціальной революціи.

Хочется вѣрить, что каждый изъ насъ, товарищи, явится умѣлымъ каменьщикомъ въ великомъ дѣлѣ строительства нашего завтра. Прочными нитями должны связаться трудящіеся массы и города и деревни. Политическими организаціями техническими курсами, клубами, театрами, библіотеками должны быть усѣяны необъятныя русскія поля. Въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ кооперативѣ, вездѣ, гдѣ есть хоть какія возможности, должны возникнуть очаги пролетарской культуры. Не съ безсознательнымъ стремленіемъ къ лучшему, а съ яркимъ пониманіемъ своихъ историческихъ задачъ, должны мы творить свою культуру, товарищи. Не одно наше усиліе не должно быть напраснымъ. Вся наша работа въ области литературы, музыки, техн. образованія, живописи, ваянія, научныхъ изслѣдованій и пр. должна быть связана единствомъ нашей цѣли — сознательнымъ достиженіемъ соціализма. Не мало уродливыхъ явленій всплываетъ на поверхность взбаламученнаго моря нашей жизни. Съ ними предстоитъ борьба. Мы должны тщательно учитывать свои силы, и находить строгія и умѣстныя формы для своей работы. Всѣ свои организаціи, служащими ячейками просвѣт. дѣятельности мы должны строить по тремъ типамъ:

I. Изученіе всѣхъ тѣхъ наукъ, истины которыхъ не вызываетъ различныхъ толкованій. Математика, языки, естеств. науки и др. Только въ этихъ наукахъ возможно довѣріе къ тѣмъ попутчикамъ, которые придутъ къ намъ на помощь. Эта первая ступень къ завоеванію положительныхъ знаній.

II. Изученіе всѣхъ тѣхъ наукъ, выводы которыхъ по разному воспринимаются, по разному истолковываются. Сюда должны быть отнесены всѣ науки не успѣвшія застыть въ окончательныхъ формахъ. Исторія, полит. экономія, соціологія, психологія и др. Въ изученіи этихъ наукъ слѣпое довѣріе къ попутчикамъ и къ литературнымъ наслѣдованіямъ совершенно недопустимо. Это разработка нашего классоваго самосознанія. Это база для нашей полит. и эконом. борьбы... Путемъ точной провѣрки данныхъ, наша коллективная мысль должна указывать намъ на наши очередные шаги.

III. Созданіе новыхъ наукъ, обоснованныхъ на тѣхъ соціальныхъ, психическихъ и космополитическихъ явленіяхъ, которыя еще не могли сдѣлаться предметомъ изученія. Не меньше, если еще не больше, работы предстоитъ и въ области искусства. Передъ нами задачи воспринять красоты минувшаго, оцѣнить состояніе искуства въ настоящемъ и предугадать эстетическіе запросы будущаго

Рушится страшная жизнь. Умолкаютъ грустные аккорды міровой скорби. Звучатъ бодрыя пѣсни міровой радости. Съ гордо поднятой головой, пойдемъ-те же, товарищи, къ своему Грядущему.

Торскій.

Пѣснь солдата.

Мятелица.

То не бѣлый туманъ въ полѣ стелется,
Не волчица волченка зоветъ,
То бушуетъ и злится мятелица
Бѣлымъ саваномъ поле мятетъ...

Стонетъ мечется самкой голодною
Въ чистомъ полѣ не зная преградъ:
Засыпаетъ окопы холодные
И хоронитъ въ сугробахъ солдатъ.

Засыпай, засыпай насъ мятелица!..
Дай въ сугробахъ намъ тихо уснуть...
Пусть кручина туманомъ не стелется
И не давитъ солдатскую грудь...

Горемыка.

Культура и просвѣщеніе.

Въ настоящее время, когда пролетаріатъ побѣдилъ безобразнаго, всепожирающаго дракона—царизмъ, когда онъ свергаетъ владычество лукаваго и хищнаго капитала, отрекается отъ остатковъ стараго, чернаго Міра, — онъ естественной и исторической необходимостью призванъ творить, строить на развалинахъ былого, дряхлаго Міра — Міръ новый, красочный... призванъ выковывать свое право, кристаллизировать законъ, пролагать огнистый путь къ обще-пролетарскому и обще-человѣческому счастью.

Свое высокое призваніе пролетаріатъ сознаетъ и всѣ заданія выполняетъ честно и радостно, не смотря на множество всевозможныхъ препятствій. Прежде всего, величайшимъ тормазомъ его творческой работы, злѣйшимъ врагомъ и громадной преградой на пути, являются: *наличность низкаго уровня грамотности*, какъ слѣдствіе деспотическаго, поповско-жандармскаго строя, когда грамотность, образованье были доступны лишь немногимъ, и во всякомъ случаѣ, не пролетаріату. Когда школы, университеты, книги, пресса, словомъ, весь духовный капиталъ – находился въ рукахъ враговъ пролетаріата. Когда всякое стремленье къ *истинному знанью*—каралось тюрьмой и катаргой, всякій смѣлый порывъ къ Свѣту—грозилъ смертной казнью, пресѣкался и искоренялся... И все это продѣлывалось врагами пролетаріата, съ необычайно яростнымъ рвеніемъ и жестокостью.

Но не смотря на всѣ козни и лютость враговъ, пролетаріатъ сохранилъ въ себѣ самое главное и цѣнное, чего врагамъ, при всемъ ихъ усердіи, «вырвать съ корнемъ»—не удалось. Пролетаріатъ сохранилъ—неизбывный источникъ энергіи, пламя порыва и стремленіе къ свѣту, къ знанью, неизсякаемую вѣру въ свои силы и торжество побѣды надъ врагомъ... сохранилъ политическую чуткость, глубину философскаго міровоззрѣнія и эстетическаго міроощущенія.

Онъ сохранилъ то яблоко, которое его прародитель снялъ съ древа «Познанія Добра и Зла».

Онъ сохранилъ Огонь украденный у властителя Міровъ титаномъ Прометеемъ. Этотъ безцѣнный Духовный Капиталъ пролетаріата даетъ ему право занять первое и почетное мѣсто. Даетъ силу бороться, побѣждать и утверждаться... Даетъ возможность идти впередъ.

Нужно ли говорить, что лучшимъ и самымъ могучимъ факторомъ въ созидательномъ процессѣ пролетаріата и могучимъ двигателемъ по пути прогресса, новыхъ завоеваній къ конечной цѣли — *Соціализму* являются два всеобъемлющія огненныя слова—К у л ь т у р а и П р о с в ѣ щ е н і е. Сфера ихъ вліяній и дѣйствій — безграничны... Горизонты – необозримы... Значеніе и могущество—огромны...

Пролетаріатъ это знаетъ, учитываетъ, и къ его чести, теперь, когда имъ же открыты широкія возможности, стремиться разумно и правильно использовать ихъ и воплотить въ реальныя формы. Политическое и классовое чутье, философскій анализъ и эстетическіе запросы, которые онъ сохранилъ въ себѣ, помогаютъ ему изъ вороха грязнаго, гнилого и лишняго выбрать крупинки истиннаго и нужнаго Знанья и Красоты и пересадить на свою здоровую, плодородную почву.

Пролетаріатъ съ первыхъ дней Революціи началъ постепенно и послѣдовательно проводить, воплощать въ жизнь все необходимое и возможное и, расширяя и развивая свою дѣятельность, шагъ за шагомъ, приближается къ Великой Цѣли, какъ бы поднимаясь по гигантской лѣстницѣ. На ряду съ коллосальными политическими, государственными переворотами и преобразованіями, пролетаріатъ сдѣлалъ не меньшія достиженія и въ области умственной, духовной... Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь взглянуть, хотя мелькомъ, на цѣлый рядъ имъ организованныхъ и созданныхъ культурныхъ начинаній, на сѣть раскинутыхъ клубовъ, курсовъ, школъ и др. очаговъ свѣта.

Я не имѣю возможности въ этой статьѣ дать полный обзоръ дѣятельности вышеназванныхъ ячеекъ, но не могу не указать на то, что при каждомъ почти клубѣ есть тѣ, или иные вечерніе курсы, занятія, библіотеки, читальни, музыкальные, драматическіе, литературно-художественные и др. кружки. Почти при каждомъ клубѣ есть театральный залъ, гдѣ читаются лекціи, ставятся, и самими же рабочими прекрасно исполняются строго классическія вещи, при выборѣ которыхъ пролетаріатъ ошибокъ не дѣлалъ, ибо онъ сдавалъ послѣдній экзаменъ, здѣсь онъ особенно выпукло обнаружилъ сохраненное имъ тонкое эстетическое, политическое и классовое чутье, богатый запросъ духа, умѣнье отыскать здоровое, облагораживающее и отмести прочь—больное и пошлое. Эту чуткость обнаруживаютъ не только организаторы, передовики, но и рядовые пролетаріи, такъ называемая «масса». На организованныхъ мною, при помощи большинства товарищей, Вечернихъ Общеобразовательныхъ Курсахъ при Петроградскомъ металлическомъ заводѣ, былъ интересный и поучительный случай: преподавательница Русской исторіи Р. А. П. замѣтила, что количество посѣщающихъ быстро сокращается, обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ помочь ей выяснить причину этого нежелательнаго явленія. Но выяснять мнѣ не пришлось, ибо учащіеся, еще наканунѣ, рѣшили заявить мнѣ и преподаватель-

ницѣ, что исторія, гдѣ говорится только про царей и почти не слова про народъ и условія его жизни, исторія, гдѣ царей рисуютъ добрыми радѣтелями и благодѣтелями своего народа и страны—ихъ неудовлетворяетъ.

Это на курсахъ. Въ театрѣ чутье «массы» обнаруживается ярче, яснѣе. Нужно только подойти къ рабочему театру поближе и присмотрѣться. Поставьте на сценѣ рабочаго театра сальный водевиль, чему обыкновенно рукоплещетъ «интеллигентная» публика,—зритель-рабочій уйдетъ во время перваго же дѣйствія. Читайте монологи или стихи, не только пошлые, а хотя бы и красивые по отдѣлкѣ, но безсодержательные—зритель останется недоволенъ. Рабочій проститъ автору и артисту многое, но не проститъ содержанія. Онъ холодно встрѣтитъ безъидейное, мертвое и проклянетъ за злое.

«Я проклялъ васъ, люди! живите въ потьмахъ».

Приведенные выше стихи К. Бальмонта, если ихъ прочитать на сценѣ рабочаго театра,—вызовутъ бурю негодованья. И наоборотъ, все идейное, доброе, не сатанинское, бодрое, зовущее къ Свѣту, хотя бы менѣе отшлифованное—принимается любовно и восторженно. Я не говорю о переполненіи театра при постановкѣ пьесъ съ пролетарской идеалогіей и вечеровъ «Пролетарской поэзіи», повторяемыхъ по нѣскольку разъ на одной и той же сценѣ. Я не говорю и о томъ, что рабочіе со всѣхъ предмѣстій бѣгутъ въ Модернъ, чтобы выслушать лекцію Луначарскаго и совершенно отказываются слушать, не только «Ка-Де», но и Потресова съ «Бабушкой»; отказываются посѣщать «Поэзо-концерты», созерцать «лиловые чулки» и слушать музыку подъ «пупсика» и пр. Но я хочу указать на то, что лекціи Луначарскаго рабочими—записываются, а стихи Пролетарскихъ поэтовъ—заучиваются наизусть.

Кто далеко стоитъ отъ пролетаріата, кто не есть атомъ его здороваго гигантскаго тѣла—тотъ этого не видитъ. Тотъ не видитъ результатовъ этой колоссальной работы, результатовъ творчества, не видитъ процесса нравственнаго оздоровленія. Перепуганныя вспыхнувшимъ во мракѣ ночи яркимъ свѣтомъ пучеглазыя совы и лживые жалкіе мѣщанишки «окуровцы», вопятъ о звѣрствахъ чинимыхъ пролетаріатомъ, вопятъ о дикости и хулиганствѣ рабочихъ на окраинахъ. Я считаю излишнимъ съ ними полемизировать по поводу «звѣрствъ», ибо всякій здравомыслящій и честный человѣкъ знаетъ, что Россійскіе государственные и политическіе перевороты были не революціонными возстаніями, а крупными демонстраціями, торжественными празднествами. Россійскій пролетаріатъ, солдатъ и крестьянинъ явили Міру неслыханное великодушіе къ своимъ классовымъ врагамъ и безпримѣрную гуманность. Защищать этого не надо, это говоритъ само за себя.

А «окуровцевъ» я просилъ бы вспомнить и представить картину ковырянія зонтиками глазъ убитыхъ рабочихъ парижскими «благовоспитанными» дамами. Вопль о хулиганствѣ рабочихъ—или безчестная клевета, или болѣзненная галюцинація. Укажу клеветникамъ-галюцинаторамъ на «страшную», особенно пугающую ихъ Выборгскую сторону. До революціи грабежи и ножовыя расправы здѣсь насчитывались каждодневно десятками, теперь не зафиксируешь и единицы. И не одного пьянаго погрома. Это отрадное явленіе говоритъ не о хулиганствѣ, а о чудесахъ Революціи, о процессѣ нравственнаго оздоровленія. Совы и «окуровцы» этого не видятъ. Не видятъ, и стремленій пролетаріата, увы, не поймутъ.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что все сдѣланное пролетаріатомъ, въ этой области — поблѣднѣетъ передъ тѣмъ, что онъ долженъ сдѣлать... И, разумѣется, сдѣлаетъ. Раскрѣпощаясь политически и экономически, онъ растетъ и крѣпнетъ духовно. Вмѣстѣ со своимъ освобожденіемъ онъ несетъ — *Свѣтъ и Культуру.* И въ этомъ онъ преуспѣваетъ. Въ процессѣ борьбы, при усиленно-напряженной умственной работѣ, — онъ вноситъ свою здоровую пролетарскую логику, свое обоснованіе, вливаетъ свою творческую живую струю — въ науку, философію, мораль, этику и эстетику, выбрасывая за бортъ все ложное и вредное.

Работы впереди пролетаріату очень и очень много, но и сдѣлано имъ уже не мало. И когда оглядываешся назадъ, смотришь на пройденный путь, на достигнутое и сдѣланное—хочется радоваться радостью ребенка, а въ груди растетъ и крѣпнетъ неизбывная Вѣра въ Будущее.

Скоро, скоро засіяетъ радужными огнями — *Истинный Свѣтъ, Истинная Красота.*

Аксень-Ачкасовъ.

Въ весенній день.

Сегодня въ лазурномъ просторѣ
Весеннее солнце такъ ярко!
И зелень, какъ свѣтлое море,
Шумитъ надъ дорожками парка.

На свѣжемъ пескѣ и скамейкѣ
Тѣнь бросила сѣтки узора;
Дрожатъ золотистыя змѣйки
На сумрачной башнѣ собора...

На днѣ чуть замѣтной канавки
Торопятся струйки живыя,
И дѣти въ сверкающей травкѣ
Сбираютъ цвѣты золотые...

И радостно въ морѣ зеленомъ
Встревоженнымъ птицамъ купаться;
Трамваю съ гудѣньемъ и звономъ
По улицѣ гулкой промчаться...

И свѣтлые люди такъ рады
И солнцу и ласковой тѣни;
Вонъ, дѣвушка рветъ у ограды
Лиловыя гроздья сирени...

Навѣрно въ угрюмомъ заводѣ
Объ ней она долго мечтала, —
Какъ я все томлюсь о свободѣ
Въ тяжелыхъ цѣпяхъ капитала.

Самобытникъ.

Своевременныя мысли.

Въ кровавомъ вихрѣ безумной міровой бойни, въ заревѣ горящихъ селъ и городовъ, подъ грохотъ чудовищъ-орудій и стоны милліоновъ умирающихъ на поляхъ сраженій несчастныхъ рабочихъ и крестьянъ одѣтыхъ въ защитнаго цвѣта шинели, въ книгу исторіи человѣчества вплетается новая, ослѣпительно-яркая страница, страница эта—наша Великая Пролетарская Революція. Милліоны измученныхъ истерзанныхъ войною людей, всей Европы съ глубокой, радостной надеждой обращаютъ свои взоры на востокъ гдѣ въ туманѣ и снѣгахъ безбрежнихъ русскихъ равнинъ вспыхнулъ яркій факелъ свѣта, вѣщающій близкую радость всеобщаго мира, братства равенства и свободы.

Съ грохотомъ рушатся подгнившіе устои стараго міра и тучнымъ перегноемъ ложась на измученную землю готовятъ добрую почву для свѣжихъ зеленѣющихъ всходовъ новой культуры. Съ ужасомъ смотрятъ палачи и угнетатели всѣхъ странъ какъ безвозвратно уходитъ въ бездну вѣковъ темное царство насилія и порабощенія человѣкомъ человѣка. Все мелкое, мѣщанское, все что питалась крохами и объѣдками съ господскаго стола, растеряно мечется, дрожа за свое жалкое мнимое благополучіе и на арену жизни выступаетъ новый властитель міра—Пролетаріатъ. Пока еще длится процессъ разрушенія стараго и всѣ лучшія силы пролетаріата поглощены текущей работой по окончательной ликвидаціи проклятаго прошлаго, пока идетъ корчеваніе гнилыхъ, но глубоко еще сидящихъ въ землѣ пней не можетъ быть замѣтно культурнаго строительства новаго хозяина жизни.

И странно слышать и видѣть, какъ нѣкоторые бывшіе идейные и духовные вожди пролетаріата, долгіе годы служившіе великой цѣли освобожденія рабочаго класса, теперь, когда этотъ классъ сбросивъ съ себя оковы вѣкового рабства неопытными но могучими и непреклонными руками берется за строительство новой жизни эти бывшіе вожди, вмѣсто того чтобы слится съ нимъ въ этой великой работѣ, ставъ въ позу безучастныхъ наблюдателей занялись неблагодарной работой отыскиванія на тѣлѣ освободившагося исполина язвъ и рубцевъ — слѣдовъ прошлаго насилія и рабства.

Прикинувшись наивными простаками они съ ужасомъ кричатъ о мнимыхъ преступленіяхъ и жестокостяхъ рабочаго класса, о зоологическихъ инстинктахъ толпы, объ отсутствіи идеализма и т. д. Какъ будто невѣдая о томъ, что ни одна революція въ мірѣ не была такъ гуманна и милосердна къ побѣжденному врагу.

Кабинетные ученые и писатели, которымъ счастливая судьба и кровавый потъ рабовъ дали возможность все свое время и дарованія отдавать на творческую, сознательную работу, ставятъ на видъ рабочему классу отсутствіе у него культурныхъ цѣнностей.

Бѣднымъ измученнымъ пролетаріямъ, всецѣло поглощеннымъ борьбой за существованіе и за свое политическое и экономическое освобожденіе, ставятъ на видъ—отсутствіе положительной творческой работы и это дѣлается въ моментъ небывалой борьбы этого класса со своимъ могучимъ «Культурнымъ» врагомъ. Съ грустью приходится отмѣтить, что условія среды и оторванность отъ широкихъ народныхъ массъ наложили пелену на глаза даже самыхъ сильныхъ провидцевъ человѣческой души. Великія событія оказались выше великихъ людей и приходится сказать горькія, но правдивыя слова: вы спѣли свои пѣсни... Вы были молоды и прекрасны... Въ великомъ процессѣ освобожденія народа будетъ отмѣчена и ваша плодотворная работа... Но вы все-же люди, отдѣльныя личности и какъ таковыя ограничены т. е. имѣетѣ свое «начало» и «конецъ», а вѣчно живая жизнь въ своемъ неудержимомъ движеніи впередъ незнаетъ ни предѣловъ ни границъ. Могучія волны бытія вынесли васъ на поверхность жизни и снова уносятъ въ темную пучину, что-бы въ слѣдующій разъ вынести другихъ для новаго творчества, для новыхъ достиженій. Всякій, кто близко соприкасается съ народными массами,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на пролетарскій литературно-художественный журналъ

„ГРЯДУЩЕЕ“

поставившій своей цѣлью способствовать выявленію пролетарскихъ творческихъ силъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1 годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
12 руб.	6 руб.	3 руб.	1 р.

Цѣна отдѣльнаго № 60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

Тамбовская улица, 63—10, Лиговскій Народный Домъ

отъ 6 час. до 8 час. вечера ежедневно.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ РЕДАКЦІИ:

отъ 7 час. до 9 час. вечера по Четвергамъ и Воскресеньямъ.

Типо-Литографія „Ш. Буссель“. Петроградъ, Лиговская ул., д. 117.

59-11

№ 2. Май—1918 г. Цѣна 60 к. на ст. жел. дор. 70 к.

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Изданіе „ПРОЛЕТКУЛЬТА“.

Участвуют писатели-рабочіе: Аксень-Ачкасов (*И. Садофьев*), П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (*С. Копѣйкин*), Горемыка (*С. Ефремов*), В. Игнатов, И. Іонов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, Н. Отсоли, Самобытник (*А. Маширов*), В. Торскій (*В. Царев*), Н. Тихомиров, А. Луначарскій, В. Полянскій, А. Поморскій и др.

СОДЕРЖАНІЕ:

Первомайскій гимн. **В. К.**—Злободневные вопросы. **В. Полянскаго.** — Вѣнок. — Мы. *Стих.* **Вл. Кириллова.**—Революція и искусство. **А. Голубь.**—Из пѣсен рабочаго. **Я. Бердникова.**—Городу. **Вл. Кириллова.**—Любовь. *Стих.* **Самобытника.** — Матери. *Стих.* **Горемыки.**—Тѣни. *(Этюд).* **А. Поморскаго.** — Борьба за творчество. **В. Торскаго.** — Пѣвцу-пролетарію. *Стих.* **И. Кедра.**—Думы. *Стих.* **Горемыки.**—В лѣсу. *Стих.* **Н. Отсоли.** — Пролетаріат. *Стих.* **А. Поморскаго.**—Задачи пролетарской культуры.—В казармѣ. *Стих.* **Торскаго.** — Пролетарскій театр. **В. Игнатова.** — Башня. **А. Гастева.** — Весенняя прелюдія. **Ф. Грошикова.** — На стрѣлках. **Грошика.** — Весеннія грезы. **Самобытника.** — Я обвѣян печалями... *Стих.* **Л. Котомки.** — Новый пролетарскій орган. — „Под Знамя Правды“. — Къ „Башнѣ“ А. Гастева. — О культурно-просвѣтительном отдѣлѣ центральной управы. **Е. Богдатьева.** — О работѣ лекторско-клубнаго отдѣла Пролеткульта. **П. К.**

Адрес редакціи и конторы: Дворец Пролетарской Культуры, СПБ., Екатерининская, 2. Открыта по Воскресеньям и Четвергам от 7 до 9 час. вечера.

Отчеты о дѣятельности просвѣтительных пролетарских организацій.

Отчет о дѣятельности Исполнительнаго Комитета Петербургских Латышских Культурно-Просвѣтительных Организацій „Латпролеткульт“ за 1917 годъ.

В нѣскольких словах нельзя, конечно, нарисовать полную и ясную картину дѣятельности „Латпролеткульта“ за прошедшій год. Но смѣло можно сказать, что его работа в области культурно-просвѣтительной—духовнаго подъема и воспитанія чувств и разума широких пролетарских масс, в строгом классовом духѣ—принесла кое-какіе плоды.

Благодаря своему „Культ-Центру“, Петербургскій латышскій пролетаріат достиг болѣе яснаго и опредѣленнаго пониманія задач культурнаго строительства. В этом отношеніи он работал самостоятельно.

Организован „Латпролеткульт“ был по иниціативѣ клуба „Культура“, 14-го сентября на общем собраніи всѣх городских латышских культурно-просвѣтительных организацій, стоящих на точкѣ зрѣнія III-го Интернаціонала.

Собраніе единогласно постановило считать себя: „Исполнительный Комитет Петербургских Латышских Пролетарских Культурно-Просвѣтительных Организацій“. В Исполнительное Бюро были выбраны:

Товарищи Шкила, Эйзеншмидт и Озоль. Были также выбраны комиссіи по внѣшкольному образованію, и представители в Комитет Петроградскаго Новаго Латышскаго театра.

Очень много времени отнял вопрос об организаціи Латышскаго Народнаго Университета.

„Латпролеткультом“ 7-го декабря было созвано общее собраніе, на котором был создан ряд секцій: театральная, библіотечная, клубная и лекторская и организованы пѣвческій хор и театральная студія, представляющих около 1½ тысячи организованных членов.

Накануне Новаго года Исполнительным Комитетом было еще организовано Лекторское Бюро. Исполнительный Комитет участвовал при открытіи нѣскольких клубов как мѣстных, так и провинціальных (Кронштадт), принимая непосредственное участіе и в исполненіи программы (декламація, хоровое пѣніе, лекціи и т. д.) В связи с общими, чисто идейными разногласіями с Комитетом Петроградскаго Латышскаго Новаго театра, „Латпролеткульт“ прервал с ним сношенія.

Исполнительное Бюро не имѣло собственнаго помѣщенія, но Совѣт дома Рабоче-Крестьянской Арміи отпустил ему в безплатное пользованіе одну из комнат. Финансовая сторона „Латпролеткульта“ скудна, клубы и другія организаціи не могли помочь ему. Весь „баланс“ равнялся нѣскольким стам рублям.

Петербургскій „Латпролеткулът“ тѣм не менѣе не умрет, а в Москвѣ уже создан такой же орган, и приступают к подговительным работам по организаціи Всероссійской Конференціи латышских пролетарских культурно-просвѣтительных организацій для избранія Центральнаго „Латпролеткульта“

Хотя красная Латвія занята нѣмецкими „Культуртрегерами“ все-таки пролетаріат Латвіи не поддается шовинизму,—„Ubi bene, ibi patria“—(„гдѣ хорошо, там мое отечество“),—а Россія, к тому-же не чужая, и в ней дано право всѣм народностям развивать до максимума и свою культурно-просвѣтительную дѣятельность.

О. Золь.

О Лиговском Народном Домѣ

(бывшем С. В. ПАНИНОЙ).

В настоящее время, когда перед нами стоит вопрос о развитіи широкой культурно-просвѣтительной дѣятельности и созданіи Рабочих Дворцов, не мѣшает напомнить о существующем в Петроградѣ Лиговском Народном Домѣ (бывшем С. В. Паниной), помѣщающемся на углу Прилукской и Тамбовской ул., 63/10, который является, хотя не вполнѣ совершенным по своей структурѣ, но все-же ярко выраженным образцом Рабочаго Дворца. Сооруженный на личныя средства С. В. Паниной, ея-же средствами поддерживающій свое существованіе, он именно, в силу этой финансовой зависимости от учредительницы, лишен был возможности развиться в идеальный тип Рабочаго Дворца. Его руководители, привыкшіе работать по методамъ и взглядам, чуждым пролетарскому міровоззрѣнію, не смогли превратить несовершенный зародыш Л. Н. Д. в пышный организм Рабочаго Дворца.

Но несмотря на эти несовершенства, Народный Дом С. В. Паниной, за свое, почти, пятнадцатилѣтнее, существованіе, сыграл огромную роль в дѣлѣ культурнаго просвѣщенія рабочих масс. Пролетаріат Петрограда обязан ему многими незаурядными и значительными работниками на самых разнообразных поприщах жизни.

Цѣлый ряд политических каторжан и ссыльных свидѣтельствуют болѣе чѣм краснорѣчиво о прошлой работѣ бывших учеников Л. Н. Д. Многочисленные дѣятели армейских комитетов, члены пролетарских центральных организацій, работники продовольственнаго дѣла, наконец, таланты рабочих писателей и поэтов, пока извѣстных лишь верхнему слою рабочей интеллигенціи, но безусловно будущих крупных работников в области искусства и литературы, все это ярко говорит о роли Л. Н. Д. Послѣ

(*Продолженіе см. на 3 стр. обложки*).

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНІЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 2. № 2.

Участвуютъ—А. Луначарскій, Б. Полянскій; писатели рабочіе: Аксен-Ачкасов (П. Содофьев), П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (*С. Копыйкин*), Горемыка (*С. Ефремов*), В. Игнатов, И. Іонов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, Н. Отсоли, Самобытник (*А. Маширов*), В. Торскій, (*В. Царев*), П. Тихомиров, А. Поморскій и др.

Первомайскій гимн.

Сестры, надѣньте вѣнчальныя платья,
Путь разукрасьте гирляндами роз,
Братья, раскройте друг другу объятья:
Пройдены годы страданій и слез.

С фабрик, заводов и дымных окраин,
Всѣ выходите наш праздник встрѣчать,
Шествуй, земли полновластный Хозяин: —
Ты, пролетарская честная рать!

Громче, оркестры, выше, знамена,
Славьте Великій Рабочій Союз,
Славьте всемірных борцов легіоны,
Армію синих, замасленных блуз.

Славьте Великое Первое Мая —
Праздник труда и паденья оков,
Славьте Великое Первое Мая —
Праздник свободы, весны и цвѣтов!

В. К.

Злободневные вопросы.

Вопрос о пролетарской культурѣ с каждым днем ставится и дебатируется в широких рабочих массах все чаще и чаще. Политическія событія уже не в силах отодвинуть его на задній план. И это вполнѣ естественно. Рабочій класс, не только передовые слои его, но и вся масса сознала, что побѣда над буржуазным міром может быть окончательно закрѣплена лишь тогда, когда капиталистическій строй будет обезоружен не только физически, но и духовно. В октябрскіе дни мы побѣдили капиталистическую власть и взяли ее в свои руки; теперь мы идем к новой, болѣе грандіозной и величественной побѣдѣ, — к побѣдѣ над буржуазной культурой, часто мѣшающей пролетаріату в его революціонном, творческом процессѣ приблизиться к своему великому и украшающему жизнь идеалу, соціализму.

Новая пролетарская культура, конечно, не родится по мановенію волшебной палочки в опытных руках того или иного вождя рабочаго класса. Если соціализм, как опредѣленная система хозяйства, всегда мыслился нами, как завершеніе опредѣленнаго цикла развитія капитала, — то соціализм, как и новая культура, возможен только послѣ преодолѣнія культуры буржуазной. Овладѣть буржуазной наукой, искусством во всѣх его формах, моралью и т. п. — это первая и так-сказать предварительная задача. Взять из доставшагося наслѣдства все, что может быть употреблено как строительный матеріал для новаго зданія, переработать его и привести в состояніе, отвѣчающее великой цѣли, — это вторая задача. Собрать и привести к единству элементы чисто пролетарской культуры, рождающейся как в борьбѣ со старом міром, так и в коллективном трудѣ, —

главным образом, конечно, в трудѣ, в товарищеском единенiи в стѣнах душной фабрики или завода,— третья задача. И только послѣ этой работы можно будет украсить мiр новой общечеловѣческой культурой, незнающей собственности, эксплуатацiи и угнетенiя человѣком человѣка.

Идеологiя, выростая на опредѣленных экономических отношенiях, всегда отстает в своем развитiи от развитiя своей основы—экономики. Нужно планомѣрное и сознательное вмѣшательство в процесс оформленiя того или иного мiросозерцанiя, чтобы оно не только в своей общей формѣ, в возможности, но и в деталях соотвѣтствовало опредѣленному экономическому моменту. И не только нужно вмѣшательтво, но оно и вполнѣ возможно, раз ясно осознаны основы, содержанiе и форма новой идеологiи. Нельзя тащиться в хвостѣ историческаго процесса, надѣясь, что все сбудется и придет само по себѣ; надо быть активной творческой силой, быть опытным акушером, чтобы в нашем творчествѣ не отдавать себя в распоряженiе судьбы, часто весьма капризной в своем движенiи вперед. Всякаго рода оппортунисты, ставшiе в ряды защитников совѣтской власти, но еще не успѣвшiе, а пожалуй и не могущiе, отрѣшиться от своего мѣщанства, продолжают оспаривать мысль, что пролетарiату нужно *вырабатывать* свою культуру; они предпочитают, как и в былые годы, беззубо шамкать о *содѣйствiи развитiю* новой культуры. Старая пѣсня; в область культуры она перенесена из политики. Там она умерла, умрет и здѣсь, не успѣвши расцвѣсть. Надо полагать, что мы долго не имѣли бы диктатуры пролетарiата и бѣднѣйшаго крестьянства, еслибы безконечно пережевывали меньшевистскую жвачку „о содѣйствiи развитiю“. Нужен был революцiонный удар. Точно также и в области культуры мы должны быть творцами революцiонерами. В этом отношенiи революцiонная буржуазiя времен великой французской революцiи была куда смѣлѣе наших новоявленных „авторитетов“ в области пролетарской культуры, „авторитетов“, не отличающих простого демократическаго культуртрегерства от революцiонно-творческого процесса.

Может-ли пролетарiат, особенно у нас, вѣками удаленный от всѣх завоеванiй культуры, как матерiальной, так и духовной, а в массѣ лишенный даже простого первоначальнаго знанiя, овладѣть культурой умирающаго мiра сам, исключительно своими собственными силами, без помощи всякого рода сочувствующих попутчиков из буржуазного мiра? Теперь это злободневный и острый вопрос. И отвѣт должен быть ясен и опредѣлен. В данный момент интенсивной и лихорадочной перестройки общества пролетарiат, несомнѣнно, нуждается в помощи интеллигентных сил, в той или иной степени вступающих с ним в контакт. Духовная культура стараго общества,—наука, искусство, литература, философiя, техника,—все это в руках интеллигенцiи. Сейчас она является господином положенiя в этой области; и без ея содѣйствiя пролетарiату пришлось бы потратить много лишняго времени и сил в преодолѣнiи старой культуры. Неся с собой элементы высшей культуры, пролетарiат, благодаря тому, что он лишен нужных знанiй, часто не в состоянiи придать нужную форму своим мыслям, переживанiям и настроенiям. С мучительной тревогой он бросает кисть и перо, не в состоянiи передать свои душевные порывы и тревоги на полотнѣ или в поэзiи своим товарищам. Нужна помощь в этом дѣлѣ людей опытных. Всѣм этим мы, конечно не хотим сказать, что пролетарiат, как ученик, отыскивает себѣ учителей из буржуазной интеллигенцiи, отдает себя в их распоряженiе, в лучшем случаѣ становится на равную высоту с учителем и успокаивается. Совсѣм нѣт. Рабочiй класс ко всякому руководству интеллигенцiи, хотя-бы и сочувствующей нам, должен относиться критически, а матерiал, преподносимый ею, перерабатывать по своему, согласуя его со своим лучезарным идеалом общества будущаго. Мы сознаем, какiя громадныя цѣнности накоплены человѣчеством в прошлом; у нас нѣт стремленiя отмахиваться от этого наслѣдства, как буржуазнаго. Наоборот. Но в то же время мы остро понимаем, что эта культура классовая. Овладѣть ею еще не значить быть творцем новой жизни; интеллигенцiя владѣет старой культурой, но она не только не творит новой жизни, но кипит злобой и ненавистью к рабочим массам, когда они в едином творческом порывѣ стремятся „к звѣздам“. Никто иной, а все та же интеллигенцiя, когда у власти стал сам народ, организовала всероссiйскiй саботаж во всѣх областях жизни. Это она не хотѣла учить дѣтей; это она не хотѣла работать в продовольственных организацiях. Это она хотѣла уморить дѣтей и физически и духовно. И если „бѣлые вороны“ залетают в наш лагерь и работают с нами вмѣстѣ, искренно и из идейных побужденiй, все-таки они невольно, безсознательно несут с собой и будут прививать пролетарским массам психологiю старой жизни, если они не будут достаточно критичны к их работѣ. Особенную самостоятельность пролетарiат должен сохранить в той области культурно-просвѣтительной дѣятельности, гдѣ идет дѣло не столько об изученiи старой культуры, сколько о творчествѣ новой. Во всѣх организацiях руководящая и рѣшающая роль должна принадлежать рабочему классу. Он хорошо понимает свои задачи и знает свой тернистый путь борьбы. Там же, гдѣ он не в состоянiи, по недостатку знанiй, осуществить

свои цѣли, там он прибѣгает к услугам интеллигенцiи, как к спецiалистам, свѣдующим лицам, как к рабочей силѣ, которую можно использовать в своей великой работѣ. Не должен рабочiй забывать уроков 1906—8 годов, когда интеллигенцiя с началом реакцiи позорно бѣжала из рядов рабочей армiи и принялась за устройство своего мѣщанскаго благополучiя. И теперь... Достаточно будет какой-нибудь серьезной временной неудачи в наших тяжелых обстоятельствах, и вся эта интеллигенцiя, как тараканы от холода, попрячутся в щелях за печкой, если не выступит с забралом открыто против народа, как это было в октябрѣ. Словом, пролетарiат—руководитель в творчествѣ новой культуры; буржуазная интеллигенцiя—свѣдующее лицо, рабочая сила, машина, отчасти матерiал, подлежащiй в свою очередь обработкѣ,—и только.

До сих пор мы разсматривали культурно-просвѣтительную дѣятельность пролетарiата, как самостоятельную форму рабочаго движенiя, „рядом с политикой, профессiональным движенiем и кооперацiей“, как сказано в общей, принципiальной резолюцiи Первой Петроградской конференцiи Культурно-Просвѣтительных организацiй. Эта истина осталась для нас непреложной и сейчас, хотя талантливые защитники ея в прошлом и считают, что истина умерла в октябрскiе дни. Нас хотят убѣдить в том, что теперь, когда у власти стоят пролетарiат и крестьянство, пролетарiат должен разсматривать культурно-просвѣтительную дѣятельность по преимуществу с точки зрѣнiя интересов обще-государственной власти, а свою чисто классовую культурно-просвѣтительную организацiю превратить в пропагандистскiй кружок. Недоразумѣнiе кроется, по нашему мнѣнiю, в том, что наши противники не отдают себѣ яснаго отчета в характерѣ диктатуры и как бы не видят, что эта диктатура объединяет городскую и деревенскую силу и культуру, при чем представители крестьянской идеологiи очень часто не только мѣшают размаху пролетарiата, но и тащат его назад. У нас диктатура пролетарiата, но у нас одновременно существует и Россiйская Коммунистическая Партiя. Очевидно, данная диктатура не дает полной возможности осуществить новую программу большевиков без задержки разнаго рода столкновенiй с другими элементами революцiоннаго народа. Очевидно, партiя пролетарiата нужна, как резервуар, из котораго он черпал-бы „живую воду“, как мастерская, гдѣ он выковывал-бы свое политическое оружiе, с которым он сражается на отвоеванной аренѣ, в Исполнительном Комитетѣ Совѣтов. Правда, наши противники иногда пытаются утверждать, что теперь „пожалуй, и партiи не нужны“. Но этому вряд-ли кто повѣрит. Если нужна пролетарская политическая организацiя, и она не противорѣчит институту Совѣтской власти, то нужен, как самостоятельная пролетарская организацiя, и „Пролеткульт“. Он, как и партiя, не только не будет противорѣчить идеѣ совѣтской власти, а наоборот будет укрѣплять ее. Пролетарiат, вооружаясь новой культурой, активнѣе и успѣшнѣе сумѣет повести борьбу с элементами, стоящими под флагом Совѣтской власти, но нерѣшительными, колеблющимися и часто не вполнѣ орiентирующимися в происходящем движенiи. В рамках государственных организацiй в данный момент, в силу коалицiи пролетарiата и крестьянства, в полном объемѣ возможна по преимуществу чисто просвѣтительная работа; для творчества пролетарской культуры там нѣт еще нужнаго простора. Возможно, что он будет в недалеком будущем, это уже другое дѣло. Но тогда „Пролеткульт“ умрет естественной смертью вмѣстѣ с Коммунистической Партiей.

Не мѣшает отмѣтить, что наши противники не исключают частичной возможности и необходимости сохранить самостоятельность „Пролеткульту“ там, гдѣ Совѣтская власть—например в уѣздах—в руках мѣщанства; и гдѣ эта Совѣтская власть требует обязательного введенiя в школах преподаванiя закона божiя.

Пытаются наши противники утверждать, что уже теперь идеалы и пути пролетарiата и бѣднѣйшаго крестьянства совпадают. Это положенiе требует еще длинной дискуссiи и выясненiя многих других вопросов. Споры о земельном декретѣ, да и многое другое, дают право отнестись с извѣстной долей скептицизма к категоричности даннаго утвержденiя.

Размѣр данной статьи не позволяет нам во всю ширь развернуть аргументацiю в защиту выдвинутых положенiй. Задачу невольно пришлось свести к простой постановкѣ вопросов дня с указанiем плоскости, в которой намѣчается неизбѣжный спор. В будущем мы постараемся развернуть наши доводы со всей полнотой и энергiей.

В. Полянскiй.

Вѣнок.

На 6 и 8 стр. „Грядущаго“ в этом № напечатаны стихотворенiя за подписью „Горемыка“, принадлежащiя т. Ефремову, юношѣ, не успѣвшему расцвѣсть и уже отцвѣтшему „в утрѣ пасмурных дней“; прислал он в редакцiю свои искреннiя и отмѣченныя талантом пѣсни и вскорѣ был убит на фронтѣ. Вѣчная память товарищу!

МЫ.

Мы несмѣтные, грозные легіоны Труда.
Мы побѣдили пространства морей, океанов и суши,
Свѣтом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром возстаній горят наши гордыя души.
Мы во власти мятежнаго страстнаго хмеля,
Пусть кричат нам: „вы палачи красоты",
Во имя нашего Завтра—сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цвѣты.
Мы сбросили тяжесть наслѣдья гнетущаго,
Обезкровленной мудрости мы отвергли химеры;
Дѣвушки в свѣтлом царствѣ Грядущаго
Будут прекраснѣй Милосской Венеры...
Слезы изсякли в очах наших, нѣжность убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних цвѣтов,
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пѣнье сирен и движенье колес и валов.
Породнились с металломъ, душою с машинами слиты,
Мы разучились вздыхать и томиться о небѣ,
Мы хотим, чтобы всѣ на землѣ были сыты,
Чтобы не было слышно ни стонов, ни воплей о хлѣбѣ...
О, поэты-эстеты, кляните Великаго Хама,
Цѣлуйте обломки былого под нашей пятой,
Омойте слезами руины разбитаго храма,
Мы вольны, мы смѣлы, мы дышим иной красотой.
Мускулы рук наших жаждут гигантской работы,
Творческой мукой горит коллективная грудь,
Медом чудесным наполним мы доверху соты,
Нашей планетѣ найдем мы иной, ослѣпительный путь.
Любим мы жизнь, ея буйный восторг опьяняющій,
Грозной борьбою, страданьем наш дух закален,
Все—мы, во всем—мы, мы пламень и свѣт побѣждающій,
Сами себѣ Божество, и Судья, и Закон.

Влад. Кириллов.

Революція и искусство.

I.

На долю нашего поколѣнія выпало счастье быть свидѣтелями историческаго процесса крушенія стараго здания общественных отношеній со всѣми его надстройками.

Своими размышленіями по поводу крушенія одной из этих надстроек я и хочу подѣлиться с читателем в этой статьѣ.

Буржуазія, разъѣдаемая безпощадной конкуренціей и покоясь на принципѣ „священнаго эгоизма" и угнетенія других классов, не могла создать искусства, одухотвореннаго общечеловѣческими идеалами. Только побѣда пролетаріата в классовой борьбѣ освобождает общество от разъѣдающих его противорѣчій и творит новое, общечеловѣческое искусство. Побѣда пролетаріата—это побѣда новаго принципа общественнаго строительства; это созданіе новой жизни, которая вызовет новых творцов искусства, всеобъемлющих и возвышенных творцов, которые объединят все человѣчество в одну гармонично организованную волю, пламенѣющую порывом к творчеству прекраснаго и вѣчнаго.

Пусть нам не говорят, что у побѣждающаго класса нѣт этих великих геніев. Пролетаріат, будучи классом угнетенным, дал буржуазной культурѣ цѣлый ряд творцов. Став господином, он сумѣет их родить для служенія новой своей культурѣ. И в самом дѣлѣ. Процесс историческаго развитія, изживая опредѣленную соціальную форму, ставит на очередь дня замѣну ея новою, и не какой нибудь, но по своей структурѣ высшею и усложненною.

Каждый род и тип человѣческаго творчества имѣет своих выразителей, своих, скажу, великих математиков, разрѣшающих задачу—созданія формулы своей эпохи. Они являются, как бы центром сосредоточеннаго сознанія, порою довольно смутнаго, о необходимости дать отвѣт на воздвигнутыя жизнью проблемы, формулировать, осознать стихійно совершающійся процесс. Именно

разложеніе феодальных отношеній с неизбѣжностью должно было дать энциклопедистов 18 столѣтія. Извѣстная ступень развитія буржуазнаго общества потребовала расширенія связей с міром:—и рынки, источники богатств и никому раньше неизвѣстные Колумбы, Васко-де-Гамы—тут как тут. Не случайными гостями в свое время были Леонардо-да-Винчи, Рафаэль и другіе.

Можно до безконечности продолжать эту цѣпь, развѣтвленія которой распространились на всѣ виды человѣческаго творчества.

II.

Но гдѣ же они, спросят, эти будущіе носители священнаго огня творчества? Но это уже вопрос конкретный, и чтобы отвѣтить на него,—достаточно побывать в культурно-просвѣтительных организаціях, кружках и т. п., этих свѣтильниках будущаго, которые, с быстротой одуванчиков, размножаются, покрывая густой сѣтью всѣ цвѣтники труда. Присмотритесь внимательно к пламени этих возгорающихся очагов, увидите, то и дѣло, ярким блеском вспыхивающія искорки и вы скажете: „они идут". И не далеко то время, когда Русскій музей, Третьяковская галлерея, Лувр, Британскій музей, Большая опера и т. п. отведут им почетныя мѣста.

III.

Индивидуалистическое искусство буржуазнаго общества, выросшее на всевластіи капиталистической личности, ведущей отчаянную борьбу за господство на міровом рынкѣ и покоряющей себѣ цѣлыя арміи тружеников, должно стать достояніем исторических музеев. Мы говорим: „музеев", а не „архивов", дабы у читателя не составилось представленія, будто предлагается игнорировать то громадное наслѣдство, которое нам оставило прошлое. Наоборот. Его слѣдует серьезно и внимательно изучать; и только таким путем можно будет правильно намѣтить вѣхи будущаго искусства. Сколько умных голов еще и теперь сидят над изученіем великих памятников искусства Ренесанса*).

Нарождается искусство новой идеологіи, титанической борьбы пролетаріата против буржуазіи, и потрясаются капиталистическіе устои стараго міра. Но в условіях россійской дѣйствительности этот мотив, если можно выразиться, отрицательнаго творчества—уже не достаточен. Долженствуя отдать большую дань этому элементу, так как борьба еще не завершена, поскольку сверженному с пьедестала россійскому капиталу спѣшит на помощь всемірный,—искусство, вполнѣ может уже теперь проявить элементы и положительнаго творчества. Факт диктатуры на лицо! Не упуская из виду возможность великих битв в будущем в рядах интернаціональнаго пролетаріата против міровой капиталистической диктатуры, а также и происходящія еще у нас битвы с силами свергнутых богов—послѣдніе завершительные раскаты великаго боя, исход котораго уже рѣшен,—не упуская все это из виду, необходимо учесть то обстоятельство, что уже теперь совершается, еще неподдающаяся учету, в виду глубины размаха, захватывающаго своей грандіозностью, творческая работа строительства новых начал общественнаго бытія.

Процесс родов закончен.

Идет работа по созданію благопріятных условій, необходимых организму для его сохраненія и дальнѣйшаго развитія.

IV.

Буржуазное общество, на зарѣ своей исторіи, хотя и облаченное в гуманитарную тогу и украшенное всеобъемлющими формулами „свободы", „равенства" и „братства", уже с самаго перваго дня своего рожденія одержимо было роковым недугом — классовыми противорѣчіями. Послѣ перваго тяжелаго припадка, в іюньскіе дни 48 года поставленный ему великим аналитиком при помощи діалектическаго метода, діагноз, опредѣлил: „смерть неизбѣжна".

На наших глазах гибнет буржуазный деспотизм, захлебываясь в крови и грязи. Мір вступает в полосу великих „бурь и натиска".

Близится соціалистическая эра.

Общество свободнаго Труда, организованное в стройное и гармоничное цѣлое, во всеоружіи знанія и искусства, готовится стать единственным творцом и повелителем как самого себя, так и внѣшняго міра.

А. Голубь.

*) Так называется эпоха возрожденія наук и искусства послѣ долгой летаргіи, в которой они пребывали в теченіи безраздѣльнаго господства церкви во всѣх областях жизни в Средніе Вѣка.

Из пѣсен рабочаго.

Шуми, вагранка, дуй сильнѣй,
Что-б кончить мнѣ литье скорѣй...
Пусть на опоки от работ
С лица струится градом пот.
Тяжелый воздух давит грудь,
И нѣт надежды отдохнуть
Я лить без пѣсни не привык
Чугун расплавленный в летник...
Шуми, вагранка, дуй сильнѣй,
Что-б кончить мнѣ литье скорѣй!
Я вѣрю, близок свѣтлый день,
Исчезнет сумрачная тѣнь,
И буду я под шум стальной
Трудиться с пѣснею иной,
Под солнцем счастья вольно жить,
Мечты в иныя формы лить!

Я. Бердников.

Городу.

Я люблю тебя, огромный город, великій желѣзно-каменный исполин.

Я люблю тебя, когда необъятный, притаившійся, ты безпокойно дремлешь, волнуемый огненными снами, сказками великих достиженій, безумной жаждою обогащенія и радостью борьбы: когда электрическія лампады, как солнечныя ожерелья, убѣгая вглубь твоих безконечных улиц, образуют вдали ослѣпительный поток волнистаго, танцующаго свѣта.

Я чувствую дыханья несмѣтных жизней, наполняющих потухшія каменныя громады. Я думаю: вот-спят бойцы, утомленные битвой, ибо что же, как не битва твоя вѣчно стремительная, лихорадочно-напряженная жизнь?

Я люблю тебя днем, когда сверкающій, пышный, обезумѣвшій от сладости битвы, ты катишь свои гремящія живыя волны в глубоких каналах гранитных улиц, когда бѣшено кричат моторы, мчатся звенящіе трамваи, и раздается гулкій топот бѣгущих коней.

Какая ярость жизни рождается в тебѣ: преступленія и смерть,—чтобы поцѣловать цвѣток любимых уст, чтобы выпить лишній кубок из чаши земных восторгов...

Я люблю тебя, город, когда в смертельном страхѣ ты внезапно притихнешь, смиришь свой стремительный бѣг, прикроешь наготу своей безумной роскоши,—сверкающія витрины магазинов, и запрешь желѣзныя ворота пышных дворцов, потому-что пришел Он, давшій жизнь, движеніе и свѣт, создавшій эту роскошь и эти дворцы, требовать оплаты кровью написанных счетов...

Я люблю тебя, когда мятежный ураган проносится над тобой, и кровавым заревом возстанія окрашиваются твои улицы, когда мятежныя волны возставших, выходя из предмѣстій, с живым рокотом подступают к твоим храмам, судилищам и чертогам, готовыя все разрушить и смести в своем непреклонном стремленіи к побѣдѣ. Красные, огненные маки горят на черных кипящих гребнях человѣческих волн, пѣнье, подобное грому, вырываясь из каменных лабиринтов, несется к окровавленному небу.

Тогда я слышу, как смѣется твое каменное сердце, как оживает булыжник мостовых и мрамор роскошных дворцов, пропитанный кровью погибших рабов; как долго они ждали отмщенья!

Это их скорбныя тѣни носятся теперь над обагренными улицами, зажигая души возставших пожаром мести и безумной отвагой.

Я люблю тебя, город, за то, что ты,—великій мост к освобожденію и торжеству человѣка.

На зов твоих пѣвучих сирен, на блеск ослѣпительных огней со всѣх сторон спѣшат к тебѣ милліоны людей, чтобы отдать свое тѣло, кровь и мозг, чтобы сгорѣть в твоем великом, преображающем кострѣ. Я слышу стуки несмѣтных согласных молотков—это гигантская кузница, гдѣ выковывается новая радостная жизнь, это могучія симфоніи труда, желѣза и стали.

Опрокинутыя в небо огромныя трубы источают фиміам новому богу-человѣку.

Я вижу расцвѣт небывалой плѣнительной зари.

Я слышу голоса Грядущаго.

Я люблю тебя великій, всепобѣждающій город

Владимир Кириллов.

Любовь.

В грустный час, отдавшись укоризнѣ,
За стѣною дѣвушка рыдала
О своей убогой темной жизни
И о том, что счастья не видала...
Тосковала, что ее изводит
Тяжкій труд неволею жестокой,
Что напрасно молодость проходит
И что грустно гибнуть одинокой...
Тосковало сердце и не знало,
Что сосѣд мой, молодой рабочій,
Каждый вечер, в дружбѣ небывалой,
У меня гостит до полуночи.
И, когда за чуткою стѣною
Звонкій смѣхъ сосѣдки раздается,
Он дрожит, краснѣет предо мною
И, как солнце, плачет и смѣется...

Самобытник.

Матери.

Не грусти в мечтах о сынѣ,
Не гляди с тоской вперед:
Спит он в полѣ, на чужбинѣ,
И к родимой не придет.
За Двиной, гдѣ вьюги вѣют,
И в снѣгах молчит рѣка,
Одинокій крест бѣлѣет
Над могилою стрѣлка.
На порогѣ юной жизни,
Полон вѣры, полон сил,
За страдалицу отчизну
Он на вѣки опочил...
Будешь ты до гроба мыкать
Годы горя и тоски,
И напрасно сына кликать
С берегов чужой рѣки...

Горемыка

ТѢНИ.

(Этюд).

Ночь царила над громадным чудовищным городом. Гдѣ-то далеко грохотали пулеметы... Он не слышал. Он озвѣрѣл. Он позабыл, что он—Человѣк, и справлял свой дикій праздник. Старое рабское проснулось в нем. Вокруг него разбивались бочки с вином, и вино сочилось, как кровь, и, при видѣ его, руки у Человѣка тряслись, глаза дѣлались еще базсмысленнѣе, а сердце тупѣе... Он—это человѣк, проведшій годы в неволѣ казармы, фабрик, потерял свою силу разума и, в безуміи, плакал о прошедшей тьмѣ.

В темном углу, гдѣ злобно трещали пулеметы, прижимаясь к холодной стѣнѣ, в бѣлых одеждах—стояла Свобода.

Она тихо говорила озвѣрѣвшему Человѣку:

— Посмотри, что ты дѣлаешь? Неужели тебя не радуют тѣ красные цвѣты возстанія, которые я разсыпала по всему міру, цвѣты свѣтлаго творчества новой жизни?..

Неужели ты вновь хочешь, что-бы спустилась проклятая тьма и чтобы моя душа догорѣла, как вечернее солнце?.

Человѣк, опомнись!

Но Человѣк не слушал ея.

А Смерть радостно смѣялась. Вот она подошла к Человѣку, смѣясь указала на бочку, наполненную вином, и когда он, пьяный, наклонился над бочкой, Смерть толкнула его, и он захлебнулся в винѣ.

Смерть ликовала, а у колонны в бѣлых одеждах, наклонясь над безчувственным трупом, рыдала Свобода, и слезы ея падали на снѣг, словно звѣзды....

Александр Поморскій.

Борьба за творчество.

Рабочій Владимир пишет красками. Сергѣй читает книгу. За окном пылает заря.

Владимир *(всматриваясь в окно).*

Смотри, Сергѣй, какая красота!...
Зажглась заря над нашею окраиной...
Какая мощь роскошно разлита
В игрѣ мгновенной и случайной...
В багровом пламени закат...
По тучкам вьються коймы золотыя...
Сергѣй, не так-ли, как онѣ, горят
И наши помыслы святые?

(Задумчиво).

Мнѣ захотѣлось написать этюд:
Из фабрики волнующим потоком
По улицѣ шумит рабочій люд:
На лицах грязь, тоска в глазах глубоких.
Над корпусом спустилась полумгла,
И лишь заря стоцвѣтными огнями
Гирлянду облаков роскошно разожгла.
И юноша с горящим взором
Идет, поднявши руку перед ней,
И держит красный флаг высоко,
И говорит о солнцѣ близких дней...

Сергѣй.

Но можно-ль кистью передать
Всю яркость этого волшебнаго горѣнья,
Гдѣ краскам и огням предѣла не видать?

Владимир.

Сергѣй! Привычных к ремеслу людей
Мысль дерзкая и манит и пугает...
Художник не таков, художник чародѣй,
Он невозможное творит и совершает...
И чѣм безумнѣй кажется его мечта,
Чѣм больше дерзости в порывѣ вдохновенья,
Тѣм ярче творчество, сильнѣе красота,
Безсмертнѣе — рожденное творенье.
Все слито в нем: и Бога простота,
И мысль, рожденная в искусствѣ,
И гордая и сильная мечта
В одном стихійно выраженном чувствѣ...
Художник — вождь мятежный и пророк...
Ах, ты не слушаешь...

Сергѣй.

Я слушаю гудок...
Смотри, и впрямь пошла толпа из дымнаго завода...

Владимир.

Мнѣ нравится разлившійся поток
Родного мнѣ рабочаго народа.
Вот тема для моих картин!
Толпа шумит... волнуется, как море...

Сергѣй *(рѣзко).*

Но не исполнится мечта твоя,
На путь иной толкнет нас наше горе.
Я сам когда-то все мечтал
К станку печатному пробить себѣ дорогу,
Потом рѣшил, что час наш не настал.
И мысль иная крѣпла понемногу.
Она пришла, когда за вольный стих
Я брошен был к разбойникам в темницу,
Когда раскрыл я в книгѣ дум моих

Еще одну прекрасную страницу,
И понял, что не праздныя слова
Бросались нами в битвѣ за свободу,
И я рѣшил бороться за права
И все отдать возставшему народу…

Владимир.

Как хошь суди, Сергѣй, но вѣрен я себѣ:
Все лучшее, чѣм только мы и живы,
Рабочій сохранит в мучительной борьбѣ:
И радость творчества, и свѣтлые порывы…

Сергѣй.

Оставь, не спорь… Для нас в художники пути
закрыты,
Не нам писать картины ярких зорь,
Пока на жизни цѣпи не разбиты.
Заря горит, но солнца не видать,
Все может быть, но я не вѣрю в чудо…

Владимир.

О, что-бы ни пришлось перестрадать,
Хочу я быть художником — и буду!…

В. Торскій.

Пѣвцу-пролетарію.

Пусть блещет пѣснь твоя алмазом,
Звенит, как сталь:
Вложи в нее великій разум,
Свою печаль.
Зажги огнем негодованья,
Чтоб каждый звук
Был звоном общаго страданья
И общих мук —
Чтоб он звучал в темницах душных
И там, гдѣ пир,
И звал на битву малодушных
За лучшій мір.

Н. Кедр.

Думы.

Грустно… сердцу больно,
Хочется рыдать,
Время жизни вольной
Вспомнилось опять…

Был и я когда-то
Не всегда уныл!
Со штыком солдата
Полемъ не ходил…

Гдѣ-ж родныя ласки,
Взгляд любимых глаз?
Ой, вы, пѣсни сказки,
Не запѣть мнѣ васъ…

Жизнь прошла безслѣдно,
Словно свѣтлый сон,
Близок, близок мѣдный
Пушек перезвон…

Грустно… нѣту мочи…
Страшен мой удѣл…
Ой, вы, пѣсни ночи,
Кто-бы вас допѣл!…

Горемыка.

В лѣсу.

В дымкѣ предразсвѣтной, на вѣтвях колючих,
Пляшут свѣто-тѣни пляску Саломеи,
И повсюду корни от стволов могучих
Расползлися, словно оборотни-змѣи.
И мерцают тускло мѣдно-красным слоем
Сосны-великаны вѣковой корою,
Выстлано подножье многолѣтним хвоем,
Лѣс кадит бездымно ладоном-смолою.
Под орган незримый, пѣнье хоровое —
Раннее начало дивной литургіи…
И зажглося вѣры чувство огневое,
И не смѣет мѣрить взгляд стволы нагіе.
И, смущенно внемля гимну „аллилуйя“,
Я участник мессы жду благословенья,
Что-бы тронуть гусли, с хором соревнуя,
Утолить истому жажды пѣснопѣнья.

Н. Отсоли.

ПРОЛЕТАРІАТ.

Стихія я; я мощь и ураган,
Я созидаю и разрушу,
Я успокою боль жестокихъ ран,
Воспламеню робѣющую душу.
Войду в жилища их, займу их города,
Их мыслями и снами овладѣю:
Огонь создам я из кристалов льда,
Холодныя сердца я пламенем согрѣю.
Войду в их храм, сорву с богов покровы,
Я буду смѣл и грозен в этот час —
И в капищѣ богов зажгу свѣтильник новый
Для пролетарских масс.

Александр Поморскій.

Задачи пролетарской культуры.

I.

Россійскій пролетаріат, находясь в сложнѣйшей обстановкѣ капиталистических отношеній, своей могучей, титанической борьбой не только овладѣл внѣшними формами политическаго и экономическаго господства, но и открыл широкія перспективы и возможности для созданія соціалистической культуры.

Но знаніе нашего революціоннаго размаха будет еще неотразимѣе, глубже и прочнѣе, если мы во внѣшнія формы жизненнаго процесса вложим свое классовое содержаніе, осмыслив и осознав свои историческія задачи в области пролетарской культуры. В этой работѣ мы должны не только опредѣлить общія принципіальныя положенія, но и подойти к ней вплотную, критически разсмотрѣв как ея общую структуру, так и ея составные элементы. На этом пути пролетаріату придется встрѣтиться с большими затрудненіями, преодолѣть которыя ему необходимо в собственных интересах и, по возможности, своими силами. Многіе вопросы пролетарской культуры уже и сейчас разрѣшены в самой практикѣ, нѣкоторые из них намѣчаются в процессѣ революціоннаго движенія. Разсмотрѣніем нѣкоторых тенденцій в вопросах пролетарской культуры и займемся мы в этих статьях, не претендуя на их исчерпывающее значеніе.

II.

Если внимательнѣе присмотрѣться к пролетарскому просвѣтительному движенію, то можно увидѣть, что в нем борются двѣ основныя тенденціи, два направленія. Одно — чисто пролетарское, классовое, полагающее, что и в области культуры у рабочаго класса есть свои задачи, свой пост и своя цѣль, другое направленіе чисто интеллигентское, которое, наоборот, скептически относится к задачам пролетарской культуры сводя их к политической и экономической борьбѣ. Сторонники перваго направленія критически относятся к насаждаемой сейчас буржуазной наукѣ буржуазному искусству, стремятся сами руководить просвѣтительным движеніем, взять его под свой пролетарскій контроль. Вторые — всю свою задачу в области культуры сводят лишь к ознакомленію пролетаріата с буржуазной культурой, буржуазным просвѣщеніем, совершенно не помышляя о его критикѣ.

Сторонники того и другого направленія имѣются во всѣх соціалистических партіях, в коммунистической-же особенно среди тѣх, кто впервые сталкивается с пролетарским просвѣтительным движеніем и которые в наивном оптимизмѣ полагают, что період борьбы закончился и что наступила пора разграниченія задач пролетаріата на чисто классовыя и внѣклассовыя. Они забывают, что пролетаріат для того и взял власть в свои руки, чтобы и на просвѣщеніе наложить свою диктатуру классовых и соціалистических понятій. В пролетарском государствѣ должна быть и пролетарская культура, а это значит, что руководить ею должен рабочій класс.

III.

Тяжелою цѣною, огромными жертвами покупал рабочій класс свое право на просвѣщеніе, оно в буквальном смыслѣ было вырвано у буржуазных монополистов.

Движеніе 1906 года воистину было первой колыбелью пролетарской культуры. Просвѣтительныя рабочія организаціи строили иногда на классовом фундаментѣ, руководились самими рабочими. Свои задачи в области просвѣщенія они понимали как воспитаніе рабочаго класса на основѣ классовой борьбы и соціализма. Не даром из этих рабочих обществ вышел самый повышенный тип пролетарской революціонной интеллигенціи. Уже и тогда первые піонеры пролетарской культуры понимали, что в руках рабочаго класса наука и искусство будут могучими орудіями в переустройствѣ человѣческаго общества.

Вот почему, не смотря на тяжелый період борьбы за свои права, в рабочих клубах, союзах и школах, паралельно с изученіем политич. и эконом. наук, шло изученіе и вопросов культуры в широком смыслѣ этого слова. Никогда так буржуазная интеллигенція не слушала лекціи об искусствѣ, по естествознанію и исторіи, не относилась так внимательно к сокровищам музеев, как пролетарская молодежь того времени.

Работники по пролетарскому просвѣт. движенію многое могли-бы разсказать про свои аудиторіи. Изученіе вопросов культуры в рабочих кругах не было простым воспринятіем буржуазной культуры; она подвергалась жестокой критикѣ с соціально-экономической точки зрѣнія и пронизывалась духом соціалистическаго міровоззрѣнія. С каким ужасом лектора буржуазно-демократической интеллигенціи смотрѣли, как слушатель рабочій осмѣливался подвергать критикѣ общепризнанные авторитеты в области науки и искусств, и даже самого лектора. Всѣ шлаки буржуазной культуры в таком изученіи сгорали, плавились, и в сознаніи пролетаріата оставалось только чистое серебро человѣческой мысли. Из этого серебра и слагалась пролетарская культура.

Но гдѣ-же она, гдѣ пролетарская культура, — спросит какой нибудь мелко-буржуазный интеллигент из «Дня», посмѣивающійся над тѣм, что

саботирующіе интеллигентскіе композиторы отказываются писать музыку для революціонных гимнов.

Саботаж интеллигенціи—дѣло не новое, в той или иной формѣ она не раз измѣняла рабочему классу. Мы, конечно, не говорим про тѣх одиночек, которые уже давно и безповоротно усвоили пролетарскую идеологію. Но мы все-таки спросим, чѣм-же жила и дышала рабочая масса хотя-бы в період повальнаго бѣгства интеллигенціи из рабочих организацій послѣ 1907 года? И мы без колебанія скажем—пролетарской культурой. Ее можно было замѣтить на пролетарских вечерах и спектаклях, собраніях и докладах, гдѣ сами рабочіе выступали в качествѣ артиста и художника, лектора и педагога, музыканта и поэта.

Наличіе пролетарской культуры к концу 12-г. настолько стало очевидным и ошеломляющим, что даже буржуазно-демократическая печать вынуждена была поставить на очередь дня вопрос о пролетарской культурѣ. Появились статьи Горькаго, Клейнброта, Потресова и др., но в этих статьях больше говорилось о пролет. культурѣ, чѣм дѣлалось для нея. Даже самый близкій по духу к рабочему классу М. Горькій ограничился лишь выпуском одного пролетарскаго сборника и теперь занимается организаціей буржуазных обществ. Такое отношеніе к рабочему классу великого художника нельзя объяснить только оппозиціей Совѣтской власти. Увы, интеллигенція, воспитавшаяся в капиталистических условіях, в революціонные періоды всегда будет ближе к буржуазіи, чѣм к пролетаріату. Вот почему, для нас важно сплоченіе пролетарской интеллигенціи, вышедшей из нѣдр рабочаго класса, ибо в ней—залог пролетарской культуры. Вѣдь это она—пролетарская интеллигенція в эпоху жесточайшаго угнетенія и разгрома рабочаго класса, в эпоху предательства и ренегатства, когда, казалось, камня на камнѣ не останется от пролетарской культуры, своим самоотверженным бодрым вдохновляющим творчеством поддерживала пламя Прометея в груди рабочаго класса.

Пролетарская интеллигенція, пролетарская культура еще сыграет свою роль, и наша задача организовать ее. Ея естественным центром должен стать Центральный Комитет пролетарских просвѣтительных организацій.

А. Маширов.

В казармѣ.

Как тяжко в казармѣ! Мнѣ скучно до боли…
Гнетет утомленную душу позор…
И скрипка, понявшая тяжесть неволи,
С измученным сердцем ведет разговор.
Собрались, как будто, веселые люди:
Всѣ молоды, стройны — один к одному,
Но что там таится в измученной груди,
Об этом не скажет никто никому…
Все сказано в звуках, все в музыку влито —
Душевную муку не скроешь ничѣм,
И то, что здѣсь юность безумно убита,
И может-быть жизнь оборвется совсѣм,
Что гдѣ-то любимые люди далеко,
Что крошечка воли и та отнята —
Все вылилось в пѣснѣ безумно жестокой,
И нам всѣм понятна ея красота…
А въ звуках встают позабытыя тѣни,
И просится сердце вернуться назад…
И знаю, не даром уткнувшись въ колѣни
Внимает и плачет на нарах солдат…

Торскій.

Пролетарскій театръ.

Что такое пролетарскій театр в дальнѣйшем своем развитіи, покажет пролетаріат будущаго; в нашу задачу входило лишь желаніе точно установить—как мыслит о пролетарском театрѣ рабочій пролетаріат даннаго времени, какія он возлагает на театр обязанности.

Руководимый этим желаніем и минуя всѣ книжныя измышленія на этот счет, я обратился непосредственно к личным собесѣдованіям по этому вопросу с т.т. рабочими, и то, что эти долгія и частыя собесѣдованія дали мнѣ, я положил в основу своего доклада по театру на Октябрьской Конференціи Пролетарских Культурно-Просвѣтительных Организацій, в видѣ слѣдующих тезисов:

1) Пролетарскіе театры должны вскрыть всѣ заблужденія человѣчества на почвѣ существующих религій и государственнаго строя, установленнаго без воли рабочаго пролетаріата, на почвѣ преклоненія перед роком и провидѣніем, показуя что то и другое создано безпомощностью человѣка, а впослѣдствіи использовано в корыстных цѣлях монархами, капиталистами и всякаго рода эксплоататорами.

2) Пролетарскіе театры должны углублять

рабочих пролетарских массах сознаніе их непреложнаго права—полнаго хозяина и распорядителя жизни; их долга, обязывающаго их к самостоятельному изысканію кратчайших путей и сильнѣйших средств для построенія жизни трудящихся всего міра на соціалистических началах.

3) Из существующих видов и форм театральнаго искусства пролетарскіе театры пользуются тѣм, что способствует рабочему пролетаріату в движеніи его по пути к соціализму, что бичует злое и ничтожное, как прошлаго, так и настоящаго. Все же остальное в искусствѣ, что говорит о покорности и смиреніи перед велѣніями судьбы, об уваженіи законов, созданных внѣ воли рабочаго пролетаріата и житейских укладов, явившихся уродливым слѣдствіем этих законов, что говорит о тщетѣ человѣческих усилій, что убаюкивает человѣка сознаніем законности обособленнаго личнаго блага, что вызывает в человѣкѣ заботы только о своих личных удобствах и всяческія стремленія к своему обособленному уголку уюта, что говорит, наконец: я—это все, а до других мнѣ нѣт никакого дѣла,—пролетарскими театрами должно быть отринуто навсегда.

Точно также пролетарскіе театры отвергают опредѣленіе, что искусство не может быть ни цѣлью, ни средством, а должно служить самому себѣ, т. е. быть «искусством для искусства». Пролетарскіе театры разсматриваются, как могучее средство в борьбѣ за устройство жизни по волѣ рабочаго пролетаріата и как средство глубоко соціалистическаго воспитанія масс.

«Искусство для искусства», т. е. буржуазное искусство забавы, тончайших развлеченій, сотканное из томных вздохов, больных и слѣпых исканій, из эгоистических желаній и разнузданных страстей, не может имѣть мѣста в театрах рабочаго пролетаріата.

4) Построенный на этих основных принципах, репертуар пролетарских театров должен быть представлен из пьес, пробуждающих в массах творческую энергію, радостное воспріятіе жизни, бодрость, жажду к неустанной борьбѣ за соціалистическое будущее; из пьес, вызывающих в массах соревнованіе в возвышенно-героическом, в знаніи, в борьбѣ за торжество соціализма и доказывающих, что такая борьба есть единственный путь к возвышенному совершенствованію человѣческой личности.

Пролетарскіе театры должны воспѣть созидательный труд человѣка-творца, как одно из чудесных его свойств, и тѣм вызвать в массах, воспитать, закалить стойкую, упорную и радостную волю к труду.

На-ряду с этим пролетарскіе театры вырабатывают репертуар новых соціалистических пьес, отражающих в себѣ красоту соціалистическаго будущаго, новые характеры будущих людей, воспитанных в условіях, чуждых мѣщански-низменной психикѣ современнаго обывателя, новыя взаимоотношенія — личныя и общественныя, граждан будущаго соціалистическаго строя, их чувства, дѣла и поступки.

Из репертуара классических пьес, бытовых художественных пьес и из художественно-цѣнных пьес вообще, в репертуар пролетарских театров могут войти только тѣ пьесы, которыя не идут в разрѣз классовым задачам пролетаріата и не повергают зрителя в тоску и уныніе.

Пролетаріат, как класс организованный, приступает к дѣлу самостоятельнаго строительства своего классоваго театра не разрозненными и безпорядочными усиліями, а организованно—по программѣ, утверждаемой Общегородской или Областной Конференціей пролетарских культурно-просвѣтительных организацій.

Эти тезисы были приняты, в основу развитія пролетаріатом театральной дѣятельности, названною Конференціей пролетарских культурно-просвѣтительных организацій.

Слѣдовательно, приведенные тезисы выражают подлинную волю рабочаго пролетаріата в отношеніи к театру, а потому, в данное время, когда рабочій пролетаріат является полным хозяином и распорядителем жизни, совершенно необходимо подчинить дѣятельность всѣх театров, как частных, так и государственных,—волѣ и желаніям рабочаго пролетаріата, высказанным на двух упомянутых Конференціях.

Василій Игнатов.

Башня.

На жутких обрывах земли, над бездною страшных морей выросла башня, желѣзная башня рабочих усилій.

Долго работники рыли, болотные пни корчевали и скалы взрывали прибрежныя.

Неудач, неудач, сколько было, несчастій!

Руки и ноги ломались в отчаянных муках, люди падали в ямы, земля их нещадно жрала.

Сначала считали убитых, распѣвали им пѣсни надгробныя. Потом помирали без пѣсен прощальных, без слов. Там под башней погибла толпа безымянных, но славных работников башни.

Разныя извѣстія.

В Томскѣ организован цех пролетарских писателей и художников Сибири под названіем „Согры", во главѣ котораго встали сибирскіе писатели Антон Сорокин и Всеволод Иванов.

Цехом уже предпринято изданіе газеты „Согры", в передовой статьѣ перваго номера которой читаем:

„На высыхающих болотах, там, гдѣ были бездонныя глубины,—подымается кверху молодая, буйная поросль согры. Пройдет время; вмѣсто тонких прутиков поросли выраступ могучія деревья, и будет новая, пышная жизнь. Согры, тусклыя, наполненныя запахами гнилых болот, с косточками, покрытыми осокой, будут забыты. Но согры испытали высшее блаженство—воздвигнуть жизнь на болотѣ, на трясинах".

Задаваясь цѣлью создать новую, пролетарскую литературу, в частности литературу, газета находит, что для того, чтобы прорваться через ту плотину, что составляется на сердцѣ пролетаріата из программ различных партій, прорваться до духовнаго лица новаго, грядущаго человѣка—нужна исключительная сила, исключительная талантливость"... „Здѣсь не будет мѣста сантиментальному сожалѣнію или сочувствію; не мѣсто индивидуализму; не мѣсто быту, ибо пролетаріат лишен бытовых черт. Нужно просто новое". „И это новое,—говорят пролетарскіе писатели,—мы вѣрим,—придет. С этой вѣрой мы работаем и вызываем товарищей на работу по созданію культуры пролетаріата".

* * *

В Москвѣ с 1-го марта начали выходить „Извѣстія Художественно-Просвѣтительнаго Отдѣла Московскаго Сов. Раб. и Кр. Депутатов". Извѣстія имѣют форму небольшого журнала в 20 страниц. Пока вышло 2 №. В журналѣ, кромѣ статей, посвященных вопросам пролетарской культуры и искусства, имѣются репродукціи картин различных художников, главным образом иностранных, изображающих борьбу классов и другіе мотивы соціальнаго характера. В передовой статьѣ „Извѣстія Художественнаго Отдѣла" № 1 ставят себѣ ряд задач по созданію пролетарской культуры. Приводим выдержки из этой статьи:

„Рушится старое, отходит в прошлое цѣлая полоса культурной жизни, цѣлый мір отношеній, настроеній и вѣрованій, закладывается фундамент для новаго общественнаго зданія, и в этом новом общественном зданіи искусство займет то почетное мѣсто, какое отвели ему в своем обиходѣ древніе эллины или меценаты эпохи Возрожденія. В связи с глубокими измѣненіями, совершающимися в нѣдрах стараго общества, в глубинах перестраивающейся жизни, перед художниками встают новыя задачи, новыя открываются перед искусством перспективы.

„Одной из наших задач является разработка вопросов о путях и цѣлях искусства в связи с новыми формами, в которыя облекается и облечется жизнь под организующей и направляющей рукой революціи.

В связи с перерожденіем общественнаго организма перед художниками встают новыя задачи, новыя встают перед искусством перспективы.

„И новые должны явиться творцы художественных цѣнностей. Они должны придти снизу.

„Они придут снизу.

„Широкіе слои демократіи и ея красный авангард—пролетаріат—явятся не только пассивными воспитателями красоты, творимой для них представителями иных общественных групп, а будут все болѣе становиться одним из главных созидателей того новаго искусства, которое, как солнце, взойдет снизу, того искусства, которое, как сверкающій брилліант, украсит фронтон царства свободнаго труда, того искусства, которое это царство свободнаго труда превратит в свѣтлый праздник безсмертной красоты".

* * *

Интернаціональный вечер.

Первый интернаціональный вечер во Дворцѣ Пролетарской Культуры 26 мая, в память Карла Маркса, прошел, при переполненном театрѣ, с большим блеском. Великолѣпно исполнены были инсценировка „Прометея" Шелли, нашедшаго себѣ превосходнаго исполнителя в лицѣ артиста т. Игнатова; композитор т. Озолин обнаружил крупное дарованіе, положив на музыку стихотворенія т.т. Кириллова и Поморскаго и кантату „Памяти Маркса" (слова т. Ясинскаго). Хоры доставили большую духовную радость пролетарской публикѣ, обладающей, в сущности, строгим вкусом. „Апофеоз Карла Маркса" также сосредоточил на себѣ пристальное вниманіе. Живыя картины, рѣчи т.т. Куделли и Заходскаго, стихи т. Кириллова, декламація т. Попова („Мы посягнули" т. Гостева)... Побольше бы таких вечеров!

* * *

25 мая открылся во Дворцѣ Пролетарской Культуры Соціалистическій клубъ.

Государственная Публичная Библиотека РСФСР

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКІЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАНІЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 3. № 3.

Участвуютъ—А. Луначарскій, В. Полянскій; **писатели-рабочіе:** Аксен-Ачкасов (*И. Садофьев*), П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (*С. Копыйкин*), Горемыка † (*С. Ефремов*), В. Игнатов, И. Іонов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, К. Лоптин, Н. Отсоли, Самобытник (*А. Маширов*), В. Торскій, (*В. Царев*), П. Тихомиров, А. Поморскій и др.

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА.

Пророк грядущих радостных вѣков,
Крылатой мысли пламенный титан,
Ты бросил в мір мятежно-страстный зов:
Возстаньте, угнетенные всѣх стран!
Чудовищу, чье имя — капитал,
Ты, мудрый, далъ испить смертельный яд,
И старый мір от боли застонал,
Предчувствіем мучительным объят.
Как молніи сверкающей излом,
Как солнце, побѣждающее мрак,
В ученіи плѣнительном твоем
Открылся нам спасительный маяк.
Твои мечты, как стаи алых птиц,
Дыханьем радости над міром пронеслись—
Навстрѣчу им, как зарево зарниц,
Костры возстаній к небу поднялись.
Над ужасом московских баррикад
В тот страшный час не твой-ли рѣял дух?
Париж... Коммуна... Красный Петроград
Еще не раз взволнуют братскій слух...
Пророк грядущих солнечных вѣков,
Могучей мысли пламенный титан,
Ты бросил в мір великій властный зов:
Возстаньте, пролетаріи всѣх стран!

Владимир Кириллов.

Къ вопросу о пониманіи пролетарской культуры.

Многіе читатели серьезно думают, что вопросы о пролетарской культурѣ—очень туманные и нелѣпые вопросы. На том простом основаніи, что ни пролетарской, ни буржуазной культуры не существует, а существует, вообще, культура.

В свое время нашу рѣчь украшало одно очень глубокомысленное слово—истина! Произносившій это слово был убѣжден, что его «истина» всѣми пріемлема и всѣми прекрасно понимаема.

Философская критика, подвергнув это понятіе испытанію, говорит нам, что истина конкретна и что «истины», вообще, не существует.

Так-же расплывчато и смутно слово «культура», если его не конкретезировать.

Какая культура, в чем культура и чья культура?

Вот неизбѣжные вопросы для всякаго, кто не хочет находиться в туманностях общих слов.

Если мы смотрим на персидскіе или ассирійскіе стѣнные барельефы дворцов, на колоссальныя высѣчки в скалах, на египетскія пирамиды или даже на римскія колонны храмов, то мы не сомнѣваемся, что данное искусство—культуры царей-побѣдителей.

Культивировалось оно с цѣлью убѣдить народы в вѣчности и могучей силѣ царей и их потомков.

Интересен вопрос—была-ли в то время у низших классов своя культура, мораль, искусство? Или они воспитывались на чуждой и враждебной им культурѣ высших классов?

На это нужно отвѣтить—да, была. Ибо в противном случаѣ древнія монархіи никогда-бы не распались.

В то время, как искусство и религія богатых классов подавляли дух и волю народа, культура бѣдных искала выхода из тисков и нравственной духоты культуры высших классов.

Принципу — раздѣляй народы на націи, на вѣры и властвуй, противопоставлялось — бѣдные всѣх націй между собою братья.

Принципу частной собственности дѣлалось напоминаніе, что верблюду легче пройти в игольное ушко, чѣм богатому—в царство небесное.

Древній мір огромных династій был разрушен культурою рабов.

Рабы, гладіаторы отказались друг друга убивать.

Никто не хотѣл идти на войну, войска отказались защищать царства тиранов. Всѣ народы охвачены были христіанством.

Христіанство — этот анти-государственный строй рабов, укрѣпляясь, стремилось уничтожить всѣ слѣды культуры богатых классов, их богов—Ваалов, Юпитеров, Зевсов и все то, что напоминало им о прежнем их порабощеніи.

На мѣсто собственности вводится коммунизм. Роскошь смѣняется простотой жизни! Національная вражда—любовью. Ритуалы уничтожены, и сама религія отмѣняется. На мѣсто бога ставится человѣк—человѣк-труженик.

Но вот чистота народных принципов мутится всѣми, кто, под видом служителей народной культурѣ, служил своим корыстным цѣлям.

Постепенно все реставрируется.

Сына плотника сдѣлали богом, его происхожденіе нашли слишком низким, и родословную придумали ему от царя Давида. Собственность вновь стала священной. Кардиналы, папы, цари опять увѣковѣчивают себя в живописи, мѣди и мраморѣ.

Наступает эпоха Ренессанса. Старые боги оживают. Из под мусора времен извлекаются руины. Безносыя статуи ставятся в музеи, изучаются. Онѣ являются прекрасными образцами новаго искусства, искусства Медичисов, Висконти, Сфорца, миланскаго и флорентинскаго купечества, а за ним всего торговаго и военаго міра.

Эпоха возрожденія убивает средневѣковое христіанство. Оно уже фикція. Зерно орѣха сгнило давно, раскалывается и сама скорлупа. С этих пор под видом Іоанна Крестителя рисуют Вакха, Іисус отождествляется с Діонисом, Мадонны похожи уже на жриц любви. От религіи остались горящія свѣчи, кадящій ладон, хоралы, пышные обряды и лицемѣрные призывы прощать обиды своим притѣснителям за мѣсто там... гдѣ нѣт ни печали, ни воздыханій...

Торжествующая культура богатѣющих торговцев дожила до пышнаго расцвѣта капитализма. Но вот в нѣдрах капиталистической культуры с недавних пор начала развиваться соціалистическая культура, носителем которой явился пролетаріат: новый класс, который, по выраженію Маркса, должен стать могильщиком буржуазнаго общества, буржуазной культуры.

Силы и значеніе новаго класса возрастают с каждым днем. Современныя событія показывают нам, что между буржуазіей и пролетаріатом происходит отчаянная схватка за свое мировое господство. Борьба в области экономики и политики неизбѣжно должна проникнуть и в область духовной культуры.

Мы, рабочіе, первые должны начать переоцѣнку всѣх духовных и религіозно-этических цѣнностей.

Против экономической силы буржуазіи мы выдвинули свою организованность.

Формѣ государственной эксплоатаціи мы нанесли смертельный удар.

Всеобщее, прямое и тайное оглушеніе и ослѣпленіе мы осмѣяли и научили народныя массы трезво смотрѣть на вещи.

Теперь же, из области, так сказать, веществено-физической мы должны борьбу свою перенесть в область культурную.

Но что представляет из себя пролетаріат в смыслѣ духовном? Кого он может выдвинуть против буржуазных и интеллигентских богатырей духа — Толстого, Достоевскаго, Михайловскаго и др.?

Вѣдь, задача тут не только в прямом отрицаніи, а преодолѣніи их посредством своей пролетарской культуры, в выявленіи своих духовных цѣнностей, которыя, на подобіе яркаго солнца, затмили-бы свѣт буржуазных звѣзд.

Я уже чувствую возраженіе читателя—ну, какой-же писатель буржуазіи Толстой? Он обще-человѣческій.

В настоящее время, кромѣ буржуазіи и пролетаріата, существуют еще промежуточные классы—мѣщане, интеллигенція, умирающее дворянство.

Классовая борьба очень болѣзненно отражается на этих промежутках. Они инстинктивно чувствуют свою погибель от побѣды той или другой стороны.

И вот они, как безумные, носятся со своими проэктами устройства міра и мира. Они называют себя надклассовыми или общечеловѣческими геніями и выступают в роли примирителей и обламывателей острых углов.

Но, в сущности, они стремятся лишь к тому, чтобы сохранить древнія формаціи буржуазнаго устройства.

Пролетарская критика должна вскрыть всю истинную подоплеку всѣх этих «общечеловѣческих» писателей и мыслителей. Она должна очистить путь пролетарским творцам от непроходимой надклассовой заросли.

Представители пролетарской культуры, на подобіе того, как эпоха ренессанса изучала и собирала образцы языческаго творчества, так и они должны собирать и изучать образцы народнаго творчества. Это откроет нам совершенно новый и оригинальный мір—искусства и мудрости.

Этот кладезь народнаго творчества будет неисчерпаемой сокровищницей для творцов пролетарской культуры.

Какое же идейное содержаніе должен придать пролетаріат своему творчеству? Да, несомнѣнно, такое, какое вытекает из всей его экономической и правовой жизни.

А именно: в отрицаніи основ буржуазнаго общества—частной собственности, в отрицаніи государства, как института классоваго господства.

В отрицаніи религіи—затемнительницы народнаго сознанія.

Словом, пролетарская культура должна отвергать то, что буржуазная устанавливает. И никогда она не должна говорить «да» там, гдѣ говорит «да» буржуазная.

«Никакой преемственности,—скажут нам;—вы, значит, как дикіе христіане первых вѣков будете уничтожать всѣ памятники буржуазнаго искусства?»

Да, кое-что мы разрушим, если это «кое-что» царскіе монументы на площадях.

Развалятся, вѣрно, и церкви, которыя мы перестанем посѣщать. Навѣрное, и многіе дворцы, которые устроены так, что и одному в нем неудобно жить, а присматривать за ним нужно сотнѣ! Мы не будем тратить огромныя средства на поддержаніе такого архитектурнаго идіотства.

Да, мы не будем зажигать костры из буржуазной литературы, но, навѣрное, знаменитые теперь романы нами никогда не переиздадутся.

И многое буржуазное и интеллигентское настолько обезцѣнится, что его никто уже не будет ни хранить, ни цѣнить.

Ибо, как говорит наш пролетарскій поэт:

„Дѣвушки в свѣтломъ царствѣ Грядущаго
Будуть прекраснѣй Милосской Венеры...

Это понятно. Развѣ могут трудовой психикѣ пролетаріата понравиться картины различных баталій?

И не противны-ли его нутру всѣ эти больныя, разнѣженныя позы, лица, глаза всѣх полотен художников от декаданса?

В настоящее время часто говорят о кризисѣ театра.

Можно с увѣренностью сказать, что театр буржуазный умрет, ибо на 9/10 современнаго репертуара рабочій не пойдет.

Театр должен стать пролетарским, только тогда он получит новыя силы для жизни.

Противная сторона может сказать—но гдѣ ваши силы? Гдѣ ваше искусство? Давайте его! Мы привѣтствуем его, но его у вас нѣт!

Все лицемѣрныя и неумныя слова. Вам нашего искусства не надо, но вы убѣждены, что мы его не создадим. Но это заблужденіе: великій класс, побѣдив вас экономически, побѣдит вас и культурно.

С той поры, как красноармеец вернется с войны, с той поры, как рабочій и крестьянин побѣдят голод, начнется расцвѣт нашей культуры, нашего искусства. В нашу жизнь и в нашу смерть мы вѣрим непоколебимо.

Подготовительную, собирательную культурную работу пролетаріат ведет и сейчас. Он много сейчас думает над вопросами народнаго образованія. Вы развѣ не чувствуете, что классическая школа доживает свои послѣдніе дни? Прощайте, Горацій.

Рабочіе поэты, писатели образовывают свои общества.

Обсуждают вопросы, связанные с пролетарским искусством, издают сборники своих произведеній, подумывают о коренном измѣненіи театральнаго дѣла.

Какія формы примет все это—мы не знаем.

Знаем лишь, что форма тѣсно связана с содержаніем.

Коллективное творчество найдет свое содержаніе, найдет и форму.

Если кто обезпокоен тѣм, что пролетарскіе творцы не стараются заполнить пустоту, которая отдѣляет творчество новое от стараго, мы скажем—тѣм лучше, не нужно преемственной связи.

П. Безсалько.

Кузнец.

Схватив руками крѣпкій молот,
В стальную глыбу он стучит...
Кругом темно... Зловѣщій холод
Ему погибелью грозит.

Но мощно он металл упорный
Ударом пламенным кует
И, разсыпая искры-зерна,
Он форму глыбѣ придает.

Еще удар, и меч звенящій
Им скован полночью глухой...
Гряди, боец животворящій,
Готов твой спутник боевой!

Илья Іонов.

Открытіе Дворца Пролетарской Культуры.

Петроградскій пролетаріат праздновал первое мая—день міровой пролетарской солидарности—не только демонстраціей своих новых сил.

Этот день впервые был ознаменован им и демонстраціей его творческих достиженій в области строительства своей классовой культуры.

Петроградскій Пролеткульт, пріурочив открытіе Дворца Пролетарской Культуры к 1-му мая, показал в этот день первые свои художественно-театральные опыты, выражающіе собою классовую особенность пролетарской культуры или характерные для этой культуры.

В 2-х боковых комнатах фойэ Дворца была размѣщена выставка произведеній пролетарских художников и скульпторов.

Без всякой предварительной выучки, художники-рабочіе в безхитростных, а иногда и дѣтски-наивных мазках, сумѣли показать тѣ чистые, отличные от прошлаго, зачатки своего искусства, от которых пойдет своим самостоятельным путем новая классовая живопись и скульптура. Особенно характерна для этого случая картина, изображающая символическій старый буржуазно-капиталистическій мір в видѣ пресмыкающихся гадов, которые в смертельном безпокойствѣ мечутся за забором, ища возможности укрыться от наступающаго, со всѣх городских переулков и улиц, новаго міра, озареннаго солнечным сіяніем и вѣяніем красных знамен.

Здѣсь старая народная пословица „что рабочему здорово, то барину смерть"—нашла свое полное выраженіе.

На сценѣ Дворца, перед началом, симфоническій оркестр исполнил „Интернаціонал" в новой аранжировкѣ тов. Фреймана.

Затѣм были сказаны ряд привѣтственных рѣчей. С обычным мастерством т. Луначарскій воспѣвал хвалебные гимны пролетарской культурѣ и в то же время говорил о пламенной любви к священным образцам художественнаго наслѣдія от прошлаго, о связи и преемственности, о необходимости перекинуть мост от вѣка рабства к вѣку братства и т. д.

Но вот взвился занавѣс сцены и первый же театрально-художественный опыт дал на это отвѣт, показав курс, по которому направлена дѣятельность работников Студіи Искусств Пролеткульта.

В поставленной ими инсценировкѣ произведенія т. Гастева „Мы посягнули", на фонѣ декорацій, изображающих космическую силу природы, приведенную трудовым усиліем рабочих в стройную систему, работники Студіи сказали:

„Кончено. Довольно с нас пѣсен благочестія. Смѣло поднимемъ свой занавѣс. И пусть играет наша музыка".

„Шеренги и толпы станковъ, подземные клокоты огненной печи, подъемы, спуски нагруженных кранов, дыханье прокованных крѣпких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливая пресса, вот наши пѣсни, религія, музыка".

В слѣдующем театральном опытѣ „Красный Угол" т. Волкова, работники Студіи крикнули клич о необходимости взять под сомнѣніе и подвергнуть строгому революціонному пересмотру всѣ чувства, нажитыя в условіях прошлаго; немедленно сдѣлать шагъ вперед—в глубь человѣка, шаг, чтобы новыя, завоеванныя формы жизни не остались только вывѣсками на старых зданіях, новыми названіями, не проникшими в глубь существа.

Герой пьесы „Красный Угол" показал, как это надо дѣлать, какъ надо бороться и побѣждать наслѣдіе прошлаго, замыкающаго человѣка в круг мелко-эгоистическаго личнаго счастья и дѣлающаго личный, мѣщанскій уголок уюта верхом желаній.

Третьим опытом инсценировки произведенія т. Гастева «Башня» работники Студіи показали величіе, мощь и красоту трудового экстаза, создавшаго «чудовище-башню, желѣзную башню рабочих усилій», увѣнчанную свѣтлым шлифованным шпилем, разорвавшим синее небо, разбросавшим облака и уже вступившим в спор с солнцем.

И вдохновенный работник Студіи, исполнявшій произведеніе «Башня», с необычным творческим подъемом устремляясь вверх, в послѣдній момент со словами:

«И иди
И гори,
Пробивай своим шпилем высоты,
Ты, наш дерзостный башенный мір»—

как бы символизировал собою этот кованный шпиль.

Затѣм, во второй части вечера, выступили со своими стихотвореніями рабочіе-поэты т. т. Кириллов, Іонов, Поморскій и Тихомиров.

Аудиторія встрѣтила своих поэтов восторженно, и не мудрено, вѣдь, это же основоположники новой классовой трудовой поэзіи. Их пѣсни бодрят, закаляют волю к борьбѣ и открывают красоты коллективнаго счастья.

С новым словом подготовился Пролеткульт к 1 мая и с вокальной стороны.

Коммунистическій хор Пролеткульта, не в примѣр хору Государственному, муниципальному и т. п. хорам, существующим за счет народных средств, 1-го мая не побоялся выйти и пѣть на улицѣ, пѣл цѣлый день, и вечером во Дворцѣ могуче пропѣл ряд революціонных гимнов и среди них два новых —

«Рабочій Дворец», слова тов. Поморскаго, муз. т. Озолина и—

«Первое Мая», слова т. Кириллова, муз. тоже т. Озолина.

Эти два новых гимна войдут в музыкально-вокальную исторію классовой культуры первым самостоятельным творческим вкладом петроградскаго пролетаріата.

Их ноты должны быть немедленно изданы и повсюду распространены, т. к. «Рабочій Дворец» и «Первое Мая» пролетаріат будет пѣть не только в Петроградѣ, но и во всѣх городах и странах.

Совершенно новым для исторіи было и коллективное чтеніе работников Студіи Пролеткульта, прочитавших «Знамя Красное» т. Іонова и «Пролетаріату» т. Кириллова.

Пусть здѣсь и было заимствованіе от античной Греціи, но оно ограничилось только нѣкоторой схожестью принципов формы чтенія, содержаніе же прочитаннаго ничего общаго не имѣло и не могло имѣть с прошлым вообще.

Пѣсни наших поэтов не по нутру даже старой, далекой Греціи!

В вѣяніи только что коллективно прочитаннаго „Краснаго Знамени", покрытаго могучими призывными раскатами интернаціонала, послѣ краснаго первомайскаго дня, послѣ краснаго вечера открытія Дворца в солнечно-красном настроеніи разошлась аудиторія по домам.

Сценическую работу вечера в театральных опытах исполнили:

в инсценировкѣ «Мы посягнули»—т. Попов.
» » «Башня»—т. Мгебров.

В пьесѣ «Красный Угол»—т. т. Кравец, Игнатов, Шалыгин.

Декоративную работу исполнили:

«Мы посягнули»—тов. Приселков.
«Башня»—т. Сыченко.
«Красный Угол»—т. Лерман.

Художественно-театральная программа первомайскаго открытія Дворца Пролетарской Культуры наше первое слово—слово петроградскаго пролетаріата.

Пролеткульт будет вездѣ и всюду скажет свое слово.

Петроградскій Пролеткульт должен быть основной базой международнаго Пролеткульта.

Да здравствует Международный Пролеткульт!

Василій Игнатов.

Зарубежным братьям.

Мой зарубежный товарищ и брат,
Бѣдный, усталый солдат,
Ты, в крови утонувшій по грудь,
Оглушенный гулом гранат,
Слушай:
Надо радость міру вернуть,
Вольною грудью вздохнуть...
Развѣ я тебѣ враг,
Я, чье богатство лишь пара рук,
Изнуренный от рабских мук,
Развѣ я тебѣ враг?
Смотри, во что превратился мір:
Онъ весь—израненный труп,
А война, касаньем страшных губ,
Пьет кровь людей, как вампир.
Красной стала в колодцах вода,
И в небѣ сочится кровь,
Гибнут в огнѣ города,
И смѣшнымъ стало слово любовь...
Но свѣтлый уж подан знак,
Что ужас идет к концу;
Возьми в руки алый стяг—
Он больше тебѣ к лицу.
Еще молот возьми стальной!
О, брат мой, довольно страдать,
Надо позорную цѣпь разорвать,
Сковавшую шар земной.
И пусть не будет в просторахъ земли
Нищих и жалких калѣк.
Смотри, из туманной дали
Грядет к нам плѣнительный вѣк...
Перестань же колоть, убивать,
Отвергни черный обман:
Нам, угнетенным всѣх стран,
Вся земля единая мать.

Владимир Кириллов.

Море.

Море пѣло. Могучее стихійное, оно пѣло в жемчужных брызгах, горящих на солнцѣ перлами жизни, о вѣчной красотѣ, о безпредѣльно-голубой дали, замкнувшей горизонт. Оно пѣло, стихійное, переливаясь милліоном огней, зажженных вечерним сіяніем солнца; оно смѣялось, полное своего величія, и в гнѣвѣ бросало гигантскія волны о скалы. И в этом гимнѣ красотѣ то слышалась человѣческая скорбь, то — великая радость. Не в силах оно было побороть того мятежнаго и безудержнаго желанія, которое так высоко и гордо поднимало его титаническую грудь. Море пѣло.

Мы стояли у высокаго утеса. Синяя безпредѣльная даль раскинулась перед нами. Вечернее солнце утонуло в морѣ, посылая послѣдніе кровавые лучи по берегам, отчего наши лица казались алыми. Мы стояли и любовались игрой волн трепетнаго моря. Бѣлая чайка падала в пучину моря и с криком исчезала в золотой вечерней дали.

Мы никогда не видѣли моря. Мы выросли в большом, громадном и каменном городѣ, жили в сырых и унылых мансардах, работали на фабричных окраинах, гдѣ грудь задыхается от дыма и пыли. Мы родились там, гдѣ лица измученных и голодных людей, похожих на тѣни смерти, наводят ужас на человѣка, имѣющаго сердце. Мы никогда не видѣли моря. Мы привыкли к шуму колес, вагранок, шкивов, маховиков, мы привыкли к желѣзному грохоту машин и рычагов. Мы впервые узнали, что есть какой-то иной мір, какая-то иная жизнь и красота, которая была недоступна нам... Мы в книгах много раз читали о морѣ и его красотѣ, но, занятые своей жизнью и борьбой, мы не удѣляли этому вопросу много вниманія. И вот, перед нами море, перед нами чудеснѣйшій угол міра. Мы были поражены, и все нам казалось странным и необыкновенным. Мы были голодны, измучены и усталы, но мы забылись, ослѣпленные красотой моря и его берегов.

Нас было двое. Мы ушли, проклиная большой город, из тюрьмы. Мы шли уже не первый день. Прошли громадныя каспійскія степи, томимые безумной жарой, испытывая муки голода, пришли в этот уголок с надеждой отдохнуть. Мы шли, останавливаясь у казачьих хат и выдавая себя за убогих.

Сидя на утесѣ, рѣзко выдавшемся в голубое море, устремив в даль взор, мы не могли оторваться от панорамы, которая раскинулась перед нами.

Далекія горы, опустив свои сѣдыя бороды в цвѣтущіе сады и виноградники, подпирали голубое небо. Душа просилась в даль, и в розмахѣ шири, развернувшейся перед нами, и в трепетѣ воздуха чувствовалась какая-то золотистая нѣга, пьянящая тѣло... Хотѣлось унестить в какую-то неизреченную даль, слиться с каким-то необыкновенным міром. Звуки в душѣ наростали, смѣялись, разсыпались золотом.

Стало смеркаться. Я лежал, погруженный в свои думы, смотрѣл на вечерѣющее небо, на крупныя южныя звѣзды, охватившія серебряным кольцом черное небо и ласкающія его голубым сіяніем. Ночь спустилась незамѣтно на море. Луна бросила свой прожектор в его пучину, и оно запѣло и заиграло в его блѣдных грезах. Точно тысячи изумрудов, загорѣлись его лучи в черном бархатѣ воды, сливаясь огненными точками пароходов, уходящих в море. Что-то таинственное и сказочное — в ночном морѣ, когда луна выходит из-за туч и бросает в его бездну безчисленность звѣзд и огней.

Мы погрузились в созерцаніе красоты. Море пѣло, ласковое и юное, как дѣвушка, увѣнчанная огнями роз, вливало в наши души необъяснимую радость. Мы чувствовали прилив сил, нам хотѣлось вылить свои чувства в звуках, но красивыя слова не шли на ум, чувство не выявлялось. Мы молчали, очарованные, забывшіе прошлыя страданія.

Море пѣло в голубой лунной сказкѣ...

Александр Поморскій.

Пѣсни солдата.

I.

Кончено с жизненной цѣлью,
Ужас, куда ни взгляни,
Сѣрой солдатской шинелью
Скрыты грядущіе дни.
Завтра повзводно мы встанем,
Грозно щетиня штыки,
И в предразсвѣтном туманѣ
Тѣнью растают полки.
Тусклыя, сѣрыя жизни,
Много вас сгибнет в борьбѣ,
Темным укором отчизнѣ
И безсердечной судьбѣ.

II.

Не терзай мое сердце надеждой,
Свѣтлых дней так легко не сули,
Я заброшен враждою мятежной
Далеко от родимой земли.
На раздольѣ широкаго поля,
Гдѣ рѣшается спор вѣковой,
Я найду свою горькую долю,
Обручившись с холодной землей.
В грустный час на тревожной равнинѣ
Я на братскую лягу постель,
А над ней в непонятной кручинѣ
Будет бится и плакать метель.

Горемыка.

Степан Георгіевич Ефремов (Горемыка).

НЕКРОЛОГ.

Как много юношей легло на смертном ложѣ,
И вот еще, еще один удар
Упал на грудь рабочей молодежи..

В. Торскій.

Невольно вспоминаешь эти слова поэта-рабочаго, когда всматриваешься в жуткій ужас послѣдних лѣт. Сколько юношей, радостных и сильных, унесла небывалая кровавая бойня, сколько дарованій и талантов погибло во славу мірового капитала, сколько дорогих могил разбросано на полях Польши, Галиціи! И одной из тяжелых утрат явилась для нас смерть нашего дорогого товарища и сотрудника, пролетарскаго поэта Степана Ефремова. Он пал во время прорыва двинских позицій, около мызы Маріенгоф, когда шел во главѣ полка, воодушевляя своих товарищей. Он состоял членом полкового Комитета, дѣятельно участвовал во всѣх культурно-просвѣтительных работах арміи и был общим любимцем в родной и близкой ему семьѣ солдат. Я помню его еще почти мальчиком, учеником Лиговскаго Народнаго Дома С. В. Паниной, гдѣ мы вмѣстѣ посѣщали лекціи по русской литературѣ. Здѣсь он обнаружил чуткій ум и глубокое пониманіе прослушанных лекцій, здѣсь же он ознакомил наш литературный кружок с первыми своими стихами, в которых уже чувствовалось яркое поэтическое дарованіе. Вспыхнувшая затѣм война на нѣсколько лѣт разъединила нас, и только послѣ революціи, лѣтом 1917 года, мы снова встрѣтились с ним на собраніи кружка рабочих поэтов общества „Искусство и Соціализм“: но, увы, это была послѣдняя встрѣча. Вскорѣ он уѣхал на фронт, долго от него не было никаких извѣстій и, наконец, мы получили жуткую вѣсть, что его не стало. Он оставил нам тетрадь в нѣсколько десятков стихотвореній под общим заглавіем „Пѣсни солдата“, написанныя им за время пребыванія на фронтѣ. Глубокая искренность и неподдѣльное дарованіе сквозит в каждой строчкѣ его стихотвореній. В первом и втором номерѣ нашего журнала мы познакомили читателя с его творчеством. Его стихотворенія „Метелица“, „Могила врага“, „Пѣсня ночи“ и ряд других, проникнутыя грустным сознаніем безвыходности, тяжкой доли солдата, и постоянным ожиданіем и предчувствіем смерти, представляют собой рѣдкій документ человѣческих переживаній, и по правдивости, простотѣ и силѣ образов, являются наиболѣе цѣнным отраженіем ужасов современной войны.

Кончено с жизненной цѣлью,
Ужас, куда ни взгляни,
Сѣрой солдатской шинелью
Скрыты грядущія дни.
Завтра повзводно мы встанем,
Грозно щетиня штыки,
И в предразсвѣтном туманѣ,
Тѣнью растают полки.

Какой щемящей грустью вѣет от этих строк! Так только мог сказать человѣк, глубоко ненавидящій войну, но раздѣлявшій общую участь милліонов таких-же, как он, одѣтых в сѣрыя шинели крестьян и рабочих. И если сопоставить с этими стихотвореніями тѣ барабанныя, трескучія вирши, что измышляли сидящіе в уютных кабинетах модные буржуазные поэты, „пьющіе кофе с пѣнками“ и разгуливающіе с „шатенками“ и заносчиво обѣщающими к веснѣ взять Берлин, то читатель невольно поймет, насколько выше и значительнѣе каждая строчка безхитростных стихов Ефремова всего того, что было написано господами Сѣверяниными и т. п. пѣвцами сомнительных салонов и кафе-ресторанов.

На раздольѣ широкаго поля,
Гдѣ рѣшается спор вѣковой,
Я найду свою горькую долю,
Обручившись с холодной землей...

Предчувствія, томившія поэта, сбылись, пѣсни ночи оборвались, остались недопѣтыми, их допоют другіе. Тяжкія испытанія нашего поколѣнія найдут живой отклик в сердцах грядущих поэтов, и драгоцѣнная кровь погибших взростит цвѣты еще невиданной красоты.

В. К.

Памяти С. Г. ЕФРЕМОВА (Горемыки).

Баян труда погиб в неволѣ,
Уснул навѣк под пушек вой...
За что-ж ты пал—на бранном полѣ,
Найдя безвременный покой?

Зарыт-ли прах? и гдѣ могила?
Не воронье-ль тебя клюет?
Гдѣ ясный взор твой смерть закрыла?
Гдѣ мысли прерван был полет?

Как тяжко черной вѣсти вѣрить!
Прочь, злая вѣсть, уйди, змѣя...
Как велика моя потеря,
Как безгранична скорбь моя!

Иван Ерошин.

Задачи пролетарской культуры.

II.

Сторонники использованія буржуазной культуры в настоящій момент напрягают всѣ свои силы для того, чтобы привлечь буржуазную интеллигенцію на сторону пролетаріата, но старанія их почти не увѣнчиваются успѣхом, ибо даже лучшая часть буржуазно-демократической интеллигенціи, примыкающая к правым эсерам и меньшевикам, до сих пор не может примириться с характером пролетарской революціи.

С точки зрѣнія переживаемаго момента, такая тактика «использованія» вполнѣ понятна. В руках Рабоче-Крестьянскаго Правительства очутился сложный государственный аппарат, удержать который возможно было лишь при одновременном захватѣ его снизу и сверху, начиная организаціей отдѣльнаго предпріятія и кончая центральными общегосударственными органами. Ясно, что для осуществленія этой задачи необходимо было имѣть огромный запас интеллектуальных сил, выдѣлить которыя в то время пролетаріат еще не мог. Впослѣдствіи эта задача нѣсколько видоизмѣнилась, саботаж буржуазно-демократической интеллигенціи заставил пролетаріат нѣсколько осмотрѣться и «привыкнуть», как говорят, пройти нѣкоторую практическую школу и на всѣ отвѣтственныя должности выдвигать активных работников из своей среды.

Но как бы ни было затруднительным положеніе пролетарской революціи в самом началѣ, все же вопрос о пролетарской культурѣ нельзя было разрѣшить в плоскости использованія буржуазной интеллигенціи.

Необходимо было тотчас же еще сильнѣе, еще энергичнѣе приняться за организацію пролетарской интеллигенціи, дать ей соотвѣтствующую теоретическую и практическую подготовку. Но случилось совершенно обратное. Только-что организованный тогда Пролеткульт, который, по мнѣнію его иниціаторов, должен был сдѣлаться центром пролетарской культуры, почти на другой же день был заброшен, предоставлен самому себѣ, и, только благодаря энергіи самих рабочих масс, сумѣл стат на болѣе прочный путь культурнаго строительства.

И понятно, что первѣйшей задачей, которую поставил себѣ Пролеткульт, было не «использованіе» буржуазной интеллигенціи, а организація своей пролетарской интеллигенціи, привлеченіе всѣх активных работников в состав сотрудников Пролеткульта. Он прекрасно понимал, что такое собраніе пролетарских творческих сил необходимо в цѣлях развитія и оформленія пролетарской культуры. В дальнѣйшем перед Пролеткультом стоит болѣе трудная и сложная задача, которая без активной поддержки всѣх рабочих организацій не может быть осуществлена. К ея разрѣшенію должны быть привлечены самыя лучшія силы из наших руководящих верхов, совѣтов и партій. Необходимо тотчас же приступить к организаціи Пролетарскаго Университета или Академіи, которая могла бы быть высшим разсадником пролетарской науки. Всѣ активныя, живыя силы пролетаріата, занятыя сейчас на различных общественных должностях, могли бы получить в своем Пролетарском Университетѣ научно-соціалистическую подготовку на основѣ политехнических и соціальных заданій. Нечего говорить, что организація Пролетарскаго Университета сыграет громадную роль в развитіи пролетарской культуры. Для непосредственных практических нужд рабочаго класса, при университетѣ необходим цѣлый ряд технических курсов, как, например, курсов по организаціи труда, соціальному страхованію, профессіональному движенію, коопераціи, муниципальных работников, газетных техников и т. д. Мы увѣрены, что рабочій класс не только приложит всѣ усилія для созданія высшаго органа пролетарской науки, но и создаст необходимыя условія для посѣщенія его пролетарской активной массой. Созданіе Пролетарскаго Университета необходимо, в цѣлях интеллектуальнаго уровня всей рабочей массы, в цѣлях приближенія к пролетарской культурѣ, к соціализму.

А. Маширов.

ВЕСНА.

Растопило солнце знойное
Почернѣвшіе снѣга,
Рѣк движеніе разбойное
Захлестнуло берега.

Робко смотрит травка юная,
Тянет к солнцу стебелек,
Лѣс застыл, о чем-то думая...
Сыплет золото денек.

У скворешен, опьяненные,
Цѣлый день свистят скворцы,
Воробьи кричат бездомные,
Гнѣзда вьют грачи-купцы.

В мареве просторѣ нѣжные
Колокольчики звенят,
Что за гости к нам, заѣзжіе
С юга теплаго летят?

Льются, падают пугливые
Звуки страстные и мрут,
Журавли галдят сонливые,
А лягушки будят пруд.

Муравьи ползут, торопятся,
Все проснулось, рвется жить...
Сердце радо, крикнуть хочется—
И охота всѣх любить.

Н. С. Тихомиров.

Разсвѣт.

В началѣ Страстной недѣли, расчитанный с завода, за сокращеніем штата, Картавцов получил, наконец, от биржи труда право и билет на выѣзд из Петрограда.

На свою родную станцію пріѣхал он ночью в один из первых дней мая. Начался май холодами: не доѣзжая еще до Москвы, видѣл Картавцов выпавшій снѣг—лежал он порошей на прозелени, едва показавшейся навстрѣчу двум-трем, выдавшимся перед тѣм, теплым денькам.

На родной станціи показалось теплѣе—снѣгу тут не было. Потом, однако, понял Картавцов, что тепло было тут от лѣса хвойнаго, стѣной защищавшаго от сѣверных вѣтров. Вдоль него и поѣхали.

— Подбирай ноги,—остерег Картавцова выѣхавшій за ним на станцію старшій брат его Гриша:—дрова тут развалились из полѣнниц.

Дѣйствительно, колеса роспусок стали наѣзжать на полѣнья, встряхивать. Гриша ругнулся.

От станціи запыхтѣл паровоз, двигался ближе и ближе. Против подводы шел уже полным ходом, осыпая золотыми искрами вагоны, мелькающіе весело своими огнями въ темнотѣ ночи, сжатой еще лѣсом.

Дорога проселочная заворачивается въ самую гущу лѣса. Гриша передал возжи брату, сам пошел вперед и, зажигая спичку за спичкой, осмотрѣл дорогу. Вернулся и увѣренно уже поѣхал в полной тьмѣ, под свѣтлѣющим чуть-чуть над дорожной просѣкой небом.

Пахнет чудесно ночнымъ холодком, землей, лошадью и ельником.

— Кто тут ѣдет?—окликает тревожный голос из тьмы:—вы на станцію, что-ли?

Гриша на-скоро направилъ лошадь вправо от голоса.

— Ну да, на станцію,—для чего-то морочит он встрѣчнаго.

Лошадь в телѣгѣ стоит по направленію от станціи.

— Заплутался?—спрашивает Гриша.

— Ну да, заплутался,—отвѣчает голос;—за вами, что-ли, ѣхать?

— Нѣт, поѣзжай назад: мы со станціи,—сознался Гриша, и подводы разминулись.

Скоро выбрались братья из лѣса и спустились к рѣкѣ, чуть поблескивавшей въ темнотѣ.

Влѣво виднѣются вдоль желѣзной дороги огни.

В просвѣтах между темных туч сіяют звѣзды. Дорога пошла вдоль прясла; вправо на землѣ что-то бѣлѣется.

— Что это бѣлѣется?—спросил Картавцов брата, думая: „не снѣг-ли?"

— Песок,—односложно, нехотя отвѣтил Гриша.

Картавцов и сам знал, что дорога тут была всегда трудная по песку; но сейчас ѣхали по твердому грунту. Тутъ-то догадался Картавцов о происхожденіи прясла, вдоль дороги появившагося слѣва, очевидно отгораживавшаго поле от новаго захвата. „Новые порядки",—улыбнулся Картавцов.

Первая на пути деревня чужой еще волости. В одной только избушкѣ свѣтится огонек,—тоже пріѣхал кто-нибудь со станціи; дома уже, счастливец. А Картавцов жмется от холода. Выѣзжают на песчаную гору, открытую вѣтру: и тут Картавцова пронизывает. И кажется безконечной в темнотѣ эта дорога до оврага, прячущаго хоть на время от вѣтра, спускающаго их к рѣкѣ. Пы-

Выставка автодидактовъ.

(Во дворцѣ Пролетарской Культуры. Екатерининская, 2. Вход безплатный).

Первая пролетарская выставка, открывшаяся во Дворцѣ Пролетарской Культуры, с тѣм, чтобы стать постоянной и непрерывно обновляющейся, представляет собою весьма знаменательное явленіе в области новой культуры.

Ничего не значит, что на этой выставкѣ много слабыхъ картин. Скорѣе это не слабость, а неопытность; попытки полета еще неразвернувшихся крыльев просыпающагося творчества. На самом дѣлѣ, дѣйствительно слабыми картинами и рисунками на выставкѣ слѣдуетъ считать тѣ, которыя носятъ на себѣ печать школьнической выучки и академической рутины; от такой рутины тошно становится при взглядѣ даже на самыя чистенькія и аккуратненькія картинки мастеровъ кисти на выставках, свято придерживающихся предписаній классическаго канона.

Быть может, подражательно-школьническія, несамостоятельныя, напоминающія собою открытки в слащавом, мѣщанском, приторном и отвратном вкусѣ совсѣм не должны быть принимаемы на нашу выставку.

На ней должно находить себѣ мѣсто только выраженіе смѣлой, работающей под непосредственными впечатлѣніями и руководимой исключительно ей принадлежащими углами зрѣнія и художественными оцѣнками, изобразительной творческой мысли.

Потому что пролетарскому искусству, вновь возникающему, хотя и необходимы уроки великой техники великихъ мастеровъ прошлаго, работавшихъ для всѣхъ временъ, однако, пусть знаютъ пролетарскіе художники, что величіе каждаго изъ тѣх великих заключалось не в установленіи незыблемых правил и в наложеніи цѣпей на творчество, а в отысканіи новыхъ путей для свободнаго творчества.

Рафаэль — велик и несравненен, а все, что „под Рафаэля“ — уже второй и третій сорт. И то же самое можно сказать о Рембрандтѣ, о Рубенсѣ, о Вандикѣ, о Веласкецѣ, о Тенирсѣ, о нашемъ Рѣпинѣ.

Спросите у любого, выдающагося своей оригинальностью, современнаго художника, чему онъ обязан блеском и значительностью своих картин. „Тому, отвѣтит он,—что я порвал с академическим каноном, разучился—и мнѣ это стоило большого труда—и уже заново выучился работать по своему и по указкѣ натуры“.

Кстати вспоминается, как лѣт тридцать слишком назад Рѣпин разносил Рафаэля и как недавно наш поэт тов. Кириллов провозгласил, что мы „сожжем Рафаэля“, и за это газета „Новая Жизнь“ обрушилась на него со свойственным ей мелкомысліем. Разумѣется, Рѣпин в свое время, и т. Кириллов в наши дни имѣли в виду не буквальное уничтоженіе Рафаэля, а разрушеніе рафаэлевщины, т. е. упраздненіе художественнаго рабства, вырождающагося непремѣнно всегда в безнадежное безвкусіе или в художественный идіотизм.

Таким образом, пролетарская выставка, каких бы она ни заслуживала упреков со стороны академической критики, должна быть ограждена, именно в силу этого, от вторженія в нее школьно-академической рутины. А все самобытное и автодидактическое — автодидакт значит самоучка,—тот плодородный чернозем, из котораго могут вырасти цвѣты новаго искусства, отвѣчающаго запросам и потребностям вѣка, должно быть поощряемо и чувствовать себя хозяином на этой выставкѣ.

Сегодня слабо, завтра сильнѣе и крѣпче, а послѣ завтра, смотришь, и совсѣм станет хорошо и сильно.

Если в одной десятой населенія Россіи пробуждались и разгорались великолѣпныя дарованія и таланты на почвѣ значительнаго досуга, которым эта десятая часть располагала, то у всѣх десяти десятых, призываемых нынѣ к пролетаризаціи, к соціализму, к равенству, к общему труду с естественным пониженіем числа часов, идущих на обязательную физическую работу и слѣдовательно с увеличеніем часов дневного досуга, расцвѣт творческой дѣятельности народной души, можно ожидать, примет колоссальные размѣры. Не забудемъ, что даже в крѣпостное время русская живопись большею половиною своего успѣха обязана была выходцам из так-называемаго простого народа; и сам Рѣпин, слава русскаго искусства, сын бѣднаго солдата.

Впрочем, несправедливо было бы отвернуться от первой пролетарской выставки под предлогом, что нѣт на ней того главнаго, что именно должно быть прежде всего.

Нѣт, есть уже то, что должно быть преже всего!

Есть экспонаты, сильные по краскам и по композиціи. Неиспорченное, непосредственное чувство колорита, близкое лубку и уже однако развитое до степени пониманія и воспріятія эстетической радуги красок, рѣзко бросается в глаза на картинахъ нѣкоторых художников. Иные могут похвастать превосходно выполненной линейной и воздушной перспективой в каких то новых перцепціяхъ (впечатлѣніях, преломленных в призмѣ какого-то новаго художественнаго вниманія). На других картинах, рядом со смѣлостью и вмѣстѣ гармоничностью колористическаго пятна выступает почти величавость настроеній.

И такіе художники как Боднѣк, Андреев, Алексѣев, а также нѣкоторые другіе являются порукою, что среди пролетарских автодидактов есть уже первыя ласточки и что грядет весна пролетарской живописи.

Іер. Ясинскій.

(Член Художественной Коллегіи Пролеткульта).

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНІЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 4. № 4.

Участвуютъ—А. Луначарскій, В. Полянскій; **писатели-рабочіе:** Аксен-Ачкасов (*И. Садофьев*), П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (*С. Копыйкин*), Горемыка † (*С. Ефремов*), В. Игнатов, И. Іонов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, К. Лоптин, Н. Отсоли, Самобытник (*А. Маширов*), В. Торскій (*В. Царев*), П. Тихомиров, А. Поморскій и др.

Похороны Трибуна.

(Памяти Володарскаго).

Безбрежный океан обнаженных голов,
Бурлящим потоком черныя сомнѣнія смяты...
Море цвѣтов—
Вѣнков...
Плакаты, плакаты...
Рвутся к неосознанным высям сердца,
Неумолимы людскіе прибои...
На алых флагах: „борись до конца“,
„Слава павшим героям“.
Уходят, приходят Арміи Красной взводы,
Растет безпрерывность желѣзных шагов.
То Армія вѣчной свободы,
Войска Грядущих Вѣков.
Вьются флаги на стальных штыках,
Революціонная мощь в сомкнутых рядах.
В музыкѣ непоколебимаго строя
Войско чествует память героя.
Гроб героя несут на руках,
Гроб борца утопает в цвѣтах.
Над ним багряность горящих знамен,
Безпрерывность людских колонн,
Неумолимый движенья закон.
Торжественность многоликих масс,
Хоронит трибуна рабочій класс.
На лицах людей страданье,
Как клинок кинжала, блещет их взгляд.
Молчат дворцы угрюмо, соборы и зданья.
Молчат, молчат...
Заостренностью грусти блещут усталые взоры
Горячею жутью обливаются мощныя груди,
Но нераздѣльною сталью спаяны во едино люди...
Гдѣ-то гремит гром орудій...
Всѣ вздрогнули при звуках хора,
Забились новым темпом сердца,
В новых чувствах ступают массы им слѣдом...
А эхо доносит: борьба до конца!
К побѣдам, к побѣдам!
При этих звуках плотнѣе сомкнулись штыки,
Колокол затрезвонил протяжный гдѣ-то...
Знамена, знамена, вѣнки
Союзов, Совѣтов...
Грусть в сердцах расплавлена,
Грудь тисками сдавлена,
Но все лучезарно, необычно, свѣтло,
Обычное сжалось, куда-то ушло.
Все горит в циклонах стремленія,
Все трепещет в огнѣ достиженія,
Стирая безумье безумных повѣрій,
Свергая твердыни—законы.
В домах открылись окна и двери,
Темнѣют от наших врагов балконы.
Им страшен народных дерзаній вал,
Робкія души страхом объяты.
Интернаціонал.
На перекресткѣ оратор
Льет в груди огненных слов желѣзо.
Гдѣ-то гремит марсельеза.
Острым мгновеньем звучит каждый шаг.

Кто-то поднял флаг,
Что-то поют, поют...
Салют, салют, салют!
В глубоком молчаньи на изломѣ улиц застыли
Пролетки, автомобили.
Знамена склонились. Борца
схоронили.

Вѣчная память.

Александръ Поморскій.

По поводу литературной формы.

Вопрос искусства—по преимуществу вопрос формы. Художник бьется над поисками такой оболочки, в которой зерно его содержанія получило бы наибольшую силу выраженія и красоту. Иначе самое глубокое содержаніе не производит желаемаго впечатлѣнія и теряет свою подлинную значительность. Как будто бы сила воли нервной энергіи пущена неумѣлой рукой и не встрѣчает должнаго отвѣта в мозговых аппаратах людей. В поисках соотвѣтствующей формы художнику приходится затрачивать огромное количество сил. Не даром лучшіе художники пера борьбу за овладѣніе формой и исканіе слов, достаточно сильно выражающих то, что им хочется сказать и изобразить, сравнивают с крестными муками. А это сплошь и рядом приводит к тому, что форма для художника становится фетишем,—она поглощает все его вниманіе и почти вытѣсняет из поля зрѣнія содержаніе. Загораживаемое густым частоколом представленій оболочек форм, содержаніе блѣдно маячит в отдаленном углу сознанія и если окончательно не отрывается от формы, то продолжает еле-еле влачить существованіе.

К такой грани состоянія подошла значительная часть буржуазнаго искусства. Оно цѣликом уходит в форму. Несмотря на виртуозность мастерства формы, на оригинальность, искусство буржуазіи похоже на фальшивые брилліанты, блеск которых

увлекаются мастерством формы буржуазных писателей, а, в своем увлеченіи формой, нерѣдко берут и их содержаніе. К сожалѣнію, это невольное увлеченіе захватывает наиболѣе талантливых. Легче идти по протоpенному пути. Стихійное развитіе выбирает путь наименьшаго сопротивленія. С подобным зараженіем необходима борьба,—оно не исключает возможности принять затяжной характер, а для многих хроническій.

У рабочаго класса есть испытанный способ преодолѣвать противорѣчія: сознательной организованностью. Путь ощупью, от случая к случаю, должен отовсюду изгоняться.

Если рабочій писатель, поэт ясно сознает себя не как отдѣльную особь, а как представителя класса, каждый шаг котораго прокладывает путь к соціализму, то и надлежащему содержанію найдется соотвѣтствующая форма. Это не значит, что форма явится по простому вдохновенію, нѣт, понятый и прочувствованный смысл содержанія вынудит, в силу своей внутренней логики, искать такую комбинацію форм, которая с наибольшей силой и яркостью его выражает. Правда, этот путь сознательных и упорных поисков формы *через содержаніе* труден, но он единственно вѣрный для выявленія своего лица. Такой путь заставит рабочаго поэта относиться к своему творчеству с сугубой серьезностью, и крестныя муки поисков только еще сильнѣе дадут возможность почувствовать восторги озаренія.

Подражаніе и заимствованіе, обыкновенно, кончаются с того момента, когда писатель начинает самостоятельно серьезно мыслить. Когда он ясно сознает себя и свою связь с коллективом своего класса, его задачами и интересами. Кольцов перваго періода, когда он *безсознательно сознавал* связь со своим коллективом, неизмѣримо выше второго, когда у него завязались сношенія с зарождающимся теченіем разночинцев в лицѣ Бѣлинскаго. Казалось бы, что знакомство с одним из геніальнѣйших критиков должно было повліять на Кольцова большим его углубленіем и, однако, на поэзіи Кольцова это отразилось пониженіем ея качества.

Знакомство с Бѣлинским и другими его совре-

До нѣкоторой степени аналогично положеніе нашего современнаго писателя М. Горькаго. М. Горькій перваго періода, как художник, несомненно, выше послѣдующих. Тѣсная связь по происхожденію с ремесленно-босяцкой средой давала ему возможность *безсознательно сознавать* душу этого колектива, и он легко и свободно сильными красками его изображал. Как только М. Горькій начал сближаться с нами, рабочими, то произведенія этого періода, несмотря на нашу к ним симпатію, утеряли свою первоначальную силу и яркость.

Горькій не понял до конца наших задач, не прочувствовал их. Он не был затронут ими во всей необходимой глубинѣ. Художественное творчество основным источником своего питанія имѣет наше подсознаніе, которое складывается по преимуществу из окружающаго быта. Чтобы преодолѣть предразсудки отложившагося быта, нужна слишком упорная и вполнѣ сознательная работа. М. Горькій послѣ первых, не вполнѣ удачных попыток изображенія рабочих типов, вмѣсто того, чтобы идти упорно по раз избранному пути, стал дѣлать концентрическіе круги. Пишет „Лѣто“, „Городок Окуров“, „Матвѣй Кожемякин“ и цѣлый ряд других произведеній, в которых изображается приблизительно наша среда, путь сознательной борьбы за понятіе до конца классовых интересов рабочих, связи их коллективной психологіи с соціализмом. М. Горькій предпочел болѣе легкій путь наименьшаго сопротивленія, „куда влечет меня невѣдомая сила“, путь стихійнаго развитія от случая к случаю. Дѣлались попытки изобразить стараго знакомца босяка, но он выходил уже не тот. Связь со старым нарушена надрывом расширившагося кругозора понятій, а овладѣть новым нѣт достаточнаго сознательнаго желанія.

Та же сказка про бѣлаго бычка повторяется с крестьянскими поэтами Клюевым и Есениным. Несмотря на примитивность, первый період их творчества выше их теперешняго пошлаго оригинальничанья декласированных интеллигентов. Вмѣсто того, чтобы осилить понятіе задач интересов крестьянскаго аморфнаго коллектива, каким путем должно идти его развитіе, Клюев и Есенин предпочли этому пути пошлое жонглерство перед вырождающейся буржуазной интеллигенціей, стали

Через самостоятельное мышленіе, которое позволяет установить связь между содержаніем и классовыми задачами, к достойной побѣдоносцаго класса художественной формѣ.

Федор Калинин.

Желѣзный мессія.

Вот он спаситель—земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шумѣ несмѣтных стальных машин,
В сіяніи солнц электрических.
Думали,—явится в солнечных ризах,
В ореолѣ божественной тайны,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов окраины.
Думали,—явится в блескѣ и славѣ,
Кроткій, благостно-нѣжный,
А он, подобно огненной лавѣ,
Пришел многоликій, мятежный...
Вот он шагает чрез бездны морей,
Стальной, непреклонно-стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.
Гдѣ прозвенит его властный крик,—
Нѣдра земныя вскрываются,
Горы пред ним разступаются в миг,
Полюсы міра сближаются.
Гдѣ пройдет—оставляет слѣд
Гулких, желѣзных линій,
Всѣм несет он радость и свѣт,
Цвѣты насаждает в пустынѣ.
Новое солнце міру несет,
Рушит троны, темницы,
К вѣчному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.
Знак его алый—символ борьбы,—
Угнетенных маяк спасительный,
С ним побѣдим мы иго судьбы,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 7. № 7.

Участвуют — А. Луначарский, В. Полянский, писатели-рабочие: [illegible] Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (*С. Копейкин*), Горемыка †(*С. Ефремов*), В. Игнатов, И. Ионов, В. Кирчллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, К. Лоптин, Н. Отсоли, Самобытник (*А. Маширов*), В. Торский (*В. Царев*), П. Тихомиров, А. Поморский и др.

СТИХИ.

У станка.

Стружка вьется, стружка тянется, ползет,
Удлиняясь, как разлука, как печаль...
А резец идет — смеется и поет,
И целуя, обнажает деву — сталь...
Шестерни, шкивы вращаются, снуют...
А в груди моей под танец шестерней —
Два желанья, два начала спор ведут...
Слышу голос мягким шелестом ремней:
„О, мечтатель, вольнодумец, о поэт!
Не затем-ли уж родился ты на свет,
Чтоб всю жизнь в заводе мучиться, терпеть,
И прикованным к машине умереть?
За окном — весна... блеск солнца... красота...
Тут туманит взор — грязища, темнота,
Там ласкает слух певцов пернатых хор,
Тут машин-чудовищ грохот-разговор;
Он упреки, он проклятие отцов...
С ним сливаяся, рыдает скрип резцов.
Там — деревья... от цветов там — аромат...
Тут бессменно — сталь, железо, дым и смрад.
Тут все вертится, танцует и дрожит,
Воет, лязгает, гремит, стучит, жужжит...
И вот тут-то, как прикован, день-деньской —
Неотлучно у станка ты, в мастерской...
Ум мутится... спину ломит... грудь болит...
А смотри, как солнце ласково глядит,
Как приветливо целует, радость льет,
Дразнит, манит и настойчиво зовет
В степь безбрежную, на волю, на простор,
На зеленый, на цветистый на ковер...
К морю звучному, — к играющим волнам,
В горы!... Выше! ближе к солнцу, к небесам!“
Хором звуков зачарован, убежден, —
Проклинаю плен завода, стали звон.
К солнцу, к морю, в горы, к воле я лечу...
Счастья светлого и радости хочу.
Ведь открыт-же к наслажденью путь всегда
Угнетателям, живущим без труда...
Им, жиреющим, все можно, все дано...
Что-же мне-то, кроме муки, суждено?
Иль в заводе пулеметы лишь ковать?
„Для чего они?“ — сын спросит — что сказать?
Не сказать-же, что в них зреет виноград,
И тебя-же им, быть может, угостят?...
Сердце бьется, гнев клокочет, гнев кипит...
А в ушах немолчно тот-же зов звенит:
„Видишь-ли, невольник-парий, блеск какой!..
Ты томишься у машины в мастерской...“
. . . .
Замечтался, в высь умчался, запарил...
Не заметил, кто станок остановил.
Окрик!.. Мастер... Вновь включаю самоход,
Вновь танцует звуков стройный хоровод...
Но пророча, напевая о другом,
Криком стали, смелым, властным языком:
„Разгони мечтаний хмельный хоровод,
Не кляни станки, машины и завод.
Ты пришел сюда от солнечных полей,
Где рабом яремным был у палачей.
Тут клянешь ты в бой сзывающий металл,
Там под розгами помещика стонал...

— Великая мать, не мстителен я и не злобен. Встань из золотого сиденья и ходи вольно по небу, как раньше ходила, знойную землю одаряя прохладой.

Сказал, в одном месте рукою кресло нажал и золотые клинья от бедер Геры богини тотчас отделились.

Не веря свободе, с кресел богиня поднялась и по золотым чертогам прошлася. Всѣ боги ликуют, а в душе матери Геры злоба уж бурно клокочет. Когда бы ей сила, вновь бы безжалостно в бездну бросила сына.

— Мать моя! — к ней обратился Гефест, — тобою рожденный к тебе я сердцем влекуся. Улыбнись ты мне, ведь от тебя я никогда улыбки не видел.

В ответ Гера богиня к сыну спиной повернулась. Вокруг раздавшийся смех в сердце Гефеста тяжкую обиду рождает.

Та ненависть, что он с детства питал к Олимпийцам, вдруг со дна души пробудилась.

— Эй, вы! — гнев подавляя, тихо Гефест к богам обратился, — о чем ваша радость. Неужели вам любо, что жестокая мать сына отвергла? Бесстыдные, подобнаго смеха я бы и от грубых людей не услышал.

— Хромой золотильщик! — смеясь закричали всѣ боги, — ты, вместо неумных своих разсуждений, нас бы искусною пляскою потешил.

Им быстро ответил Гефест:

— Боги, не могу я вас пляской забавить, мои ноги в костях перебиты; вините в том не меня, а матерь великую Геру и Зевса; всеведущий знал, но не предотвратил ее преступления.

— О, дерзкий! — громоподобный послышался возглас вседержителя бога, — ты смеешь осуждать наши поступки. Или тебе неведомо, как я караю гордецов и ослушных?

— Всем ведом жестокий твой нрав, — не убояся Зевеса, ответил Гефест. — Вес мір уж прослышал о том, как ты поступил с Прометеем за то лишь, что он, сжалившись над людьми, огонь для них с неба похитил.

— Умолкни, безумный! — грозно приказал Гефесту Кронион, — и узнай от меня, что огонь, которым теперь люди владеют, когда то их сделает равными богам.

— Против возвышения людей ты и восстаешь, погубляя их в истребительных войнах, о жестокий! Огонь великий им путь освещает, ты же, завистливый, сводишь их к темному кругу убийства и мести. О жалкие, презренные боги, трепещите, я иду вниз сообщить своим братьям, что их враги на Олимпе, а не в измученной войнами Трое!

С гордо поднятой главой, Гефест, чертоги Зевеса покинув, с Олимпа спустился, а над ним в вышине, в мрачных тучах, бессильные громы гремели.

Павел Безсалько.

СТАТЬИ.

Первая Всероссийская конференция пролетарскихъ культурно-просвет. организаций.

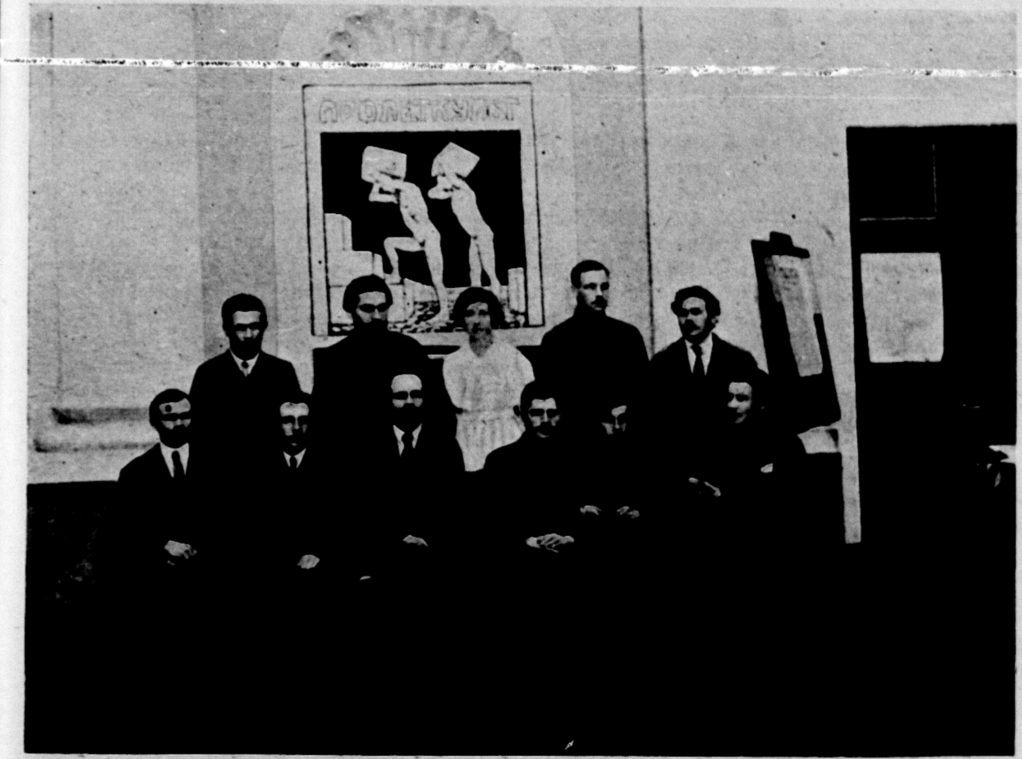
15-го сент. с. г. в Москве, в присутствии свыше 250 делег. состоялось открытие первой Всеросс. конференции пролет. просв. организаций. В приветственной речи тов. Полянского, от имени Организационного бюро, открывшего историческое заседание, было указано на то огромное значение, какое будет иметь конференция в деле оформления и организации пролетарской культуры. Отметив, что предшественниками настоящей конференции являются Петербургская и Московская конференции, тов. Полянский закончил речь, при единодушном одобрении и глубоком сочувствии всех собравшихся, призывом идти к новому великому счастью, к утверждению пролетарской культуры, которая своим величием озарит весь мир. Затем конференция почтила вставанием память всех павших в борьбе с международной контр-революцией и послала приветственные телеграммы Красной Армии, героически защищающей пролет. революцию, и западно-европ. пролетариату, в лице т. т. Либкнехта, Ф. Адлера, Люксембург и Хеглунда. Приветствие т. Ленину, вождю пролетарской революции, принимается несмолкаемыми аплодисментами. После приветствий, конференция утверждает Президиум в следующем составе: почетными председателями т. т. Ленина и Луначарского, председателем П. Лебедева-Полянского, тов. председателя А. Машировa-Самобытника и Ф. Калинина, членами: т. т Додонову, Файдыш, Озоля, Никитина и Кириллова. Кроме того, в президиум вошли по одному представителю от Всероссийск. Центр. Исп. Ком-та Сов. Раб. и Красноарм. деп-ов, от Сов Професс. союзов, Рабочей кооперации и три представителя от делегатов провинции. По сформировании Президиума, конференция заслушивает целый ряд приветствий, в том числе от представителя Комиссариата Народного просвещения тов. Покровского,

в глубокой и большой речи указавшего на необходимость тесной связи работ конференции с общей политикой Советов в области просвещения; от Петроградского пролеткульта, в лице т. Маширова-Самобытника, подчеркнувшего самостоятельность пролетарской культуры; от Сов. Нар. хозяйства—т. Кассиора и союза металлистов—т. Никитина, от партии коммунистов-народников—тов. Закса, рабочей кооперации—Василевского и др. В заключение все свои занятия конференция распределила по секциям, и в результате дружной пятидневной работы всех участников конференции, были внесены и утверждены резолюции по докладам следующих товарищей:

Лебедева-Полянского (общая резолюция) по докладу «Революция и культурные задачи пролетариата», в которой говорится, что задачей пролетарского самостоятельного культ.-просв. движения является *выработка пролетарской культуры*, которая должна базироваться на общественном труде и товарищеском сотрудничестве и с уничтожением классового господства превратиться в культуру общечеловеческую.

Вследствие этого, перед пролетариатом стоит *задача—усвоить и переработать в горение своего классового сознания все достижения предыдущей культуры*, вооружить себя новым знанием и организовать свои чувства и бытовые отношения в духе коллективизма, развертывая максимум своих духовных сил и пользуясь помощью революционно-социалист. интеллигенции. Центральные и местные учреждения должны всеми средствами способствовать новому движению, в целях закрепления всех завоеваний пролетарской революции и организации основ грядущего социалист. общества. По докладу т. Богданова (наука и рабочий класс) и в резолюции проводится взгляд *на науку, как на орудие организации общественного труда*, которое должно стать в руках рабочего класса орудием социальной борьбы, победы и строительства, а потому необходимо весь научный материал пересмотреть с коллективно-трудовой точки зрения, привести его в систему, применяя к потребностям пролетарской работы, и в преобразованном виде распространить этот научный опыт среди широких рабочих масс по-

Президиум Всероссийской Конференции культурно-просветительных организаций.



В первом ряду (сидят): Т.т. Калинин, Файдыш, Полянский, Маширов, Никитин, Игнатов.
Во втором ряду (стоят): Кривцов, Озоль, Додонова, Василевский, Кириллов.

средством организации рабочего университета и рабочей энциклопедии.

По докладу т. Маширова-Самобытника (Раб. университет) принята резолюция, в которой указывается, что организация пролетарских университетов, как высших центров науки, возможна лишь в условиях Советской власти. В этих центрах *пролетариат должен овладеть всем накопленным научным опытом, на основе его проверки с нашей классовой точки зрения.* Программы пролет. унив-та разрабатываются лучшими теорет. силами революционных социалистов, преимущественно коммунистами, в сотрудничестве руководителей и слушателей унив-та, контроль-же над программой и утверждение ее принадлежит с'ездам и конференциям пролет. культурно-просв. организаций.

Программа делится на три курса:

а) подготовительный—оформление и систематизация научного опыта у слушателей, б) основной—выработка основ социалистического миропонимания, в) специализированный, с факультетами техническим, экономическим и культурным, для изучения определенных групп научных предметов в тесной связи с другими группами.

Первые кадры преподавателей подготовляются в социалистических академиях Москвы и Петербурга, преимущественно из рабочих, имеющих некоторый научный опыт. Пролет. университеты организуются во всех крупных промышленных центрах Советской республики.

По докладу т. Мандельбаума (Литер.-издат. секция) принята резолюция, в задачу которой входит создание пролетарской художественной литературы, выделение из рядов пролетариата поэтов и беллетристов и создание новых форм и способов литерат. творчества. Для ознакомления с литературой прошлого и усвоения технической стороны худож. творчества, необходима организация литературных студий. Необходимо предпринять широкое издание учебников и курсов литературы с марксистским освещением и наиболее ценных произведений пролетарских писателей. Кроме того, Центр. Ком-ту Пролеткульта поручается создание театрального худож. органа, об'единяющего все пролетарское творчество, созыв с'езда рабочих писателей и возможно полное содействие Всероссийскому союзу рабочих писателей.

По докладу тов. А. Богданова «Пролетариат и искусство», в резолюции указывается, что искусство, организующее посредством живых образов социальный опыт в сфере познаний, чувств и стремлений, является могучим орудием в организации коллективных сил пролетариата в классовом обществе, и что пролетариату необходимо свое классовое искусство, проникнутое духом трудового коллектива, долженствующего с этой точки зрения воспринимать и отражать внешний мир и внутренние переживания пролетариата, связывая их с боевой и творческой волей. Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем новом истолковании и освещении, раскрывающем их скрытые коллективные основы и их организационный смысл; тогда они станут могучим орудием в борьбе против того-же старого мира, который их создал, и средством организации нового мира. Всю эту задачу должна выполнить пролетарская критика. Организации и учреждения, посвященные развитию дела нового искусства и новой критики, строются на товарищеском сотрудничестве, воспитывающем работников в направлении социалистического идеала.

По докладу А. Андреева (секция изобраз. искусств), резолюция признает необходимым объединение всех пролетарских художников в учебно-трудовые и инструкторско-пропагандистские коммуны, поручая таким коммунам организацию студий—лабораторий по всем специальностям изобразит. искусства, превращая это искусство в одно из средств для отражения пролетарской идеологии и для организации пропаганды социального коммунизма. Все образцовые творческие произведения коммун пролетарских художников составляют достояние всего пролетариата и собираются в воспитательных учреждениях советской республики. Пролетарское изобразительное творчество должно стать источником радости, красоты и мудрости жизни пролетариата и могучим орудием в международной пролетарской революции, его задача зажечь и осветить пути к мировому социализму.

По докладу В. Керженцова (театральная секция), в резолюции о ближайших задачах пролетарского театра подтверждается необходимость организации при Пролеткультах драмат. рабочих студий, которые подготовят кадры пролетарских актеров, долженствующих отразить психологию, замыслы и стремления революционного пролетариата.

Профессионалы театр. искусства, под руководством социалист. контроля, должны помочь в обучении рабочих необходимой азбуке сценического искусства, предоставляя им широкое поле для свободного творчества. До тех пор пока еще не созданы пролет. пьесы, в репертуар пролет. театра можно выбирать пьесы, отвечающие духу и настроению революционного пролетариата. Все буржуазные театры необходимо национализировать, произвести учет и равномерное распределение всех артист. сил и весь репертуар буржуазных театров взять под строгий социалист. контроль.

В резолюции по докладу О. Брюсовой (музык. секция) говорится о необходимости оказания помощи пролетариату в овладении музыкальным достоянием человечества, о содействии выявле-

нию коллективного творчества пролетариата в области музыки и о государств. поддержке художникам—исполнителям и художникам—творцам. Необходима энергичная борьба с суррогатами музыки противопоставлением лучших произведений музыкального творчества и организация пролет. музык.-вокальных студий под наблюдением Пролеткультов.

По докладам т. С. Кржижановского (клубный отдел) принята резолюция о том, что пролетарский клуб должен являться мастерской по выработке пролетарской культуры, вся работа в нем должна строиться на активной самодеятельности всех членов клуба. Клубы должны бороться с мещанством, господствующим в семейном быту рабочих, привлекая к себе всех членов пролетарской семьи.

Организационно—все пролетарские клубы должны связаться с местными пролеткультами. Завершением клубного строительства является Дворец Пролетарской культуры. Поручается Ц. Ком. Всерос. Пролеткульта выработать примерный устав клуба.

По докладу тов. Херсонской «Работа с юношеством», резолюция указывает на необходимость содействия организации стихийного роста молодежи в русле классового жизнетворчества. Пролеткульты должны помогать союзам молодежи в постановке студийной и клубной работы. В интересах международной солидарности пролетариата необходимо в союзах молодежи поддерживать тенденцию к установлению связи с аналогичными союзами всего мира. Необходимо, хоть-бы на два часа, освобождать юношество от занятий на фабриках для предоставления им возможности посещения студий и культ.-просв. учреждений.

По докладу т. Кассиора (секция професс. союзов), резолюция указывает, что профессиональные союзы, заинтересованные в строительстве пролет. культуры, должны оказать деятельную поддержку Всероссийск. организации Пролеткульта. Идейная разработка пролет. науки и искусства должна сосредоточиться в Пролеткультах, а не распыляться по отдельным профес. раб. организациям. Культ.-организационная деятельность Професс. союзов основывается на культурно-промышленном воспитании рабочих масс в духе товарищеской дисциплины и коллективизма. Отделы професс. союзов в Пролеткультах должны организовать курсы, лекции и т. п., по вопросам професс. движения, развития промышленности, национализации предприятий и т. п. При Рабочем Университете должен быть отдел профессионального движения, где-бы концентрировался и разрабатывался весь опыт союзного движения; в этом-же отделе подготовлялись-бы практические работники професс. союзов.

Резолюция по докладу т. Василевского (кооперат. секция) указывает, что рабочая кооперация в своей культурно-просв. деятельности должна руководиться теми-же общими принципами, которые легли в основу Октябрьской революции, выступая под знаменем Пролеткульта. Рабочая кооперация должна оказать широкую материальную и моральную поддержку центральному и местным Пролеткультам. Необходимо Раб. кооперации совместно с Пролеткультом организовать Пролетарский контроль над культурно-просв. деятельностью Рабочих кооперативов, в которых прочно засели враждебные пролетариату элементы из саботажников, бело-эсеров и социал-предателей.

По докладу т. Ульяновой также принята соответствующая резолюция, которая еще не отпечатана.

После принятия резолюции по докладу тов. Игнатова, был утвержден Устав Совета Всероссийского Пролеткульта и произведены были выборы членов Совета, в состав которого вошли: П. И. Лебедев-Полянский—председатель Совета; Ф. Калинин и А. Маширов-Самобытник—товарищи председателя; В. Игнатов—секретарь Совета; В. Файдыш—член президиума; т. т. А. Богданов, А. Додонова, В. Кириллов, Н. Василевский, В. Кассиор, М. Герасимов, К. Озоль, И. Садофьев, И. Никитин и С. Галичев—члены Совета.

В коллегию по отделу пролет. культуры Комиссариата Народного просвещения выбраны: заведующий отделом Ф. Калинин; члены коллегии А. Маширов-Самобытник и В. Файдыш.

В редакционную коллегию журнала «Пролетарская культура» выбраны т.т. А. Богданов, Ф. Калинин, П. Лебедев-Полянский, В. Керженцов, А. Маширов-Самобытник. Закрылась конференция пением Интернационала и концертом Петроградского Пролеткульта.

Значение 1-ой Всероссийской конференции неизмеримо; она оформила и наметила характер пролет. культуры, создала руководящий центр для об'единения всей пролетарской просв. деятельности, установила взаимоотношения и постоянную связь центра с местными Пролеткультами и с Комиссариатом Народного просвещения, связала просветительную деятельность с революционным движением пролетариата, поставила в задачу пролет. культуры развитие и укрепление всех завоеваний пролетарской революции во всех областях Советской Республики. В заключение помещаем ниже письмо на имя Президиума конференции тов. Ленина, вызвавшее огромную радость всех участников конференции, письмо, которое, надеемся, окончательно рассеет печальные заблуждения некоторых представителей партийной интеллигенции, подозрительно относящихся к деятельности Пролеткультов и сомневающихся в силе и значении самостоятельного пролетарского творчества.

А. М.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

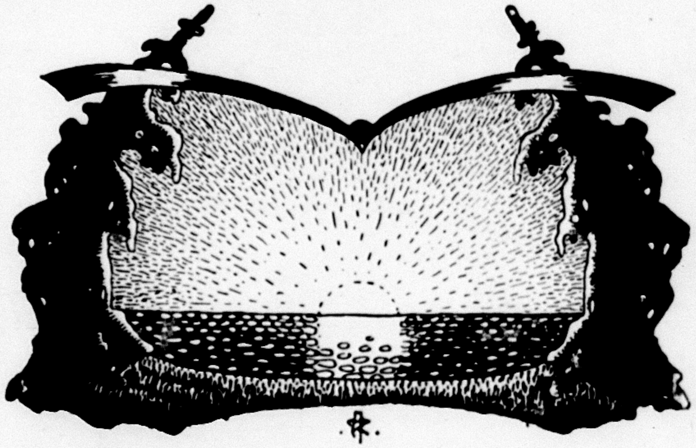
ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ

ВСЕМИРНЫЙ ПРОЛЕТКУЛЬТ!

№ 8.



№ 8.

ПРАЗДНИК

ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 $\frac{23-25}{X}$ 1918.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

№ 8. № 8.

Участвуют—А. Луначарский, В. Полянский; **писатели-рабочие:** Аксен-Ачкасов (*И. Садофьев*), П. Арский, П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Грошик (*С. Копейкин*), Горемыка †(*С. Ефремов*), В. Игнатов, И. Ионов, В. Кириллов, И. Кедр, И. Кузнецов, Ф. Калинин, К. Лоптин, Н. Отсоли, Самобытник (*А. Маширов*), В. Торский (*В. Царев*), Н. Тихомиров, А. Поморский и др.

От Редакционного Коллектива.

Статьи о пролетарской культуре, помещенные в этом журнале, являются откликом Петербургского пролетариата на великое историческое событие в жизни рабочего класса — годовщину октябрьской социалистической революции.

В этой скромной работе мы не претендуем на полноту и законченность наших взглядов, ибо всякий, даже первый шаг в организации пролетарской культуры, чрезвычайно труден и сложен. 1905 год был колыбелью рабочей просветительной деятельности, годы реакции закалили идею пролетарской культуры, организовали пролетарскую интеллигенцию, и с тех пор мы ведем борьбу за самостоятельное творчество рабочих масс в области духовной культуры. В этой борьбе нам не раз пришлось сталкиваться с огромным сочувствием и товарищеской поддержкой одних и с холодным равнодушием, а то и прямо враждебным отношением—других. Так, вероятно, было всегда.

Когда в России первый кружок революционных социал-демократов повел среди рабочих пропаганду за свержение самодержавного строя, то эта пропаганда была с радостью встречена рабочими массами и вызвала смущение и трепет перед надвигающимся „красным призраком“ в лагере имущих классов.

Но всякая теория есть только теория, пока она не перешла в практику и социализм фактически стал осуществляться в жизни с того момента, когда он вышел из маленьких кружков первых революционеров на фабричные окраины и городские площади.

Так и с вопросами пролетарской культуры.

Если до революции их пробовали разрешать отдельные представители из революционной интеллигенции, то теперь, после октябрьской революции, при наличии сплоченного ядра деятелей пролетарской культуры, перед рабочим классом явилась реальная возможность практического осуществления и выявления элементов социалистической культуры на всей территории Советской Республики.

В годовщину октябрьской революции мы празднуем и годовщину борьбы за пролетарскую культуру, ибо зарождение центра пролетарской культуры Петербургского пролетариата, по воле рабочего класса, было накануне октябрьских событий и было первым грозным призраком грядущей пролетарской социалистической революции.

Пусть на этом первом в мире празднике, чередуясь с политическими речами, зазвучат и наши призывы к борьбе за социалистическую культуру, за Всемирную советскую федеративную республику.

Да здравствует пролетарская культура!

Да здравствует красный октябрь!

Да здравствует социалистическая революция!

Нил Кузьм. Ничего, детка, он скоро вернется; успокойся, детка, все обойдется... все устроится. *(Снова слышится пулеметная стрельба и орудийный выстрел. Ваня плотнее прижимается к деду. За дверью слышится шум под'ехавшего мотора и взволнованный голос Любы: сюда... сюда... Дверь отворяется и два красноармейца, поддерживая, вводят раненаго в плечо Сергея. Ваня с плачем бросается к нему, Нил Кузьмич, всхлипывая, помогает красноармейцам)...*

Сергей *(слабым голосом)*. Ну, отец, все кончено... Власть в наших руках... Да здравствует власть Советов!

Люба. Милый Сережа, успокойся!.. После все разскажешь. Кладите его сюда, осторожнее; папа, позови маму сюда...

Сергей. Да, отец, Зимний дворец взят, а это значит, что мы завоюем целый мир. Да здравствует социальная революция!

(Занавес).

П. А. Арский.

В зарницах и молниях.

Стемнело. Мы стояли у окна—я и Клавдия, моя покойная жена.

Вздрагивали молнии на темной черте неба, и гремели орудийные выстрелы. Мы молчали.

Но каждому из нас было понятно и ясно, о чем мы думаем и что чувствуем. И, как бы в знак этой душевной гармонии нашей, от времени до времени мы пожимали друг другу руку.

Восемь месяцев прошло со дня февральской революции—и неудовлетворение самых заветных ожиданий, возбужденных ею, мучительно тревожило совесть.

Не прекращалась война; обман царский превратился в обман буржуазный; газеты восторженно воспевали совершившийся переворот; и, однако же, всѣ были контр-революционны, потому что стояли за прекращение, за приостановку революционного прогресса, были против углубления революции.

Фигура Керенского становилась все более и более смешной. Двусмысленное поведение его в заговоре Корнилова у всех было на устах. Безопасности не было ни личной, ни имущественной. До пятисот ограблений, насилий и убийств в сутки. Полная неуверенность в завтрашнем дне. Страшное озлобление против тех, кто сколько-нибудь здраво относился к задачам и идеалам истинной революции. Глубочайшее непонимание совершавшегося колоссального исторического процесса, идиотские старания остановить его, пена у рта, с какою еще недавние протестанты говорили и писали против большевиков, требуя для них тюрем и казней. Гибельные авантюры в Галиции и под Ригой. Все это создало атмосферу, в которой трудно, в которой невозможно было дышать. Гроза должна была разразиться неминуемо.

И вот ея зарницы, ея молнии; первые громы начинающегося обновления.

Еще вчера и третьяго дня в давно покинутой мною газете,—до февральской революции помещавшей революционные статьи, а с апреля вдруг забившей контр-революционную тревогу—в газете, которая обязана была когда-то своим процветанием защите интересов и прав рабочих, крестьян и так называемых „маленьких людей“, и которая, разбогатевши, сделалась органом военщины и денежных мешков, было напечатано, что „большевики вырыли между собою и русским народом пропасть, которую не может заполнить никто из самых искусных ловкачей этого стана политических авантюристов“... Еще называли Троцкого „бесстыдником“, Ленина „безумцем“ и „вдохновителем Столыпинских аграрных реформ“, еще Чернов причислял Ленина к „погромщикам и к черной сотне“, еще в „Вечерке“ уверяли, что „рабочие не поддадутся никаким призывам к выступлениям“,—до того они будто-бы преданы капиталу, а в этот вечер уже история вписывала в свою вечную книгу одну из самых ярких и величавых страниц и, хотя мы не знали, чем кончится гроза, но нечто большее, чем знание, чем ходячая житейская логика, утверждало нас в вере в желанный исход грозы...

Мы вышли на улицу. Бой гремел в направлении Зимнего Дворца.

Необыкновенное волнение овладело женою. Усиленно билось и мое сердце. Шли мы, как во сне, но реальная трагедия творилась где-то близко, близко. Загорелись огни долгожданного страшного суда.

На берегу Большой Невки мы встретили рабочих. Торопливой тяжелой походкой, рядами и вразсыпную, двигались они. Мы не видели выражения их лиц, но казалось, что лица их торжественны и угрюмо-прекрасны.

— Последний бой!—сказала жена, прижавшись ко мне.

— Хорошо, если последний,— произнес одиноко шедший вооруженный рабочий, поровнявшись с нами.—Но всетаки теперь наша сила. Винтовки то мы приберегли!

— Успеха!—крикнули мы вслед ему, бегом пустившемуся за своим отрядом.

— С приветом!—донеслось из сумрака ночи, и вдруг громыхнул какой-то особенно гулкий, грохочущий, торжествующий пушечный выстрел — один, другой, третий, десятый.

Мы вернулись домой и до утра не могли заснуть. Странно—и об этом хорошо и гордо вспомнить — мы ни на минуту, ни разу не усомнились в развязке. Мы верили, и уже больше, чем знали, что победят „ленинцы“...

. . . .

Так или иначе в эту драматическую историческую ночь многое было пережито нами, над многим был поставлен крест, многое предстало пред нами во всем безобразии своей наготы, без масок, многое воскресло и озарилось ярким светом подлинной истины.

Следующий день был днем торжества.

. . . .

Когда теперь я читаю сборник статей т.т. Зиновьева и Ленина „Против течения“, появившихся в свет еще задолго до февральской революции, меня поражает последовательность их политического миросозерцания, точность предсказаний ими политической погоды, чисто-научная формулировка исхода самых сложных общественных отношений в тех или других условиях и даже программное изложение действий правительственной власти на случай, если бы она очутилась в руках большевиков. В короткое время большевики сделали то, что было бы не под силу какой бы то ни было партии. Это потому, что они избрали верный путь, оправданный не только жизнью, но и социальной наукой; и в блеске их успеха и внезапно достигнутых ими целей, и в потоке богатств, материальных и духовных, после победы унаследованных русским трудящимся пролетариатом—что значат какие бы то ни были личные огорчения, потери, горестные утраты, разочарования в изданиях и в тому подобных преходящих факторах индивидуального бытия?

Вспыхнула в зареве октябрьской грозы новая, уже коллективная жизнь. Радость юбилейного торжества по поводу годовщины октябрьской революции лично для меня отравлена тем, что прекрасная душа моей подруги погасла раньше, чем засияли огни великого праздника. Но большое мне утешение, что она была исполнена верой в непрерывность и углубление революционной радости на земле, и этой верой преемственно согревается и будет до гробовой доски согреваться мое сердце.

Иер. Ясинский.

СТАТЬИ.

Год борьбы за пролетарскую культуру.

I.

Культурный мир переживает в наши дни величайший момент, какой знала когда-либо история.

В первый раз за все время существования человечества среди стомиллионного народа в мировой державе власть находится в руках рабоче-крестьянского правительства, которое день за днем все больше и больше ломает строй вековых экономических отношений, стремясь подготовить страну к социализму.

В первый раз за все время существования человечества рабочие и крестьяне, во всех государствах всегда стоявшие на самом низу общественной лестницы, и даже в передовых демократиях допущенные только к голосованию, ныне призваны сами к власти, поставлены во главе всего управления страной в Советах, и все, что делается в стране, таким образом, направлено к благу не меньшинства бывшего привилегированного класса, а действительного большинства всего народа.

Нет никакого сомнения, что новые порядки Советской России являются не выдумкою отдельных лиц, а требованием всей культуры, издревле провозгласившей необходимость равенства и братства людей. Что строй Советской России является итогом всей нашей многовековой культуры, ясно видно из того, что христианство, знаменем которого лживо прикрывались до сих пор все богатые и власть имущие угнетатели народных масс, — христианство почти две тысячи лет, так же, как и Советская власть, все свои надежды возлагало только на бедных и угнетенных, к ним прежде всего обращало свою проповедь, им обещало, что из последних они станут первыми, и среди них прежде всего старалось распространить свое учение любви и свое обличение богатых и властвующих.

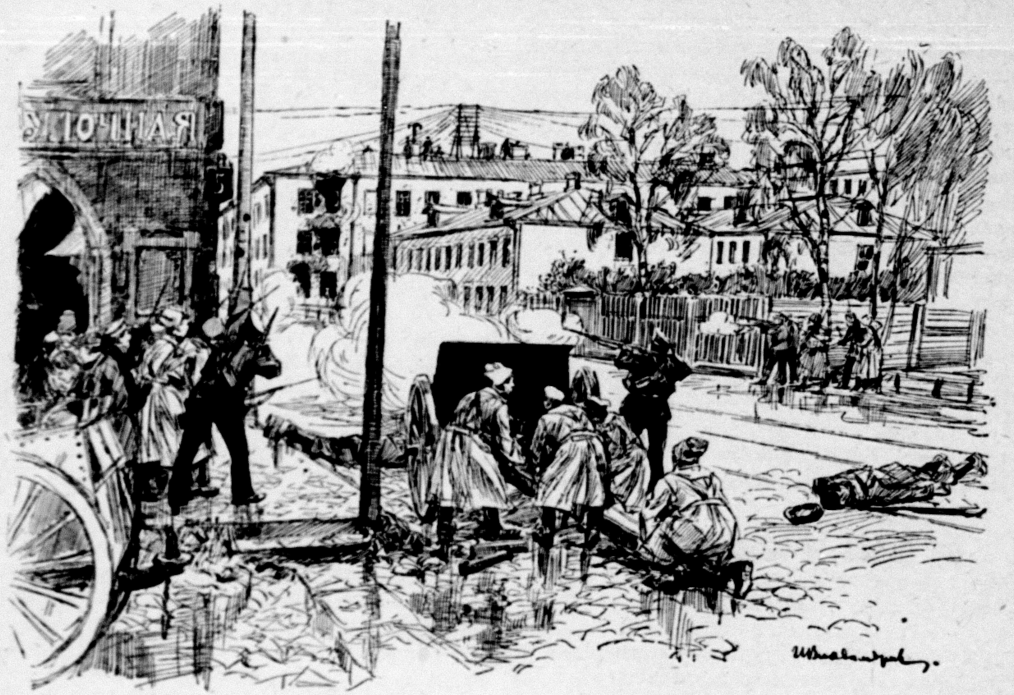
Но отстраняемый от передовой роли в жизни господствовавший до сих пор класс, как у нас, в России, так и во всех государствах всего мира, не хочет признать очевидности, что идеи Советской власти являются прямым последствием всего культурного развития человечества. Напротив, точно так же, как вырождавшиеся римляне первого века христианства считали первых христиан

варварами и величайшими преступниками, так и выродки—буржуа — наших дней видят в Советском строе что-то дикое, хаотическое и преступное, и во всяком случае не итог всей культуры, а нечто, ей противоречащее. Выродки—буржуа — кричат об этом на всех перекрестках, потому что у них в руках находится еще значительное большинство средств воздействия на общественное мнение путем печати, школьного обучения и церковной проповеди.

Вот почему снова и снова необходимо выяснить рабочим и крестьянам, стоящим во главе Советской России, что осуществляемая ими власть не уж потом требует исполнения обязанностей приобщения к культуре.

И оттого, что большинство рабочих и крестьян, благодаря организации Советов, призвано к живой, практической работе политико-социального строительства, оно необходимо вовлекается в усвоение познаний из самых различных областей культуры.

Правда, сейчас народ, под влиянием текущих потребностей, усваивает различные области культуры не целиком, а частично, отбирая в них лишь то, что ценно для данного момента и, главным образом, для политико-социального применения.



Обстрел и бой у Владимирского юнкерского училища 29 октября 1917 г.

Рис. с натуры *И. Владимирова.*

противоречит культуре, а напротив больше всякой иной власти согласна с культурой как в прошлом, так и в будущем.

С переходом власти в руки рабочих и крестьян вся культура наших дней получает обширнейшее поле для воздействия на людей и могущественный толчок для своего качественного развития.

Впервые в истории Советская власть нелицемерно ставит себе целью приобщение к культуре самых беднейших элементов населения, ибо она их уже сделала распорядителями государственной жизни: прежде наделила их высшими правами и Так, из области истории народ усваивает теперь, по преимуществу, сведения о зачатках народоправства и о революционных попытках борьбы народов со своими угнетателями; из области права — теории, которые обосновывают его право на борьбу с буржуазным парламентаризмом и правом на замену его Советскими организациями; из естественных наук то, что может принести непосредственную практическую пользу или дает самые общие теоретические сведения о мире; из области религии, — лишь те места из книжных памятников религиозной культуры, где порицаются

власть имущие и богатые и провозглашаются идеи всечеловеческого братства; из области литературы и искусств — те произведения, которые могут быть соединены в душе народа с политико-социальными интересами данного момента, и т. п.

Но ведь очевидно, что по мере того, как политико-социальный опыт народа будет увеличиваться на практике и правовое строительство его будет все прочнее и прочнее, духовный вкус к *культуре вообще* будет все увеличиваться. Народ начнет тогда расти не только в области правового, хозяйственного и всякого практического творчества, но и в чисто теоретических областях.

Тогда все глубже и глубже будет черпать народ в историческом наследии культуры. Он не будет уже довольствоваться теми обрывками знаний, которые общедоступно изложит для него повседневная печать.

Народ захочет *всю* культуру, конечно очищенную от классового влияния буржуазии, во всем ее многовековом развитии.

Народ поймет, что при всей смелости, при всем дерзании его в творчестве своей новой жизни, он творит не из *ничего*, а только из наследия современной и прошлой культуры.

Он поймет великую историческую *преемственность и закономерность*, которые присущи культуре по самой природе.

Тогда лучшим судьей культуры и тончайшим ее знатоком будет весь народ в его целом, и не будет иной культуры, кроме *всенародной*, социалистической, но притом самой высокой по качеству, ибо народ—не серая однородная масса, а богатейшее духовное разнообразие, только до сих пор все еще не имевшее возможности утолить свою жажду истины, красоты и добра.

А природа культуры такова, что качество ее не ослабляется, а только повышается по мере того, как ее усваивает все больший и больший круг людей.

Пьеса в театре, картина в музее, хорошая книга в общественной библиотеке только выигрывают в своем культурном влиянии, оттого что их слушают, смотрят и читают не единичные люди, а большое количество людей. И если в ближайшем будущем Толстого, Шелли или Гете смогут читать не только кучка интеллигентов, главным образом, из богатого владеющего класса общества, как это было до сих пор, но и миллионы и десятки миллионов рабочих и крестьян, культура от этого не проиграет, а только выиграет. Так будет со всеми отраслями культуры, бывшими доныне достоянием только немногих людей. Они станут достоянием большинства народа, потому что исчезнет безысходная нищета, страх за завтрашний день и полная закабаленность народа подневольным трудом.

Культура выиграет в качестве, благодаря Советской власти, также и оттого, что владеющий и богатый класс общества, который лишается теперь всего своего неправомерного могущества и богатства, не будет иметь возможности делать культурные ценности своей монополией, накапливать предметы культуры для своего эгоистического тщеславия и односторонне влиять на культуру своим прихотливым покровительством или неразборчивым любительством.

Все лучшее, что есть в различных отраслях культуры—в науке, искусстве, религии, нравственности, праве, философии и литературе—все будет отныне не лежать втуне, а деятельно усваиваться жаждущими приобщения к культуре народными массами.

От соприкосновения с большинством народа культура не упразднится, а усложнится и обогатится.

Только благодаря Октябрьской революции, только благодаря Советской республике, перед нами развернулись величайшие перспективы социалистической культуры, культуры, создателем, которой является весь народ.

II.

Раз мы признали, что пролетарский художник или ученый не может ничего сделать без содействия своего класса, то ясно, что организационная система необходима и для чисто творческой работы. Двух мнений не может быть.

Организованный Пролетариат все свои организации строил и строит по плану *демократического централизма* и *концентрации деятельности*. По этому плану необходима тесная взаимная связь всех пролетарских организаций.

Центр является руководящим или вернее *исполнительным* органом той или другой организации. Что постановляет Общее Собрание или Совещание большинства членов, то и обязательно для центра. *Меньшинство* должно подчиняться *большинству*. В противном случае начнется распад.

Попытки к централизации пролетарских культурно-просветительных организаций мы наблюдаем чаще всего в крупных промышленных центрах. Более реальные формы централизация принимает только после февральской революции, когда все рабочие организации, наконец, вышли из подполья.

Первая попытка об'единения пролетарских культурно-просветительных организаций была сделана в июне 1917 г. на 3-й Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов, на которой В. Майским был прочитан доклад на тему „Культурно-Просветительная работа среди пролетариата".

Доклад состоял из обзора пролетарской культурно-просветительной работы в Германии, Англии

и проч., и мало было освещено наше домашнее положение. По этому докладу была принята соответствующая резолюция, в которой говорится, между прочим, о необходимости широкой постановки культурно-просветительной деятельности, как одной из важнейших задач профессионального движения, так как только развитой и сознательный рабочий может быть убежденным социалистом и верным борцом в борьбе пролетариата за полное экономическое освобождение рабочего класса.

С этою целью конференция наметила создание образовательных комитетов, но в ее резолюции ни слова не было сказано о работе *творческой*, которою тоже должны ведь заниматься пролетарские культурно-просветительные организации, и „Образовательные Комитеты“ поэтому ровно ничего не сделали.

Основу истинной культурно-просветительной работе положила 2-ая Общегородская Конференция Петроградских Фабрично-Заводских Комитетов, летом прошлого года, на которой было выбрано *Организационное Бюро по созыву 1-ой Общегородской Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций*.

Бюро это работало при Центральном Совете Фабрично-Заводских Комитетов гор. Петрограда.

Уличный бой у Зимнего Дворца 26 октября 1917 г.

Рис. с натуры *И. Владимирова*.

Приступая к созыву 1-ой самостоятельной конференции по общим вопросам пролетарской культуры, тем самым Петроградский пролетариат доказал свою зрелость и проявил историческое призвание в деле строительства своей классовой культуры.

Характерно, что это произошло в Петрограде, а инициаторами этого дела были товарищи — коммунисты-большевики.

Итак, вопрос о пролетарской культурно-просветительной деятельности был в корне изменен. Представление об этой новой форме рабочего движения можно получить из „Воззвания“, выпущенного Бюро к созыву конференции. В нем говорится о жажде знаний у пролетариата, которому в предстоящей борьбе за дальнейший рост Великой Российской Революции нужно быть хорошо вооруженным, и о жажде *искусства, организующего сердце*, подобно тому, как знание организует ум. „Истинное искусство подымает, облагораживает человека, делает его способным на великие чувства и поступки, и оно, как никакая другая сила, сплачивает толпы в единый коллектив. *Знание и красота растят человека и классы*. Они сами растут с ростом людей и классов. Черпая обильно в сокровищнице науки и искусства, пролетарий и сам

будет творить в этих областях, и его творчество будет новым, потому что ново и небывало его положение в обществе. Оно будет широко человеческим, потому что пролетарий никого не порабощает, всем несет братство; оно будет грандиозным и глубоким, потому что необ'ятно широки горизонты рабочего класса и бездонны те чувства, которыми богата душа революционных творческих масс. Просвещаться и творить в науке и искусстве — это неот'емлемая сторона всякого мощного общественного движения, всякой революции.“

Слова воззвания, прекрасные и знаменательные, заканчиваются предложением, установив наличность и род требований культурно-просветительного характера в различных районах Петрограда, разработать план широкой культурно-просветительной работы, об'единить происходящую уже работу вокруг идейно руководящего, оказывающего помощь, согласующего усилия центра, с наименованием его Центральным Бюро пролетарских культурно-просветительных обществ.

Конференция состоялась 16—19 октября, и все работы ее прошли под знаменем революционного пролетариата.

Как в науке, так и в искусстве, пролетариат должен проявить самостоятельное творчество, но для этого ему необходимо овладеть всем культурным достоянием прошлого и настоящего. Он охотно принимает в культурно-просветительном деле сочувствие и помощь социалистической и даже беспартийной интеллигенции. Но, критически относясь ко всем плодам старой культуры, он воспринимает ее не как ученик, а как строитель, призванный воздвигнуть новое здание из камней старого.

Таков общий смысл резолюции конференции, бывшей, вернее, первым смотром культурных сил Петроградского пролетариата. Кстати заметить, это была и первая в мире конференция, и как раз накануне великого октябрьского переворота.

Конференция эта дала начало *Пролеткульту*, как символу духовных и практических усилий революционного пролетариата в деле строительства своей классовой культуры.

На этом первом пролетарском парламенте культуры, между прочим, часть делегатов защищала старую „культуртрегерщину“, и к способностям рабочих многие ораторы относились с сомнением. То были—меньшевики и эсэры, и все же они остались в меньшинстве.

Большинство состояло из пролетариев большевиков (с некоторыми исключениями). Таким же большевистским оказался и выбранный Центральный Комитет.

Через несколько дней после закрытия конференции грянула Великая Октябрьская Революция, и члены Ц. К. почти целиком ушли—кто в Революционный Комитет, кто участвовал в уличных боях и боях против отрядов Краснова-Керенского...

С победой пролетариата вопрос об его культуре принял несколько иной характер. В руки пролетариата попало и такое учреждение, как Комиссариат по Народному Просвещению. Задачей последнего является чисто *просветительная деятельность* не только рабочего класса, но и других общественных классов и групп, а в духе диктатуры революционного пролетариата лежат задачи чисто *творческой* работы. На этой почве возникли, было, некоторые трения, и склонны были иные революционные группы к отрицанию деятельности Пролеткульта на том основании, что Коммуне классовая организация уже не нужна. Пролеткульт, переживая трудные для него моменты, направил все свои старания к тому, чтобы *показать* свое лицо и *доказать* ошибочность этого взгляда на ненужность самостоятельной пролетарской культуры. Петроградский Пролеткульт остался лабораторией по выработке образцов пролетарской культуры во всех ея областях.

И работа не устрашила работников. Наоборот. Дело росло, как молодая трава, согретая теплым солнцем всего пролетарского коллектива. Первые открытые попытки к организации разного рода практических аппаратов для строительства этой культуры были начаты с января текущего года, когда Ц. К. Пролеткульта обратился к пролетарским поэтам и писателям с призывом — прислать в редакцию нового журнала «Пролетарская Культура» свои произведения, и ко всем рабочим и работницам, желающим выявить свои способности на революционной арене в Центральном Социалистическом Театре. Была организована литературная коллегия и театральная студия, которая работает до сих пор. Отозвались и поэты, писатели, художники, музыканты и т. п.

Были организованы разнообразные отделы. Работа начала развиваться нормальным темпом. Только в грозные февральские дни, («Ганнибал» стоял у ворот) деятельность Пролетарского Пролеткульта на время ослабла. То же произошло и с другими районными организациями, а иные из них совершенно прекратили деятельность. Но Пролеткульт ожил. Снова закипела работа—организационная и творческая. Больше всего времени ушло на разрешение организационных вопросов, а официально и фактически Пролеткульт перед обществом предстал в праздничных огнях и цветах 1 Мая, когда состоялось открытие «Дворца Пролетарской Культуры», вызвавшее в сердцах многочисленных присутствовавших действительное убеждение в возможности выявления мощной пролетарской культуры.

Было собрано все, достижимое в области пролетарского искусства. Выступили первые деятели пролетарской сцены, первые художники выставили

свои произведения, первые пролетарские композиторы создали первые мотивы пролетарской музыки, и пролетарские писатели и поэты выпустили журнал «Грядущее», который являлся и является выражением русской пролетарской поэзии, беллетристики и журналистики во Всероссийском об'еме.

Таким образом Пролеткульт выявил свои достижения в творчестве.

По его же инициативе, в марте текущего года, в Москве, было создано Организационное Бюро по созыву Всероссийской Конференции пролетарских Культурно-Просветительных организаций, с целью создания Всероссийского Пролеткульта.

А предварительно 23—28 февраля состоялась I-я Московская Общегородская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций, положившая начало Пролеткульту в Москве, и хотя она не прошла живо и стройно, но принятые ею резолюции не противоречат резолюциям Петроградской Октябрьской Конференции, после чего были созваны подобные же Конференции и созданы Пролеткульты и в других городах и в промышленных центрах.

На пути к более тесному об'единению всех Петроградских Пролетарских Культурно-Просветительных организаций была созвана II-я Общегородская Конференция в Петрограде, состоявшаяся 5—9 июня и постановившая, что раз пролетарская культура, выражая собою внутреннее содержание творца жизни—пролетариата и конечного его идеала—социализма, в дальнейшем своем развитии может строиться только самостоятельными усилиями того же пролетариата, верного своим классовым задачам и воспринимающего жизнь в строгом соответствии с этими задачами, и раз пролетариат, будучи полным распорядителем жизни, берет из культурных достояний прошлого все, что способствует устроению быта на социалистических началах и что воспитывает пролетарские массы в боевом социалистическом духе, и подвергает все старые культурные ценности строгой революционной переоценке, а также зная, что пролетарская культура, создав форму новой государственной организации — Власть Советов, обезпечивает интересы как духовные, так и экономические трудящихся всего мира, следовательно является культурой всечеловеческой,— Конференция утверждает за нею право на исключительное господство и призывает пролетариат к борьбе за организацию центра пролетарской культуры на таких началах, чтобы он являлся идейным руководителем всего дела народного просвещения и воспитания. И далее, Конференция обязала Петроградский Пролеткульт, при первой же возможности, приступить к созыву общепролетарского конгресса для образования в Петрограде Центрального Международного Пролеткульта. И наконец, — постановила совершить ликвидацию буржуазной Академии наук, создать пролетарскую академию социалистических знаний при Пролеткульте и вообще углубить задачу социалистического образования, заключающуюся в полнейшем освобождении человечества от духовного и материального рабства и в подготовке его к условиям жизни социалистического строя, при чем образование должно быть обязательным, доступным и безплатным для всех граждан, а по своему внутреннему содержанию — стремиться к полному развитию физических, умственных и эстетических способностей человека.

Разработка всего плана социалистического образования, а также разработка вопросов, связанных с ним, должна группироваться вокруг идейно руководящего центра пролетарской культуры—Петроградского Пролеткульта.

Для подготовки необходимого кадра деятелей социалистического образования необходимо немедленно приняться за организацию института социалистического образования, в котором наиболее развитые рабочие и крестьяне могли бы получать научную подготовку на основах социалистического мировоззрения.

После работ конференции, до созыва Всероссийской Конференции, которая состоялась в Москве от 15—20 Сентября, Петроградский Пролеткульт до того окреп в своей организационной, а также и в творческой работе, что никому в голову теперь не придет мысль сомневаться в дальнейшем развитии пролетарской культуры. Только сознательный противник может это отрицать, только человек с узко-эгоистическим буржуазным кругозором...

Пролетарские массы Петрограда знают, что такое их детище—Пролеткульт. Они его создали, они его защищают. Они его спасут. На Июньской Конференции был изменен устав его, и теперь не существует Центрального Комитета Петроградского Пролеткульта, а Совет.

Совет Петроградского Пролеткульта представляет из себя, в области Пролетарской Культуры, то же, что Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов в пределах политической власти пролетариата.

Будучи тесно связан с массами—с пролетарскими районными организациями, Совет Петроградского Пролеткульта таким образом являлся и остается единственным идейно-организационным руководителем этих организаций.

Но, как бы Петроградский Пролетариат ни старался собрать все лучшие классовые силы около этого центра, однако, нужно сознаться, не все еще и в этом направлении сделано.

Хотя не проходит ни одно волнующее рабочие массы событие, не устраивается какой либо праздник или похороны какого нибудь рабочего вождя, где бы не выступали «лучшие силы Пролеткульта», все же далеко не все запросы могут быть удовлетворены.

Для этого еще не хватает сил, — вот где загадка всего непонимания и недоверия.

Силы эти в пролетарской массе есть, но их надо оттуда собрать...

Поэтому пример Петроградского Пролеткульта должен послужить примером всем, уже существующим и всем, еще только организующимся Пролеткультам.

Петроградский Пролеткульт не силен *количеством, но качеством* своих работников.

Мы не можем здесь останавливаться на пересмотре всей текущей как организационной, так и творческой работы Петроградского Пролеткульта в целом, — это отняло бы много времени, которым мы так скупо наделены.

Мы привели Петроградский Пролеткульт только как *исторический пример*, как *первую* практическую попытку к осуществлению уже многих принятых резолюций и пожеланий.

Ведь ясно всякому, что в литературе Петроградский Пролеткульт сказал первое слово: произведения его поэтов и писателей с большим удовлетворением читаются по всей Советской России.

Читает их пролетариат, потому что эти произведения есть «продукты его художественного слова». Первые литературные сборники, альманахи, отдельные книги—романы, пьесы,—вот эти первые цветы грядущей красной весны.

Эти песни железа и стали, эти динамо-слова,— ярко и прекрасно отражают психологическое настроение Коммунаров Красного Мятежного Города.

Дух реализма, здорового и мощного,—все из этих песен и рассказов.

Бодрость и непоколебимая уверенность в победе — вот лейтмотив всех почти без исключения произведений пролетарских писателей.

И если кто ищет практических результатов Пролетарской Культуры, тот пусть остановится на литературных произведениях.

Литература,—это—квинт-эссенция всех достижений в области пролетарского творчества, она показывает уровень духовного развития Российского Пролетариата вообще; это—зеркало его духовной жизни. *Присмотритесь и она вам все покажет, все скажет, всему научит.*

Но того же нельзя еще повторить о пролетарском театре, живописи, музыке...

Здесь ищутся еще пути, производятся опыты.

И Петроградский Пролеткульт, за год своей деятельности, дал не мало таких *удачных опытов*.

Возьмем театр. Как многим известно, во Дворце Пролетарской Культуры были поставлены коллективные инсценировки из произведений пролетарских писателей и поэтов демократии.

Кто забудет инсценировки «Башня» и «Мы посягнули» тов. Гастева; «Пролетариату» тов. Кириллова; славные постановки произведений Уота Уитмена.

Впервые мы видим попытку коллективно творить.

Мы свой театр превратим не в салон, — место художественного наслаждения, а в арену духовной борьбы.

По этому пути, и только по этому, мы шли и пойдем дальше.

Безусловно, представители старого умирающего искусства со злостной иронией и аристократической насмешкой относятся к нашим опытам. Это их дело:—иначе они не могут поступать. Они клеветали, издевались,—пусть,—наше завтра гордо и смело заставить их замолчать. Наш Аполлон Пролетарского искусства наведет на них последний страх и перед всем миром обличит их жалкие, глупые доводы и выводы.

Уже в первый год мы много в этом отношении сделали. В дальнейшем мы доведем это дело до конца.

И в действительности: Октябрьская Революция открывает вторую полосу Великой Эры Возрождения Человечества.

Мы не пойдем по следам художников Первой Эпохи. Мы не будем изображать, подобно Микель-Анджело или Леонардо-да Винчи—их мистически-религиозные „Страшные Суды", их „Мадонн" и ангелов, и дьяволов.

Мы изобразим Бога—Человека, Богородицу—Машину, Иисуса Мессию—как Социалистического Героя—Сознательного Пролетария.

За год мы это старались сделать; в течение года мы, конечно, смогли наметить лишь общий план действия.

Ведь нельзя „сделать культуры", так же как нельзя „сделать революцию". Но жизнь бежит быстрым темпом, мы должны уловить те ее моменты, когда мы можем выйти на открытую дорогу и *только* по ней идти. По этой дороге мы наконец идем. Это — дорога социалистической революции.

От нее зависит все. Только вместе с ней или ни с кем—так поставлен вопрос нашей годовой практикой.

Почему в области Пролетарской Культуры не имели успеха такие слои и группы общества, как меньшевистская или эсэровская интеллигенция? Почему пролетариат не пошел просить совета у этих людей для того, как построить свой театр, как организовать библиотеку, издавать книги и проч.?

Почему никакого успеха не имели эти люди среди рабочих масс, хотя в качестве „культуртрегеров"?

Потому что их политические взгляды резко противоречили взглядам социалистического пролетариата. Вот и все.

Буржуазные и мелкобуржуазные художники и

ученые долгое время саботировали; теперь они идут к нам в неограниченном количестве. Мы, конечно, используем наилучших из них, используем и только. Но и здесь должно быть обращено самое напряженное внимание и осторожность. *Старые* несут с собою старые взгляды, приемы, старые формы и содержание.

Новые могут ими отравиться, если *не будут уметь с ними обращаться.*

И это всего больше произошло в т. н. государственных пролетарских культурно-просветительных учреждениях—в Комиссариате по Народному Просвещению, Культурно-Просветительных Отделах при Совдепах и т. д. Там работала и работает интеллигенция—„стоявшая на платформе Советской власти".

Мы убедились, что во множестве случаев это только *на словах, на деле же* происходит злостный саботаж и духовное отравление того дела, которому они призваны служить.

Это подчеркнул и представитель Народного Комиссариата по Просвещению тов. Покровский на 1-ой Всероссийской Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций в Москве.

Он говорил, что нужно воспитывать своих работников, своих знатоков социалистической культуры. И Российский пролетариат должен к этому приступить немедленно.

Пролеткульты должны выполнить это дело. Пролеткульты в центре и на местах должны контролировать все существующие культурно-просветительные организации и создавать новые Пролеткульты. Его Центральный Всероссийский Совет должен, и это его прямая обязанность, направить корабль просвещения и духовного творчества по одному, определенному пути, по пути революции и под знаменем диктатуры Пролетариата.

В нашей годовой общегосударственной политике Народного Просвещения наблюдалось известное колебание.

Диктатура в политике, диктатура в экономике, диктатура в культуре,—вот вся аксиома политики строительства новой социалистической России. И поэтому, те трения и недоразумения, которые имели место в отношениях между Пролеткультом и Комиссариатом по Народному Просвещению, именем Пролетарской Культуры, именем социалистической революции, должны немедленно исчезнуть.

Пролеткульты, а также Комиссариаты—учреждения революционного времени. Сейчас и те, и другие необходимы.

Пока у нас существует Высший Совет Пролетарской Политики и Власти — Центральный Исполнительный Комитет Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, а параллельно существует и Российская Коммунистическая Партия, с такими же почти правами; пока у нас существует Высший Совет Народного Хозяйства, а параллельно с ним целый ряд учреждений, как то: Комиссариаты Труда, Торговли и Промышленности, Местного Хозяйства, Продовольствия, а как политически-правовое — Центральный Совет Пролетарских Профессиональных Союзов, который сосредоточил в себе всю мозговую энергию пролетариата, творящего *новое социалистическое хозяйство,* — до тех пор, пока будут существовать и работать вышеуказанные органы, до тех пор должен существовать и Высший Совет Пролетарской Культуры — Всероссийский Совет Пролеткульта и Народный Комиссариат по Народному Просвещению.

Один другого должен поддерживать, один другому помогать. Пролеткульт, как чисто классовая организация, должен являться фактическим руководителем дела строительства Новой Культуры; Комиссариат является Исполнительным органом воли пролетариата по этому вопросу. И не может быть какой-то „государственной" и „классовой" политики: может быть только одна политика, одна тактика — пролетарская классовая политика, не только в области просвещения, науки, искусства, но и во всех остальных областях общекультурного строительства социалистического государства.

Так вышеупомянутый вопрос трактовался на многочисленных заседаниях Совета Петроградского Пролеткульта, и также на 1-ой Всероссийской Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.

В Конференции, на которой присутствовало более 250 делегатов, о задачах пролетарской культуры и была вынесена резолюция, в которой говорится, что задачей пролетарского самостоятельного культурно-просветительного движения является выработка такой Культуры, которая должна базироваться на общественном труде и товарищеском сотрудничестве и с уничтожением классового господства превратиться в культуру общечеловеческую.

Вследствие этого, перед пролетариатом стоит задача — усвоить и переработать в горниле своего классового сознания все достижения предыдущей культуры, вооружить себя новым знаменем и организовать свои чувства и бытовые отношения в духе коллективизма, развертывая максимум своих духовных сил и пользуясь помощью революционной социалистической интеллигенции. *Центральные и местные учреждения должны всеми средствами* способствовать новому движению, в целях закрепления всех завоеваний пролетарской революции и организации основ грядущего социалистического общества.

Для практического проведения резолюции в жизнь Конференция избрала Всероссийский Совет,

который теперь должен взяться за дело с полным размахом пролетарского революционного творчества. *Год практики* нам красноречиво доказал наши успехи, но также и ошибки, недочеты. Однако успехов было больше, чем поражений. Теперь мы с уверенностью можем заявить всем своим зарубежным братьям: „Стройте свои Пролеткульты, дабы соединиться в один—*Международный Пролеткульт.*" Конечно, прежде всего мы должны построить, как следует, свой, а затем помочь другим; но наша революция не замыкается в пределах только одной России, а загорается и в других странах, и поэтому, раз на нас смотрят, как на руководителей в политической борьбе, то несомненно, мы должны быть готовы в нужный момент выбросить знамя Международного Пролеткульта. Об этом уже говорила II-ая Петроградская Общегородская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных организаций, в июле текущего года, приняв постановление „учредить таковой Пролеткульт в Петербурге".

Конечно, — Международный Пролеткульт это только идея, пожелание, скажут нерешительные и робкие люди, даже из среды наших товарищей.

Но разве не в идее заключалась вся социалистическая революция год тому назад, а когда она грянула,—то ослепила глаза этим кротким людям.

То же может случиться теперь, теперь, когда мы стоим накануне второго года борьбы за человеческую свободу и культуру.

Октябрьская революция расшевелила весь пролетарский мир. Он просыпается. В годовщину нашей первой победы мы ему шлем свой братский привет и наш мятежный завет:

„поднимитесь, боритесь, освободитесь от цепей физических и духовных".

III.

Прошел год организационного строительства и самостоятельного классового творчества в области пролетарской науки и искусства.

Прошел год борьбы за господство пролетарской культуры над культурой умирающего класса—буржуазии. В громовой буре и в ярких раскатах молнии классовой борьбы, в буре Октябрьской Революции пролетарская культура выявила свое настоящее лицо; сама-же пролетарская революция в общем не что иное, как этап максимального достижения пролетарской культуры. В своей борьбе российский пролетариат победил только потому, что был вооружен этим могучим орудием борьбы—знанием; он знал, кто его враг и кто товарищ, знал, как действовать в борьбе. Древнеримский раб или средневековый крепостной, или полупролетарий периода торгового капитализма, в неоднократных восстаниях, не мог остаться у власти только потому, что не имел этого драгоценнейшего орудия. Но к сожалению, под влиянием буржуазной идеологии находится и до сих пор не малая доля современного международного пролетариата, который продолжает свое сотрудничество с буржуазными классами, даже при условиях господства военно-картонажного режима империалистических стран,—и, что самое печальное, они действуют во имя социализма. Это нелепо, но это так. Российский пролетариат, победивший свою буржуазию на политическом и экономическом поле битвы, побеждает и на духовном—в науке и искусстве.

Как в своей политическо-экономической борьбе, так и в борьбе культурной, пролетариат пользуется одним и тем-же методом; этот метод—исторический материализм и его практическое применение к нашим условиям. Метод практического материализма могуч, универсален во всех отношениях. И счастлив тот, кто с ним умеет обращаться.

Счастлив российский пролетариат, который взял его в свои мозолистые руки.

Год организационного пользования этим методом дал свои положительные и блестящие результаты. Мы будем говорить о достижениях пролетарской культуры в узком смысле слова, ибо, как я уже указал, пределы пролетарской культуры вообще не так легко об'емлемы. Будем останавливаться на двух плоскостях этого предмета—науке и искусстве.

Прежде, чем подойти ближе к вопросу—что дал год творчества в области пролетарской науки, необходимо сказать несколько слов о способах, здесь применяемых.

Социалистический пролетариат, как всегда для достижения какой-либо цели, берется за дело *организованно,* и в данном случае он шел строго организованным путем. Широкие пролетарские массы организовались в своих культурно-просветительных ячейках, возглавляемых Пролеткультами, и общими усилиями начали заниматься своей классовой „алхимией", как смеются буржуазные шуты-интеллигенты: начали *осязать, изучать, понимать*—что такое пролетарская наука, и что сделать для того, чтобы она развилась с такой-же быстротой, как сама наша революция. Для этой цели пролетариат открывал свои курсы, школы; устраивал разные лекции; оборудовал библиотеки и читальни; издавал газеты, журналы книги, брошюры и т. д... Словом, сделал все то, что необходимо для обладания всеми уже выработанными методами с целью усвоения всех отраслей науки. Изучая старую науку, он отбросил от нее все гнилое, старое и оставил все живое, новое.

И если мы еще должны учиться по старым приемам старой буржуазной науки, то только потому, что мы еще не успели *суммировать* все достиг-

нутое; что все наши коллективные достижения научных результатов не формулированы в точных и строгих таблицах или системах. Но хотя мы не можем *за истекший год* рассматривать такие науки как математика, физика, химия, астрономия и т. под., но, зато, в социальных науках мы знаем, что достигли положительных результатов.

Возьмем, например, право, политическую экономию, этику и эстетику...

Разве не сделан целый переворот, разве не опрокинуто все вверх дном? Ведь вдребезги разбито буржуазное учение о праве (право эксплоатации человеком человека), разрушена до основания буржуазная политическая экономия и брошена в пропасть вся их „этика“ и „эстетика“.

Наука должна служить человеку для того, чтобы не отдельный человек над человеком командовал, а все человечество являлось властителем над природой и космосом.

Это единственная цель науки и, следовательно—науки пролетарской. Но пролетариат у буржуазии научился, что наука—это и могучее орудие классовой борьбы, и он как раз его и применяет для этой цели, „применяет“ так удачно, что буржуазия еще не может опомниться от внезапного удара.

Российский пролетариат в течение года вырабатывал (далеко еще не закончил) „новый кодекс права трудящихся“, как великое практическое достижение человеческих отношений. На основе этого права построена первая в мире Республика Трудящихся—Красная Федеративная Коммуна.

Да разве это не практический результат пролетарской науки?

Хозяйственная жизнь этой Красной Коммуны тоже строится по новому плану: частный капитал переходит в ведение всего общества. Старая система политической экономии окончательно обанкротилась—теории Смитов и Туган-Барановских пошли ко дну.

Разве это не достижение пролетарской науки?

А этика и эстетика? Разве, кто верит в буржуазную мораль, религию, честь и благородство?

Разве даже учение о красоте буржуазия не осыпала пудрой и не смазала помадой, для того, чтобы мир не увидал старого и худого умирающего лица буржуазной богемы...

Да, мы русские пролетарии за год сделали то, что не смогли сделать пролетарии других государств в течение нескольких, можно сказать, столетий.

А это потому, что мы были *революционеры*, а не *эволюционеры*.

Революция духа, конечно, не так легка, но революционный порыв, которым заряжен Российский пролетариат, всегда и всюду давал и дает силу и энергию действовать, работать, творить.

Пролетариат Красной Восточной Коммуны в своем творчестве науки и искусства тесно сорганизовался и ведет дело по строго определенной принципиальной дороге. Правда, были и будут колебания, ошибки, но в периоде опытов, исканий это понятно. Конечно, пролетариату не было по силам справиться с этой громадной работой по старым кустарным приемам, а потому он и все дело поставил на базу централизма. Все пролетарские Культурно-Просветительные организации об'единяются под руководством своих центров, „пролеткультов“.

„Пролеткульты“—как кузницы новой культуры—сыграли громадную роль для успешного развития не только пролетарской науки, но больше всего—искусства.

Раз мы признаем, что наука помимо других своих свойств, является организатором нашего разума, а искусство—чувств, то ведь год революции дал нам положительные результаты в области не одной только науки, но и в области чувств—искусства.

Что же дал год развития пролетарского искусства?

Какие точные результаты в нашем распоряжении?—

На вопрос так же легко ответить, как о достижениях пролетарской науки. Хотя достижения нашего искусства — нашей поэзии, живописи, театра и музыки, — „в натуре“ говорят больше, чем на словах,—все же мы должны, в общих основах, указать—что именно достигнуто.

Литература. В литературе пролетарское искусство Пролетарской России обогатилось произведениями наших поэтов-коллективистов, произведения которых изданы разными книгоиздательствами.

Мы назовем некоторых из них, не говоря о всей пишущей массе, которая свои произведения печатает в разных городских и провинциальных органах.

Назовем пролетарских поэтов — Самобытника, Садофьева, Кириллова, Герасимова, Александровского, Гастева...

Не будем останавливаться подробнее на их произведениях,—каждый сознательный пролетарий знает эти имена, и они говорят обо всем, что наилучше достигнуто в области литературы.

Мы могли бы повторить почти то же самое о представителях живописи, театра и музыки. Но пусть их именем пока будет—*Коллектив*, хотя мы как коллектив понимаем и вышеуказанных литераторов. Пролетарская живопись стремится к новым достижениям и, смело отбрасывая прочь все ненужное из старого наследства,—уже создала свои „картины революции“.

Их можно видеть на стенах рабочих клубов и выставках.

Конечно, это первые, но смелые опыты и нельзя сказать, что все они неудачны.

Театр. В театре тоже не мало достижений. Особенно красноречиво говорит сама за себя студия социалистической арены Петроградского Пролеткульта, где *впервые* мы видим пролетарское *коллективное* театральное творчество. Хотя и здесь не мало промахов, но самое основное,—это идея коллективного творчества и идея, воплощающая в себе все. Техника—вещь достижимая. А яркие таланты коллективистов гарантирует пролетарская масса—сыны и дочери фабрик.

Музыка. Конечно, при непрерывных боях за власть в течение года пролетариат недурно выучился петь свои революционные песни и гимны труда и гневных симфоний революции, хотя бы гимн славного коммунара Петье — „Интернационал“, который полюбил весь революционный международный пролетариат; русский пролетариат хочет чего-то большего, оригинального.

И если наши композиторы еще „не“ написали современных „Марсельез“, то все-таки „кое-что“ уже есть.

Есть довольно много революционных и классовых песен: „Первомайский гимн“, „На баррикады“ и др...

Исполнителями этих песен являются сами пролетарии как на улице в демонстрациях, или при от'езде на фронт, так и в своих классовых певческих хорах на сценах пролетарских организаций и торжествах.

Так мы могли бы продолжать безконечно, но из приведенного видно, что создано в области пролетарского искусства. Итак, пролетарское художественное творчество выявило себя, показало свое лицо всему миру; быть может, оно еще некрасиво и грубо, но „красота и нежность“—вещи разно толкуемые: для пролетариата красиво и нежно именно то, что „не по вкусу“ и „грубо“ для буржуазии.

Поэтому буржуазное учение, буржуазные художники за весь истекший год клеветали и оплевывали нашу культуру и наше революционное творчество именовали «варварством и разрушением».

Да, мы, «во имя нашего „завтра“ сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы», ибо... «девушки в светлом царстве Грядущего будут прекрасней Милосской Венеры»... На развалинах старого мира мы построим свой мир, мир равенства, труда и свободы, мир настоящей культурной жизни, об'единеннаго человечества. Пролетарская культура и социалистическая революция спаяны одной мыслью, одной мечтой и стремлением к этому.

И ясно, что туда пойдут *сами пролетарии*, ибо побежденные классы, хотя постепенно ассимилируются, все же в авангарде этой новой формы рабочего движения—борьбы за господство пролетарской культуры, которая, конечно, в конце концов станет социалистической—общечеловеческой, должны находиться настоящие пролетарии. Революционно-социалистическую интеллигенцию мы используем, но и «только»; направлять, проверять, творить—это «дело рук самих рабочих».

Первый год организованного строительства своей классовой культуры ясно показал, что все, что достигнуто, это достигнуто самостоятельными усилиями самих рабочих и если есть случаи, где руководящую роль играла интеллигенция, то это только отдельные случаи. Пролетарские главные центры в благонадежных руках. И если за наши радикальные способы строительства нашей культуры наши товарищи из учреждений Красной Коммуны нас в этом упрекали, то на это мы можем ответить, что мы за свою позицию будем стоять до конца. Если бывают товарищи, коим еще не вполне понятны культурные задачи революционного пролетариата,—пусть познакомятся, а до тех пор молчат; если среди наших товарищей найдутся такие, с которыми мы должны будем вести принципиальную борьбу, то и от этого мы не откажемся. Но рост и дальнейшее развитие нашей классовой, общей культуры докажет всем нашим недругам из товарищеской среды всю безполезность их затеи.

Пролетариат в области своей культуры был и будет самостоятелен, ибо полное такое слияние, совмещение с общей научно-художественной массой старого мира приведет к краху самое пролетарско-социалистическую культуру.

Первый год показал, как направить руль красного корабля пролетарской культуры. Капитаном должен быть только сам пролетариат; другие, сочувствующие элементы могут выполнять соответствующие работы.

Мы верим, что наш корабль минует все шкеры и водовороты и дойдет до берегов Социалистического Отечества.

В праздник годовщины нашего культурного строительства мы, не останавливаясь, заявляем всем, всем и всем, что раз „революция в России победит только, как рабочая революция, или она вовсе не победит“, то следовательно непролетарская культура в своем развитии дойдет до социалистической только, как пролетарская культура, или она никогда *не дойдет*, и поэтому:

Да здравствует Великая Российская Социалистическая Революция!

Да здравствует Светлый праздник Годовщины этой Революции!

Да здравствует Пролетарская Культура!

Да здравствуют „Пролеткульты“, как организационно-творческие центры Пролетарской Культуры!

Да здравствует Коммунизм!

Книжник, Карл Озоль-Предеек, А. М.

У врат неведомого храма науки.

Со свержением материального и духовного ига буржуазии пред пролетариатом открывается отныне новый мир научного знания. Поглощенные всецело борьбою за свое освобождение, рабочие до сего времени не могли принять активного участия в духовных наслаждениях, которые дает человеку научное познание. Да и некогда было ими заниматься. Вся лучшая часть дня, 10—12 часов, проводилась рабочим за станком, домой приходил он усталый, голодный и озлобленный. В его тесной каморке и угнетенном доме не находилось уже места для научного интереса к научной книжки.

И целый мир науки, научного познания, чудесный мир, созданный гением человека на протяжении веков, проходил мимо внимания всего рабочего класса.

Между тем вся эта неизведанная область науки полна огненного интереса. Она раскрывает пред умом рабочего свои чудеса и ставит пред его разрешением великие вопросы жизни!

Есть-ли они, эти вопросы? Неужели в жизни не все сводится только к тому, чтобы заработать насущный хлеб своей семье? Правда, есть какие-то „высшие" люди, которые построили города, которые изрезали всю поверхность земли железными дорогами, окутали проволокой, изобрели чудесные машины, заменившие труд человека, и т. д. и т. д. Но что есть далее, за этими людьми, он ничего не знает. Он чувствует и видит только материальную, внешнюю культуру.

Но зачем приходили к людям *Будда, Конфуций, Зороастр, Иисус?* Об Иисусе он, конечно, знает, но неужели он действительно учил только о каком-то царстве на небесах?

А эти четыре великие эволюциониста: *Гегель, Дарвин, Спенсер и Маркс*—какие завесы открыли они пред умом человечества, какие великие вопросы разрешали? Почему знаменитый английский ученый Уоллес пишет, что он семь раз подряд прочел книгу Дарвина о «происхождении видов»,— чем и почему эта книга интереснее «Бовы Королевича»? Что это за удивительное явление древней Греции — философ *Демокрит*, предрешивший многие вопросы за 2000 лет вперед?

Какое „новое слово" принес человечеству *Сократ?* Почему «великий» *Платон* внес столько путаницы в человеческие понятия? Почему велик кенигсбергский отшельник *Иммануил Кант?*

В чем заключается так называемая «позитивная» (положительная) философия другого великого философа, француза *Огюста Конта*, книга которого «Курс положительной философии» находилась у нас под великим запретом и до сих пор все еще не переведена на русский язык?

В чем заключается переворот в понятиях о строении вселенной, внесенный *Коперником* и какое об'яснение происхождению мира дал великий *Лаплас?* Какую «небесную механику» открыл Ньютон в 17-ом веке и что это за чудесный «принцип относительности», придуманный германцем *Эйнштейном* уже в наши дни и перевернувший вверх ногами все наши понятия?

Происходит великое перестроение науки, физики, химии. В чем оно заключается? Отрицается существование *материи*, на которой до сих пор держалось все, как земля на трех китах. Но как же в самом деле можно представить себе, что материи не существует?

Но слыхал-ли ты, рабочий, что сказал Кант? что мы достоверно не знаем даже того, существует-ли этот мир, потому что — *мы его не знаем*: мы знаем лишь свои впечатления, ощущения, которые окружающий нас мир производит на наши чувства...

А вопросы понимания жизни, вопрос о том, как надо жить, как устроить жизнь на земле, чтобы все жили счастливо и в довольстве,—решались-ли все эти вопросы в ученых книгах?

Да, решались, но лучше всех они разрешены учением рабочего класса.

Это учение—учение социализма—принес миру великий учитель человечества *Карл Маркс* и его непременный спутник *Фридрих Энгельс*. Откровенные и великие произведения этих двух писателей и должны быть особенно старательно нами читаемы и изучаемы.

Товарищи! В этих немногих строках я приоткрыл вам лишь один уголок той таинственной и чудесной завесы, за которой доселе было скрыто для вас научное знание. Но многое, многое другое, страстно интересное, непреодолимо влекущее лишь только вы окунетесь в этот мир идей, найдете вы там.

Идите же скорее за научной книжкой, читайте, покупайте ее чаще; этим вы создадите спрос на книгу, и научное творчество в России умножится. А в этом—залог всей нашей культуры, нашей будущности.

А. Погрузов.

НАША КУЛЬТУРА.

Высший Институт Искусств.

Сообщение **В. П. Лачинова.**

В № 1 «Вестника Народн. Просв.» А. В. Луначарский в своей статье «Чем должен быть Высший Институт Искусств», представил проект об основании в Петрограде особого Центрального Учреждения, которое должно разрабатывать науку об искусстве. Эта наука, по мнению автора, должна делиться на три громадные области: науку о прекрасном, науку о творчестве и науку об истории искусства.

Науку о прекрасном надо свести с метафизической ступени и обосновать на законах природы и восприятия. Эстетика должна быть физической, биологической и психофизиологической. Психология же прекрасного должна быть направлена главным образом в социальную область.

Точно также и наука о творчестве должна прежде всего погрузить свои корни в биопсихологию, основываясь на схеме Маркса, различающей в творчестве четыре главных начала: материал творчества, идеал творящего, орудия его труда и процесс приближения материала к идеалу. Разрабатывая самый процесс творчества, придется обратить внимание на зависимость этого процесса от развития техники, что опять поведет в область социологии.

Развитие-же творческих процессов ведет уже к третьей науке — к истории искусства, которая прежде всего должна быть связана с общей историей человечества. Здесь, для разработки такой всеоб'емлющей истории искусства, необходим коллектив ученых. Только учено-артистическая академия может создать Центр Высшего Института Искусств. Все высшие школы государства, ученые художественные ассоциации должны выделить своих представителей для Ученого Совета этого института, разрабатывающего теорию искусства. Ученая деятельность должна преобладать в институте над учебной и просветительной. Только таким путем могут, напр., быть привлечены в институт поэты и писатели для разработки литературных приемов.

Предложенный проект представляет животрепещущий интерес и, вероятно, вызовет горячие прения на специальной конференции, которую А. В. Луначарский предполагает собрать по этому поводу.

ХРОНИКА.

Новый журнал.

Саратовским Сов. Народн. Образования издается журнал „Художественные Известия". Выпущено уже 8 номеров. Значительное место в журнале отдано театру.

Памятник Ѳ. М. Достоевскому.

Совдеп г. Кузнецка обратился в Комисс. Нар. Просв. за субсидией на памятник Ѳ. М. Достоевскому. Предполагается также приобрести дом, где жил писатель, для открытия в нем библиотеки имени Достоевского. Комиссар Нар. Просв. отпустил на постановку памятника 3.000 рублей („Художеств. Известия").

Труппа на фронте.

На фронт в с. Красный Кут была прислана драмат. труппа, набранная в г. Саратове. Были

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 9 1918

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Участвуют—П. Арский, П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Горемыка †(*С. Ефремов*), Грошик (*С. Копейкин*), В. Игнатов, И. Ионов, Ф. Калинин, И. Кедр, В. Кириллов, И. Кузнецов, К. Лоптин, А. Луначарский, Н. Отсоли, В. Полянский, А. Поморский, Илья Садофьев, Самобытник (*А. Маширов*), Н. Тихомиров, В. Торский и друг.

Пролетарская культура в опасности.

В суровых испытаниях, кровью лучших представителей рабочего класса, в титанической борьбе создавалась Пролетарская Культура,—реализация светлой мечты лучших умов и сердец всего человечества.

Под толстым пластом самодержавия зародились бессметртные, непреклонно-рвущиеся к свету, ростки Пролетарской Культуры, и, с изумительной быстротой и силой пробивая покрытую чертополохом толщу царизма, зеленели и крепли их молодые побеги.

В февральскую революцию они спорили с опустошительными циклонами буржуазной диктатуры, и только на плодородной, живительно-согревающей почве Советской власти они узорно зацвели, разрастаясь по всей России и зачаровывая и весь мир.

Пролетарская Культура, как идеология рабочего класса, душа, светоч пролетарской революции, за один год Советской власти настолько выросла и окрепла, что в состоянии была похоронить „парниковую“ индивидуалистическую, основанную на рабстве, буржуазную культуру, буржуазную идеологию в России и вырыть для нее могилы в других странах Европы.

Но буржуазия, как и пролетариат, интернациональна. И побежденная в одной стране, она надеется на поддержку своих зарубежных палачей, намереваясь снова восстановить свою власть, свое господство и вырвать с корнем—идею Коммунизма, убить душу Всемирной революции—Пролетарскую Культуру.

Вся Европа в огне восстания. Каждая страна—клокочущий вулкан. Трудящиеся всего мира восстают против своих поработителей. Буржуазия доживает последние дни. Но тем озлобленней, тем яростней готовится она наброситься на очаг всемирной революции—Россию.

Англия и Америка—твердыни капитализма,—породившие и утвердившие основы самой утонченной буржуазной культуры, с которой угнетаемый пролетариат этих стран не в силах еще справиться,—решили двинуть на ненавистную им Россию своих еще не прозревших рабов. Угрожают и клянутся залить кровью красный „очарованный остров“ Свободы.

Но мы верим, что они с походом на нас приближают свою, а не нашу кончину. Пролетарской революции и культуре грозит варварское нашествие. Но свободные коммунары, одухотворенные Пролетарской Культурой, сумеют достойно встретить черных бандитов, встанут все как один на защиту колыбели Социализма—России. Мы верим, что их полки придут к нам лишь для братской, радостно-узорной встречи, для создания Всемирного Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов и Всемирного Пролеткульта.

Мы верим, что союзный жандарм, душитель революции, походом на Россию, как и Вильгельм,—сломает свою голову. Мы верим, что пролетариат союзного империализма скоро стряхнет со своих плеч поработителей и станет в наши

ряды, ибо мы боремся за освобождение всего человечества.

Черные силы свирепеют. Пролетарская Культура в опасности. Мы, свободные коммунары, все становимся под ружье на ее защиту и призываем трудящихся всего мира направить штыки на своих поработителей, врагов свободы, и, зажигая факел Всемирной революции, бороться вместе с нами за Пролетарскую Культуру, за Социализм.

В последней и решительной схватке с капитализмом—победим мы! Никто не в силах погасить Солнце! Никто не в силах поработить свободных коммунаров, уничтожить Пролетарскую Культуру!

Будем бороться—победа за нами!

Песня о молоте.

В красных кузницах
Везувийно-грозовых,
В блеске молний бирюзовых,
Мы без отдыха куем,
Песню звонкую поем.

Как в пылу тревоги бранной
Мы чеканим и граним,
Сумрак ночи неустанно
Мы огнями золотим.

В час тревожный, в час усталый
Наш товарищ—смех,
Наш могучий запевало
Громозвучный мех.

То не ветер парусами
Зашумел —
Молодыми голосами
Загремел —
Наш веселый вольный хор.

И—не грохот бури дальней —
Молот с грозной наковальней
Огневой заводит спор.

Только он железо тронет,
Эхо звонкое застонет,
Эхо в воздухе замрет.

И призывно-четкой трелью
Нежно-звонкою свирелью
Сталь застонет, запоет...
Не на помощь ли зовет?

Окна дымом занавесило,
Но как отклики ответные,
Горн взметнулся ярким пламенем,
Заалел призывным знаменем.

Нам же весело
И радостно ковать,
Златоцветные
Алмазы рассыпать.

На работу, неустанно
Мы зовем.
Мы владыки, мы титаны
Над железом и огнем.

Павел Арский

ПРИЗЫВ.

С дороги прочь! За мной,—
Певцы, с подлонной силой...
Не может дух живой
Дышать гнилой могилой.

Не будет красный луч
Гореть в поганой чаше;
Он вспыхнет, смел, могуч
На наковальне нашей.

Нам песня по плечу...
Вперед! В зарницах алых
Мы яркую свечу
Зажжем в родных кварталах.

С дороги прочь! За мной,
Певцы с могучей силой,
Чтоб яркою весной
Звенел ваш голос милый.

Заславский.

Красные Зори.

В вихре огненных прелюдий
Солнцевзорный лик Труда,
Как тоска о близком Чуде—
Неба нашего звезда.

Перезвон тоски осенней,
Шопот листьев золотых,
Пляска синих, красных теней—
Заревой, призывный стих.

Кто-то Ласковый, Нездешний,
Полонил пожаром грудь
И в борьбе грозово-вешней
Указал лучистый путь.

А. Богданов.

Детство.

Ребенком беспредельного простора
Не знал я на суровой полосе...
Любил я в своей сумрачной красе
И трепетную травку у забора,
И пыльную канавку у шоссе...

С отрепанною книжкой „Дон-Кихота"
В кустарнике, как в солнечной норе,
Я прятался в забытом пустыре...
А гулкие фабричные ворота
Меня подстерегали на заре....

И краткие ребяческие годы,
Как ласковые взоры василька,
Увяли в остром окрике гудка,
Развеяли их каменные своды
Да рокот беспокойного станка...

Но в бурях своей жизненной тревоги
Не раз мне вспоминалися черты:
Печальная канавка и цветы,
Кустарник на заброшенной дороге
И детские угрюмые мечты...

Самобытник.

Старик.

Стуча клюкою о дорогу,
Иду с котомкой за спиной.
И к цели движусь понемногу,
Об'ятый пламенной мечтой.

Иду без устали, без сна,
Иду тревожною пустыней,
Уж в волосах белеет иней,
Но в сердце—светлая весна.

Я гордо шел дорогой к солнцу
И звал весь мир на братский пир,
Чтоб каждый мог в свое оконце
Без слез взглянуть на божий мир.

Не даром тратил свои силы,—
Я не был в жизни мертвецом,
И в придорожную могилу
Я лягу с радостным лицом.

Н. Тихомиров.

ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ.

На проклятой войне
Тосковалося мне
По любимой рабочей культуре,

И рвалася душа,
Как к невесте спеша,
Как к невесте—в нарядном пурпуре...

Но свирепый режим,
Как железный зажим,
Над любовью моей издевался—

И в солдатской муштре,
И в подземной дыре
Я в бессильной тоске задыхался.

Вдруг огонь баррикад
Всколыхнул Петроград,
А за ним всколыхнулась Россия.

И пришел в этот час,
Во второй уже раз,
Долгожданный свободный Мессия!..

И в тот радостный час,
Как увидел я вас,
Заиграло мое ретивое—

Точно в сказочном сне
Это виделось мне,
Как расширилось дело живое!..

И с лазоревых круч,
После сумрачных туч,
Блещет солнце культуры народа—

Уж не в жалких тонах,
А в динамо-стихах
Воспевается ныне свобода!

И на праздник побед
Пролетарский поэт
Льет могучую песню из стали,

Чтобы стихо-металл
На весь мир прозвучал,
Что рабами мы быть перестали...

Л. Покровский.

* * *

Наша сила в единеньи всех народов во вселенной;
Наша воля непреклонна, и послушен нам успех.
Мы участники великой Новоликости явленной,
Мы создатели небывших облегчений и утех.

Деды, прадеды веками жили вечными рабами,
Помышляя о свободе, но не ведая борьбы.
Мы-ж, как волны в бурном море, встали—стройными рядами,
Вышли в битву. И уж больше—мы уж больше не рабы!

Наша сила в единеньи. Не положено предела
Нашим мыслям и желаньям, и порывам, и мечтам.
Нас мильоны. Мы отважны. Мы творим святое дело,
Создавая во вселенной пролетарской Воли храм.

Николай Окский.

Манифестация.

Нет сил. Мы валимся на работе.
Хлеб остается только в музеях.
Надо решиться: мы манифестируем!
С юга на север.
Путь держим на леса.
Впереди всех—черная дивизия голода.

Мы ставим на широкие колеса кочегарки все станции огня, тепла, электричества, газа.

Двадцатисаженные трубы составляют лобовую колонну. Линией в целое государство они двигаются наступлением к северу.

Лобовая колонна беспощадна. Через горы, реки, дебри, водопады одно нарастающее
итти—
ломить—
разить—
уничтожать!

Пожрать по пути все леса, весь уголь, торф, обречь на смерть заснувшие города, погосты, заросшие усадьбы
и все жечь,
все жечь,
жечь!

Кочегарки, котлы, цилиндры не знают ни минуты покоя. Миллион манометров стережет их огненную жажду...

Трубы рабочим маршем идут день и ночь! Двадцать городов кочегаров, двадцать городов машинистов вместе с ними.

Дивизия голода не знает сражений, но клокот печей дал новый пульс всей земле: он гудит от Урала до Вашингтона и океаны бредят кипящими приливами.

Трубы голодной дивизии дымят непрестанно. Они шествуют в дымовом кессоне. Солнце завешено. Многомильный суровый мрак—знамя дивизии голода.

Что там под черным шлемом? У них будет взрыв. Катастрофа неминуема... Они голодны до безумия. Они решительны, как перед смертью...

Но черная дивизия шествует с упоительной дерзостью. Режет, жжет и заливает мраком.

Черная дивизия порой устает, трубы дают перебой, надрывно пыхтят, кашляют.

— Оркестры! Оркестры!—кричат тогда с башен.

Вперед выступают двести отборных силачей—котлов—локомобилей, настраивают хор гудков, хор ударяет мгновенно, и звуковые залпы мчатся впереди дивизии.

Музыка, рассчитанная на города, департаменты, государства...

Трубы вытягиваются.
Их хмурая гордость растет.
Огненные станции бушуют.
Мгновенно вспыхивают великаны-прожектора.
Потом гаснут.
Обрываются гудки.
Сигнальная тишина...
Только две минуты.
Минуты, как эпоха.
— Взрыв света и музыки.
И ураганная открывается работа.

Плуги—ихтиозавры в тысячу челюстей—впиваются и жрут засохшую землю и тут же, испепеленную, изрыгают.

Все хоронят и мелют.
Стелют мягкое поле для хлеба.

Ровные бригады плугов идут под командой блестящих бригадиров—будок.

Там машинисты
Но правят не они.
Правят токи, пар, сжатый воздух.
А, Б, В... Алфавиты—линии будок.
Первые линии дробят землю.
Задние шлифуют.
Земля просит посева.
На железную молитву взвиваются кронштейны.
Толпами мчатся по вспаханному полю.
Плетеными руками бросают зерна.
Железный сеятель сеет...
— Бассейны нагружены.
Живительный ливень несется по команде.
Земля благодарно дышит.
Взвиваются ракеты.

— А старая изба ваша, — вдруг спросил тот, о ком думал хозяин, — давно она у вас стоит? Годов 25?

— Эвона, об чем заговорил, — подумал Илья Тимофеевич и нехотя ответил:

— Ничего, еще поживем.

— А ригу новую поставили? — опять начал гость, неведомо к чему.

— Какая она новая? Может, — она, старая, — с неудовольствием ответил хозяин.

— Старая-то не здесь стояла.

— А ты почем знаешь, где она стояла? — уставился на гостя Илья Тимофеевич и подумал:

— Чего разнюхивает? Все они питерские — либо брехуны, либо жулики. Не забраться ли хочет? А не то подпалить? Сказывают, есть между ними такие — не то анархисты, не то антихристы — те все могут сделать, им ничего не страшно.

И опять вспомнилось про пулемет, что спрятан в клуне. И не у них одних есть оружие, привезенное с войны. Илья Тимофеевич враждебно взглянул на гостя: тот был вдвое моложе его, но и вдвое слабее и болезненнее его на вид.

— Василий Ильич, дайте закурить, — попросил молодой коммунист у старшего товарища, и это имя остро резнуло хозяина.

Так бы Васю теперь звали, пришло ему в сердце и с еще большею неприязнью стал смотреть на этих чужаков, пришедших отнимать его собственность.

И от предложения покурить поморщился. Не любил в избе табачного дыму. Впрочем, питерский табак оказался легким, его почти не было заметно.

Поспел самовар. К чаю подали молока, ватрушек, меда. Молодой гость сказал:

— А здорово вы живете. Кабы нам в Питере наших детишек хоть неделю так покормить...

— А что, худо живете?... поинтересовалась хозяйка, старая Дмитриевна, и поглядела на Василия Ильича.

— Какой уж ты худой-то, смотреть на тебя жалко.

И спросила:

— С болезни, что-ли, али от пищи?

— С работы, — отвечал тот глухим и мягким голосом, — с фабричной жизни не толстеют.

И Василий Ильич заглянул в лицо хозяйки таким странным долгим взглядом, что у той вдруг отчего-то заходили ходуном руки, и что-то подкатило под сердце.

И своим тихим, четким голосом гость начал рассказывать — о голоде. О голодных детях в Петербурге, — об изнемогающих матерях, о лошадях, околевающих на улице. И каждое слово его было тяжелым молотком, которым он вгонял гвоздь за гвоздем в твердые сердца этих людей и ранил их своим невысказанным укором. И старая хозяйка чувствовала, что каждый звук этого голоса был ей упреком, ей, в доме которой были все так сыты.

— Поделом, — заметил Сергей, — возились, возились со своими революциями, голод себе и нажили.

— Конешно, сами виноваты, — подтвердил и Илья Тимофеевич, — а теперь за нашим пришли. Что чужое обирать? Подите, сами попашите.

И сам знал, что говорит не то, что думал. Что нарочно старается рассердить самого себя, что уже взял его гость своими тихими и властными словами.

— А мы-то чужие вам, что-ли? — спросил Василий Ильич и, подняв голову, оглядел всех в горнице.

Сергей задорно отвечал:

— Известно, чужие. Вы — фабричные, не наш брат, крестьянин.

Что-то изменилось в лице гостя. Оно стало строгое и суровое. А взгляд тихих, как голубая заводь, глаз сделался твердым и резким.

— Нет, ваш брат, — сказал он громко. — Ты только не знаешь этого, забыл об этом.

Что-то холодом, как в испуге, оледенило сердце старого Ильи. И вслед за этим, острым полымем еще не осознанной радости, каким-то горячим ожиданьем залило щеки.

Он еще сидел и не двигался, а уже знал и понимал, почему кричала и плакала его жена и билась на груди у чужого приезжего и, обхватив его голову руками, целовала испитое, худое лицо.

— Наш... наш... — выкрикивала она, почти в бессознании.

— Ну, вот, а то: чужой, чужой... — ласково отвечал гость, и глаза его точно пели о чем-то глубоком и радостном.

Как сквозь сон проплыла перед глазами Ильи Тимофеевича серая от пыли, большая дорога, когда-то уведшая от него сына, и розовое пятно на ней — Васина рубаха ситцевая...

— Вот, почудилась рубаха твоя роозовая, — бодро говорил Илья Тимофеевич, спустя несколько часов, своему старшему сыну, останавливаясь с ним над тем местом, где он схоронил запасы прошлогоднего зерна, — знать верно, что сердце — вещун.

И, указывая на яму, добавил:

— А это пойдет мое добровольное пожертвование для детей Петрограда. Пшеница здесь. Копайте...

Ю. Розен.

СТАТЬИ

Н. А. Добролюбов.

1836—1861 г.

(По поводу торжественного открытия ему памятника в Петрограде, 27-го Октября 1918 года).

Когда начинают писать или говорить о *Добролюбове*, то прежде всего приводят его знаменитые стихи:

„Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен..—

Именно потому он и умер так рано, что был слишком честен, чтобы безболезненно переносить тот суровый режим, при котором он жил и страдал телесно и душевно.

И то, что умер он «спокойно», с полным сознанием исполненного им гражданского долга и то, что и нас он благословил «шествовать той же стезей»...

Тысячу раз был прав тов. Луначарский, сказав, что в статьях Добролюбова гораздо более важна социалистическая пропаганда, чем художественно-этические суждения.

Надо было прежде всего разбудить «спящих», и вот раздался его резкий, зовущий «Свисток».

Добролюбов, как честный гражданин своего времени, смело и решительно боролся «за лучшие светлые дни» всеми доступными ему средствами.

Он беспощадно раз'яснял «Темное царство» и «Что такое Обломовщина», ясно и определенно указывал «Когда придет настоящий день», будил и звал на борьбу своим «Свистком», мучился и падал силами, когда писал, «Куда деваться», и снова загораясь ненавистью к угнетателям, верил и надеялся на победу.

Критика Добролюбова соединилась с вполне определенными идеалами и убеждениями, с широко развитым понятием о солидарности личной и общественной пользы.

В его блестящих статьях виден был «холодный ум и пылкое сердце», что с его приемами критической оценки сразу обратило на себя внимание общества.

«Художественное произведение, — писал он в статье о «Грозе» Островского, — может быть выражением известной идеи не потому, что автор задался этой идеей при его создании, а потому, что автора его поразили такие факты действительности, из которых эта идея вытекает сама собой».

Молодежь нашла в нем своего учителя - гражданина, им зачитывались все лучшие люди того времени, т. к. его горячие, искренние и выстраданные слова затрагивали лучшие инстинкты и затаенные мысли о лучшем будущем.

Добролюбов, вечно нуждавшийся пролетарий, в полном смысле этого слова, снедаемый жестокой неумолимой чахоткой, от постоянной нужды и чрезмерной работы, слишком рано умер, чтобы высказаться полнее, чем он сделал это за свои 26 лет жизни.

Сочинения Добролюбова и особенно его «Свисток» должны быть широко распространены теперь, когда мы, «шествуя его стезей», достигли «новых светлых дней».

Весьма знаменательно, что открытие в Петрограде памятника этому великому гражданину-поэту и критику-публицисту состоялось накануне торжественного празднования годовщины «новых светлых дней».

Да послужит этот памятник первой вехой, поставленной нашей молодой пролетарской культурой на пути «пропаганды и просветления умов»!...

Л. Покровский.

28/х—1918.

К организации Пролетарского театра.

В печати, советских и литературно-театральных кругах в последнее время много говорят о назревшей необходимости коренной реформы театра, который, наконец, должен перестать быть принадлежностью немногих и стать одновременно храмом и свободной академией для всех.

При чем мнения на этот счет коренным образом расходятся. А между тем, должна быть установлена одна общая точка зрения для всех, кому дороги судьбы искусства.

Каков должен быть новый театр?

Какие идеалы он призван претворять в жизнь?

Какие лозунги будут начертаны на его стяге?

Каким назревшим потребностям он должен удовлетворять?

Что обязаны сделать служители сцены, чтобы влить и свою каплю меда в общее грандиозное строительство?

Какой репертуар необходимо признать отвечающим задачам и целям демократизованного театра?

Должен-ли народный театр стать проводником известных идей, выйти на торную дорожку дидактизма и поучений, приблизиться по своей структуре к некоего рода академии, призванной воспитать массы в новом направлении, или обязан оставаться верным прежним догматам и продолжать преследовать чисто эстетический принцип — „искусство для искусства?“

Дать в короткой статье исчерпывающие ответы на все эти вопросы не легко.

Попытаемся наметить хотя бы основные тезисы нового демократического, истинно народного театра.

Когда к театру или вообще к одной из отраслей искусства пристегивают умаляющий, принижающий значение искусства термин: „народный“, „народное“ — мне всегда кажется, что мы имеем дело с явным недоразумением.

Искусство едино и всеоб'емлюще. Нет и не может быть ни аристократического, ни народного, ни какого иного искусства, а есть—искусство вообще.

Искусство создано народом, массой, оно вышло из ее лона, и эта масса есть и будет его матерью.

Разве не народна древне-греческая трагедия?

Не народны политические сатиры Аристофана?

Не народны религиозные мистерии средних веков?

Не народна итальянская комедия dell arte, родоначальница комедии вообще?

Не народен зародыш поэзии и литературы — изустная народная песня?

Во все времена и у всех народов различные классы общества, группы лиц, одинаково мыслящих, одной-степени развития и понимания, сообразно своему вкусу и потребностям, отводили от неиссякаемого источника народного творчества маленький ручеек, и на этом ручейке ставили свою „мельничку“. И хотя эти „мельнички“ снабжались различными кастовыми вывесками, имели свои чисто-специфические задания, все-же вода, ворочавшая их колеса, оставалась водой широкого, мощного народного творчества, народного искусства.

Без этой действенной, потенциальной силы сословные или кружковые мельнички искусства не могли-бы просуществовать ни одного дня, как и вообще без и вне народа, без его участия, не могла существовать ни одна человеческая община.

Всякое искусство глубоко народно по своему существу, а театр, как синтез всех искусств, тем более.

Поэтому, не о создании заново какого-то особенного „народного“ театра необходимо говорить, а об очищении театра, как такового, театра, рожденного народом, от посторонних наносных, временных наслоений, о возвращении этого культурного достояния его законному наследнику и владельцу.

Необходимо стремиться к ренессансу театра, к его возрождению.

Что-же для этого должно сделать? Какую творческую работу совершить?

Прежде всего — широко открыть для народных масс двери театра, уже существующего, заполнить партеры и ложи массами жаждущего света и истины народа, и от этого театр, уже volens-nolens, станет народным, демократическим.

Далее. Не может быть нанесено большего оскорбления народу, чем попытка низвести театр на какую-то низшую, первобытную ступень искусства, сделать его „доступным“ пониманию, так называемых, широких кругов. Как будто свет, красота, истина, вдохновение не есть перлы, доступные лицезрению и пониманию всех и каждого. Как будто для того, чтобы наслаждаться блеском солнца, необходимо приобрести патенты на звание аристократа, интеллигента, буржуа и т. п.! Как будто сфера пробуждаемых театральным действием иллюзий так капризно-ограниченна, что умещается

вся без остатка в „эстетных“ сердцах немногих избранных.

Театр, как и всякое искусство, воспринимается прежде всего сердцем, а уже потом—умом.

Интуиция, сверхволевое прозрение к восприятию художественных идей должны быть поставлены на первое место.

И „необразованный“ судья сплошь и рядом является цельным, тонким критиком и верным ценителем искусства.

Его непосредственность невольно, механически воспринимает действительно художественное и отмечает малейшую фальшь и условность, т. е., именно те недостатки, к которым привык и которых почти не замечает „подготовленный“ зритель. Эти положения неоднократно проверены на опыте.

Поэтому, никакого приспособления художественных норм и принципов к степени понимания народа не требуется. Ни о каком низведении искусства до подчиненной роли какой-то подготовительной школы не может быть и речи. Серьезно трактовать о подобной „реформе“ равносильно стремлению заменить полноценную монету менее ценной или явно фальшивой.

Лозунгом демократического театра должен оставаться прежний лозунг театра—порыв вперед, к свету, истине, красоте!

Иной вопрос, какие формы примут эти моральные величины при переоценке всех ценностей.

Однако, думается, незыблемое и вечное после всех эволюций останется тем-же незыблемым и вечным.

Таков закон замкнутого круга в искусстве. Что касается задач, выдвинутых ходом вещей в порядок дня деятелей сцены, то они огромны и неисчислимы.

Одной из главнейших задач является полное отречение от приспособления к условному вкусу „избранных“, полный отказ от моды, навязанной театру и привитой актеру эстетическими руководителями, театральными завсегдатаями, классовыми авторитетами. Платформа возрожденного народного театра должна базироваться на интернационализме и всесословности.

Полное отречение от уз рутины, универсальное сомнение в непогрешимости прежних способов воздействия на однобокого по своему составу зрителя.

Рельеф, выпуклость, смелый чекан в передаче. Глубокая, психологически обоснованная трактовка ролей. Развернутая на широком фронте, в малейших деталях соприкасающаяся с жизнью, работа режиссера. Беспощадное изгнание из творчества рутины, шаблона, фальши и условностей. Искусство, подлинно творческое народное искусство не должно носить в себе, прежде всего, ничего искусственного, нездорового, не выбивающегося непосредственно из недр жизненного ключа.

Что касается репертуара, мы вынуждены в данный момент ограничиться некоторыми краткими общими замечаниями, в надежде развить их более обстоятельно в ближайшем будущем.

В качестве руководящей нити в деле выбора пьес можно порекомендовать следующие золотые слова Ипполита Тэна:

„В обыденной жизни первым действующим лицом является народ, в аристократическом театре он отсутствует. Каждый театр воспроизводит современные нравы. Художник копирует лишь то, что он видит и не может копировать ничего иного; даль и историческая перспектива служат ему лишь для того, чтобы прибавить поэзию к истине“.

Обобщая сказанное, делая из него широкие выводы, мы придем к следующему заключению.

Репертуар театра демократического ренессанса включает в себе все истинно-художественно-ценное.

Пьесы исторические, бытовые, психологические, политические, суть его элементы, если эти пьесы в достаточной степени сопричастны тому, что обозначается термином художественность.

Каждая пьеса, освещающая правдиво, без грубых тенденций тот или иной уголок жизни, являющаяся историческим, психологическим или социально-бытовым фрагментом, имеет право на включение в репертуар народного театра, ибо, раз существовал подобный уклад жизни, подобные взгляды, демократия обязана о них знать. Из таких отдельных звеньев составится строго гармоническая цепь ее миропонимания.

Это общее.

В частности, необходимо всемерно стремиться к созданию нового репертуара, всецело вытекающего из пролетарской идеологии, свободного как от цензурного гнета, так и от тенденций „господствующих классов“ на смысл, цели и задачи искусства.

Николай Муханов.

Международная революция и задачи пролетарской культуры.

В годовщину праздника борьбы Российского Пролетариата со своей и международной буржуазией, выразившейся в беспощадном низвержении и сокрушении всего капиталистического строя, в эпоху переоценки всех ценностей, — там за оккупационной линией, в „культурной“, бронированной Германии и ея спутнице — Австро-Венгрии, с оглушительным треском грянула революция, революция, пока мелко буржуазная, „соглашательская“, но все же отбрасывающая в пропасть истории старый и гнилой строй „просвещенного деспотизма“. Символов реакции и гнета — Вильгельмов и Карлов — уже больше не существует. Да,

символы уничтожены, маски сорваны, но — увы, осталось само лицо буржуазного общества — класс буржуазии Германии и Австро-Венгрии, и также в других странах. Лжевожди в Германии и Австро-Венгрии, — Шейдеманы и Викторы Адлеры, насквозь проникнутые духом буржуазной идеологии, тем самым куют для себя и для всего рабочего класса новые цепи. Восставший Германо Австро-Венгерский пролетариат только-что сбросил с себя эти рабские цепи, как его опять заставляют их надеть. Но, к сожалению, сами массы восставшей „Средней Европы", еще столь слабы, столь нерешительны в своих требованиях, что, признавая социалистическую республику формально, — *фактически* остаются теми же приверженцами „демократического" буржуазного строя.

Но, очевидно, развитие истории и ход „локомотива" ее — революции — имеет свои основные законы.

Очевидно, даже социалистическая революция должна изжить буржуазные предразсудки и только тогда стать на верный путь классовой борьбы и победы Пролетариата. Но почему Западно-Европейский пролетариат не может сразу освободиться от своих разного рода поработителей? Почему эксплоатируемые классы Германии и Австро-Венгрии, после свержения деспотизма, не стремятся и к низвержению империалистического капитализма? Потому что буржуазная идеология — культура рабства и тупой покорности, глубоко проникла в душу и мозг этих классов. Потому что эти классы — пролетариат и беднейшее крестьянство, не имели возможности свободно и самостоятельно хотя додуматься до творчества своей культуры, своей идеологии.

Мертвецы из II-го Интернационала забыли священный завет великого основателя I-го Интернационала Карла Маркса и, по примеру буржуазных теологов, изо всех сил стараются использовать социализм, так же, как „граждане в золотых ризах или черных таларах" стараются „использовать" учение Христа для защиты правящих классов от натиска „черной толпы". *Государственное христианство* и *государственный социализм*, особенно в такой стране, как Германия, не имеет почти никакого различия.

Как „официальное учение Христа" сводят к затемнению сознания и порабощению совести своих „подданных" вообще, так официальный социализм, в частности, реакционно влияет на пролетариат. Но такое положение духовной зависимости наблюдается не только в Германии, оно с еще большим „под'емом" свирепствует в „папской Италии", „республиканской" Франции, и „демократической Англии"...

Нет такой страны, где бы буржуазная культура не проникла в самую глубь и ширь эксплоатируемой ею-же физически „трудовой массы" и не держала-бы в тупой зависимости ее до сих пор. Только Российский пролетариат первый сбросил со своих измученных плеч эту ужасную тяжесть истории...

Но годовая практика уничтожения Российского капитализма разбудила западно-европейский пролетариат.

И он, просыпаясь, видит, как жестоко его обманули его „вожди", цари, короли и президенты.

Период четырехлетней междоусобной бойни почти парализировал чувство и разум его западно-европ. пролетариата. Буржуазные эстеты с гордостью могут сказать, что в „Inter arma, silent artes" *). Действительно, международный пролетариат воюющих стран, все время — в области своей классовой культуры — бессильно молчал. Но переполнилась чаша терпения и грозная лава негодования и мести начинает проникать во все уголки земного шара. Клокочет в Германии, Австрии, Болгарии, Голландии и Бельгии. Бурлит и во Франции, Италии, Англии, и в отечестве Вильсона". Уже собираются грозные тучи международной пролетарской революции и не далек день, когда грянет гром последней схватки классов буржуазного общества. Российская революция является этой искрой международного пожара, в котором погибнет весь капиталистический строй.

Но, — увы, — если на окончательный бой собирается и поднимается мировой пролетариат, то и не зевает и международная буржуазия. Путем обмана, подкупа, измены, материальных средств, — она старается раз'единить назревшее международное братство пролетариата. Опираясь на заклятых защитников правопорядка - буржуазную интеллигенцию, которая под разными масками „социализма" и „демократизма" успешно работает на славу рабству и эксплоатации, международная буржуазия тем самым сможет продержаться у власти гораздо дольше чем, если бы пролетариат не поддался на удочку образованных слуг империализма.

И эта Иудина работа имеет свой успех. Но это только временно. Тысячу раз прав пролетарский поэт *Гастев*, который восклицает:

Кто остановит пламя тысячи печей солнц? Кто ослабит напор и взрывы раскаленных атмосфер? Кто умерит быстроту маховиков-сатурнов?"

Да, кто остановит пламя, ослабит взрывы и умерит быстроту развития Социалистической Революции? Где та сила, которая повернет назад колесо истории? Такой силы нет, ибо буржуазия была сильна своим обманом, лживостью, ловкостью и жестокостью перед трудовой массой, которая теперь, просыпаясь, видит, какое могучее орудие в деле освобождения из под ига правящих классов есть *классовое сознание и братская солидарность пролетариев всех стран*, организация самостоятельной пролетарской культуры.

*) В грохоте орудий искусство смолкает.

Российская Революция, которая год тому назадъ зажгла этот красный пожар социалистической революции, который ослепительным образом действовал на свою и международную буржуазию, для трудящихся классов этот спасающий пламень осветил светозарные пороги коммунистического строя.

И теперь, когда, с одной стороны, в дыму этого пожара строятся боевые колонны международного пролетариата, готовых соединиться с русскими, с другой, - организуются все черные силы старого умирающего строя, для нанесения последнего удара своим историческим врагам, для совершенного задушения его, если это им удастся. И в действительности: — как-бы ярко ни рисовалось перед нами международное положение, все-же опасность еще не миновала. Как я уже указал, в начале своей статьи, силы западно-европейского пролетариата еще не сплочены, его практические боевые цели еще не познаны, и можно ожидать еще не мало разочарований, а, быть, может и поражений, до тех пор пока *окончательно* не освободимся от этого „культурного" мира.

Но борьба за овладение всего мира в материальномъ и духовном отношении — уже началась, и два стана, два класса стоят один против другого. От исхода политически-экономической борьбы обеих сторон и зависит дальнейшее развитие социалистической революции. Если победит всемирный империализм, то дни Коммунизма сочтены на долгие годы; если, наоборот, победит Коммунизм, вопрос о развитии пролетарской культуры будет поставлен, без всяких сомнений, в должное развитие последней. Конечно, пролетарская культура таить в себе международные элементы. Уже первые культурные организации восставшего Российского пролетариата заключают в себе эти элементы. Узко-национальная точка зрения на развитие пролетарской культуры потеряла уже свое значение с тех пор, когда капитализм вышел из рамок национального масштаба, и больше не должна восторжествовать. Поэтому задача пролетарской культуры и политики в данный момент — *стремиться к восстановлению разорванных империализмом товарищеских уз;* тесное об'единение международного пролетариата. Конечно, идея Пролеткульта не может победить там, где мелкобуржуазные культуртрегеры, весьма и весьма удачно пока, кормятъ пролетариат разными похлебками — суррогатами буржуазной культуры. Но их „культурная миссия" скоро закончится. Рядом с Германской, Австро-Венгерской, Италианской, Французской и Английской Коммунистическими Партиями, возникнут и соответствующие Пролеткульты. И когда будет образован *Всемирный Совет Рабочих Красноармейских и Крестьянских Депутатов*, то параллельно с ним будет образован и *Международный Пролеткульт*.

Победа Международного Пролетариата над буржуазией — означает победу и над буржуазной культурой.

Поэтому задачей Российского Пролетариата в области своей классовой культуры и пролетариата международного является — *наибольшее сплочение всех живых сил вокруг своих самостоятельных Культурно Просветительных Организаций, и вокруг Центрального Международного пролетариата*; *массовое издание пролетарской литературы в области науки и исскуства и перевод ее на иностранные языки для массового распространения за границей; обязательное, немедленное изучение иностранных языков; всестороннее развитие классового сознания.*

Социалистическая Россия должна служить примером для всего мира, поэтому нужно работать не покладая рук.

Итак, работа *организационная, просветительная и творческая* во всей области пролетарской культуры в международном масштабе должна привлечь к себе максимальные усилия деятелей пролетарской культуры, энернгией которых и будет создана лучшая культура.

Карл Озоль-Преднек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Участвуют—П. Арский, П. Безсалько, Я. Бердников, А. Гастев, Горемыка †(*С. Ефремов*), Грошик (*С. Копейкин*), В. Игнатов, И. Ионов, Ф. Калинин, И. Кедр, В. Кириллов, И. Кузнецов, К. Лоптин, А. Луначарский, Н. Отсоли, В. Полянский, А. Поморский, Илья Садофьев, Самобытник (*А. Маширов*), Н. Тихомиров, В. Торский и друг.

Содержание № 10.

стр.

Стихи:

А. Крайский. — Новая песня 2
Самобытник. — В алмазные годы 2
А. Пришелец. — Играет солнце 2
Илья Садофьев. — Догорают корабли 2

Проза:

П. Безсалько. — Девятое января 4
Никита Рабочих. — Без работы 6

Статьи:

П. Безсалько. — Футуризм и пролетарская культура 10
Илья Садофьев. — На солнечный путь 12
Викт. Чекан. — Техника, творчество, талант и вдохновение 19

Наша Культура:

А. М. — Кологривский Пролеткульт 22
Хроника: И. С. — Наш театр 22
Л. — Плотничное искусство 23
Л. — Кинематограф Пролеткульта . . 23
Л. — Выставка по Народному театру . 23
П. А. — Отъезд театральной студии . . 23

Библиография:

Л. П. — Отзывы о журналах 23
От Редакции. — Ответы авторам и поэтам . . . 24

▫▫▫▫

Футуризм и пролетарская культура.

Футуризм и пролетарская культура — вот два сфинкса, смотрящие друг на друга и вопрошающие: кто ты? От ответа, какой дадут эти литературные направления, зависит их судьба. Одно другое должно уничтожить. Это чувствуют противники и потому медлят с ответом. А одно из этих общественных течений явно уклоняется от ответа. Футуризм хитрит: точно хамелеон, он старается принять чуждую ему окраску революционной культуры пролетариата. В „Искусстве Коммуны“, во втором номере, Н. Альтман говорит: „лишь футуристическое искусство построено на коллективистических основах. Лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата“.

Некоторые футуристы, говоря о футуризме, понимают под ним все левые течения в искусстве Но другие тут же ограничивают рамки футуризма, исключая из него литературные течения, представляемые Пролеткультами.

По мнению О. Брика, культура, творимая самими рабочими, не есть пролетарская культура. О. Брик тщится доказать, что истинными ее творцами явятся художники-пролетарии, сиречь футуристические интеллигенты.

Мы сами охотно исключаем пролетарскую культуру из футуристического кольца, ибо никогда мы не были поклонниками блока левых, тем более, союза с теми, которые, по нашему мнению, идут левее здравого смысла.

И это еще тем хорошо, что наша платформа, не замутненная никакими „измами“, будет видна глазам рабочего класса. Мы исходим из того положения, что пролетарскую культуру создают сами рабочие, а не интеллигенты, случайно или не случайно дошедшие до идей пролетариата.

Романы Купера и поэмы Лонгфелло о краснокожих индейцах никому не приходит в голову назвать литературой индейцев; почему же хамелеоны интеллигенции, пишущие о рабочих, называют свою литературу рабочей литературой? Разве гусеница, в целях самосохранения принимающая вид древесного сучка, перестает быть обжорливой гусеницей? И не обнаруживает ли симулянтка, после первого приступа страха, свою природу?

Следовательно, серьезно говорить о литературе, написанной интеллигентами, как о рабочей литературе, не приходится и ее нужно рассматривать лишь, как попытку одного класса обработать в своих интересах психологию другого класса, и на место реального поставить мнимое.

В приказе по армии искусства, в первом номере газеты футуристов, поэт Маяковский делает первую попытку в этом направлении.

„Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек;
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
поя и свища,
Есть еще хорошие буквы
Эр.
Ша.
Ща.
Это мало построить парами,
распушить по штанине канты.
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащите рояли,
Барабан из окна багром;
Барабан,
рояль раскроя ли,
но чтоб грохот был,
Чтоб гром.
Это что — *корпеть на заводах,*
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдых
осоловелыми глазами хлопать.
Довольно грошовых истин“.

Курсивом мы отметили футуристическую симпатию Маяковского к рабочим и его плохо замаскированную тревогу за чужую роскошь. „Грошовые“ истины рабочих в этом „коммунисте“ вызывают тошноту. И для него дороже всех этих грошовых истин необыкновенное рифмование слов с окончанием на эр, ша, ща! И вытаскивание через окно на улицу багром барабанов и роялей, „чтоб грохот был, чтоб гром“.

Необыкновенное пристрастие у футуристов к бутафорскому грому.

„Белогвардейца
найдете и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулями
по стенкам музеев тенькать“.
„А почему
не атакован Пушкин?

Этот бутафорский гром необходим футуристам, как капиталистам благородные слова о защите родины от вражеского нашествия, потому что за словами и за шумом можно потихоньку делать свои делишки. А делишки эти у футуризма дискредитирование рабочей революции. Если же такой усердный шум производится по глупости, то тем хуже — услужливый дурак опаснее врага.

Пролетарские поэты тоже писали:

„Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля“.

Но это писалось в свое время, чтобы устыдить тех, кто во время московского боя бежал из наших рядов. Мы прокричали им, что наше Завтра лучезарней золотых макушек Чудовых и иных монастырей. Что же вы, гражданин Маяковский, дадите нам взамен Пушкина, которого вы еще не осилили, которого вы читаете по ночам [1]), а по утрам называете „негодяем“ и „сволочью“? Со своим „бунтом“ вы напоминаете нам недоразвившегося атеиста, который не отрицает существования Бога, а лишь борется с ним.

„Знаю
не любите праздных фраз вы,
Рубите дуб — работать дабы.
А мы
не древообделочники разве?
Голов людских обделываем дубы“.

Прежде всего свою голову нужно обделать или снести ее в психиатрическую Бехтерева, а потом уже писать приказы по искусству.

Возвратимся к положению Н. Альтмана — „лишь футуристическое искусство построено на коллективистических основах“.

Будем приводить примеры коллективистической основы футуризма.

Василий Каменский. — Его-моя биография великого футуриста.

7 дней предисловий, 3 портрета.

На книге автор наклеил кружочек сусального золота.

На портретах он показал нам своих буржуазных папу и маму.

И себя — Васю — в солнцерадостном детстве и себя, Василия, уже здоровенного парня в футуристической тужурке.

Вся биография до тошноты напичкана самолюбованием, кокетством и обезьяньими ужимками, а вот и его стихи:

„Из жизни создал я поэмию
А из поэмии — стихи
И стал подобен солнцегению
И композитором стихии.
Быть может, Первый в Современности
Из мастеров я, сам Московский,
И даже тают в удивленности
Давид Бурлюк и Маяковский“.

А Маяковский, „тая в удивленности“, в свою очередь сочиняет о себе поэму — „Человек“, с главами — Рождество Маяковского, Жизнь Маяковского, Страсти Маяковского, Вознесение Маяковского и т. д. и т. д.

Но этого мало. Эдуард Багрицкий сочиняет гимн Маяковскому —

„Озверевший зубр в блестящем цилиндре,
Ты медленно поводишь остекленевшими глазами“.

Нужно признаться, что футуристы не скупятся друг другу на гимны и на выдачу патента гениальности.

„За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит петуха?“

Так что утверждение Н. Альтмана, будто футуристическое искусство построено на коллективистических основах, не совсем основательно.

Другое его положение, что — „лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство прелетариата“, — требует оговорки. О каком роде искусства идет речь? Если о литературе, то спор впереди, если о живописи, то можно согласиться с Н. Альтманом, что, действительно, в настоящее время, кроме футуристической живописи у пролетариата другой не имеется. Но едва ли пролетариат доволен этим даром футуристов, и едва ли футуристски-кубистскую пачкотню он захочет усыновить и признать ее своим искусством.

Октябрьские торжества убедили рабочих в том, что им нужно бояться „Данайцев, даже приносящих дары“.

Рабочий в кубе и в квадрате с вихляющимся задом и с развалившимся на квадраты позвоночником едва ли завоюет симпатию в широких трудовых массах.

И на том только основании, что коммуна за деньги поручила футуристам украсить город, считать их искусство пролетарским по меньшей мере смешно.

Но оставим спор с людьми, которые на спех нахватались слов: пролетарская культура, коллективистическая основа и тому подобное, не совсем перевариваемое футуристическими головами, и лучше поговорим о социальном свойстве самого футуризма.

Прежде всего само слово Futur — будущее, не русского происхождения, и, как течение, оно зачалось в Италии, — вождем которого явился молодой писатель Ф. Т. Маринетти, истинный сын культурного разложения итальянской буржуазии. Перенесенное на русскую почву, зерно футуризма,

[1]) Маяковский в Петроградском Пролеткульте при всех наших товарищах сознался, что он Пушкина читает по ночам и оттого его ругает, что, быть может, сильно любит.

точно трава чертополоха, сразу завоевало литературное поле.

В этом успехе ничего не было случайного. За последнее десятилетие леса русской литературы изрядно-таки оплешивели. После того как, после первой революции, интеллигенция оставила народ и стерла революционную окраску со своего искусства и превратилась в желтолицего кули капитализма; после того как русская литература, лишенная глубокой социальной почвы, поблудила в трех соснах символизма; после того как она заходела под эмалью эстетизма; после того как она истощила себя в эротизме и утомленная поханжила в религию, русская литература, русское искусство приняло в лоно свое футуризм. Вот она—автомобилья поступь современности.

— Мозг пустеет, как коробка со спичками
К 12 ночи в раздраженном кабаке. Я
Память сытую насильно пичкаю
Сладкими, глазированными личиками
И бью сегодняшний день, как лакея.
Над житью и шатью в кабинете запечатанном,
Между паркетным вальсом и канканом потолка,
Мечется от стрел электрочертей в захватанном
И обтресканном капоте подвыпившая тоска.

В. Шершеневич.

Автор в предисловии к своей книге говорит: наша эпоха слишком изменила чувствования человека, чтобы мои стихи могли быть похожи на произведения прошлых лет. В этом я вижу главное достоинство моей лирики: она насквозь современна.

Поэзия покинула Парнас; неуклюжий, старомодный, одинокий Парнас „сдается по случаю от'езда в наем“. Поэтическое, т. е. лунные безделушки, слоновые башни, „вперед-народ“, рифмованная реторика, стилизация,— „распродается по дешевым ценам“.

Древо буржуазного искусства хирело, умирало; еще бы, „мозг пустеет как коробка со спичками, к 12 ночи в раздраженном кабаке“; соки кореньев не подымались более к вершинам, в листву и не рождали цветов поэзии.

Дерево все в конвульсиях, перед смертью оно покрывается уродливыми шишками и наростами... Один из этих наростов и есть футуризм. Бессильное уйти от родословного дерева, бессильное найти жизненные артерии социальной почвы, это явление, стиснутое со всех сторон захиревшими стариками, об'являет священную войну против... устарелых форм искусства.

Футуристы ищут новых слов, новую рифму, создают свой ритм; ими пишутся приблизительно такие слова:

„В разлитийности летайно над Грустинией летан,
Я летайность совершаю в залетайный стан,
Раскрыленность укрыляя раскаленный метеор
Моя песня крыловая — незамолчный гул-мотор“.

В. Каменский.

Или размер, как у Маяковского:

„Стоп!
Скидываю на тучу
вещей
и тела уставшего
кладь.
Благоприятны места, в которых доселе не
был“.

В конце концов, кроме десятка двух худо ли, хорошо ли составленных слов и своеобразного ритма, напоминающего скрип неподмазанной татарской телеги, футуристы в смысле формы ничего не создали. Ибо только новое содержание дает нам новые формы.

Что же касается содержания, то оно отнюдь не блещет новизной и оригинальностью, за исключением одного пикантного желания отца футуризма, Маринетти, родить сына без помощи женщины.

Все остальное у них по существу самое обыкновенное интеллигентски-мещанское. У итальянских футуристов оно шовинистически-кровожадное. А у нас — как у нас, ни то, ни се!

Как должны относиться к творчеству футуристов творцы пролетарской культуры. А очень просто — как смотрит столяр на нарост у орехового дерева — если срезать и распилить на тонкие шилевки, то может пойти на разные поделки мебели.

Можно воспользоваться кое-чем ценным из их технического багажа, но ни в коем случае нельзя позволить футуристам тело рабочей культуры одеть в футуристическую одежду. Пусть сами себя рядят в шутовской наряд, это им пристало.

П. Безсалько.

На солнечный путь.

(К годовщине пролетарского журнала „Грядущее“).

„Только тот, кто сквозь слезы и гнет
Сохранил в своем сердце порывы,
В наших робких напевах поймет
И тоску, и порыв, и призывы.“

(Самобытник).

Грубой ошибкой, хуже—абсолютным невежеством является утверждение в печати и в дискуссиях на тему о культуре, о старом и новом искусстве, утверждение, что лишь революция породила, принесла с собой консерваторам—ненавистную, а „желтым кофтам“—футуристам, как примазавшимся к революции,—лакомую, пролетарскую культуру.

И уже не ошибкой, а прямым преступлением является сознательное умалчивание некоторыми о том, что не революция породила пролетарскую культуру, а как раз наоборот—пролетарская культура породила революцию.

Снимая возведенный на революцию поклеп, считаю нелишним отметить то, что все хорошо знают и говорят о том, что все современные направления в искусстве: и реализм, и символизм, и акмеизм, и мистицизм (то же народничество), и футуризм народились гораздо раньше революции. Но никто не говорит о том, была ли до революции пролетарская культура, пролетарское искусство.

Культура—понятие слишком широкое; для ясности возьмем одну из могучих, пышных и красивых ее ветвей, как более знакомую нам, литературу и увидим, что пролетарская культура не только была до революции, но и породила ее.

Об этом очень и очень хорошо знают такие видные апологеты культуры, такие представители искусства, как т. Луначарский и Горький; но и они почему-то упорно этот факт замалчивают.

В этой статье я не буду касаться истории возникновения всех течений и направлений в искусстве—это в мою задачу не входит, об этом в другой раз—я мимоходом остановлюсь лишь на некоторых этапах развития пролетарской литературы и напомню сказанное о ней в свое время (печатно) одним из титанов от литературы—М. Горьким.

Хотя корни пролетарской литературы тянутся через Горького и Решетникова, в глубь веков, все-же до революции пятого года о наличии пролетарской литературы можно было спорить, она так была слаба и незначительна, что буржуазному критику не стоило труда доказать, что революцию 1905 года породила „честная“ либеральная литература. Но уже после разгрома революции, когда „честная“ литература пошла на службу к свирепствующей реакции и, отряхая от ног своих прах революционности, вымаливала у нее прощение за „увлечение“, за „шалость“, за игру в революцию, тогда всем действительно честным революционерам, борцам за новую, радостную светлую жизнь, было видно, что потому только и восторжествовала реакция, что подлинно-революционная, подлинно-пролетарская литература была еще в зачаточном состоянии, была еще очень и очень слаба, чтобы бороться с гидрой царизма и капитализма. Но она уже была.

И во время почти поголовного ренегатства интеллигенции, и почти абсолютного ее отречения от революции, подлинно пролетарская литература, представляемая самими рабочими, и только ими, осталась на своем революционном посту, организовываясь, сплачиваясь в мощную крепость революционных идей.

В эпоху реакции, когда интеллигенция убежала от пролетариата и увлекалась „пинкертоновщиной“, когда буржуазная литература принялась смаковать, обсасывать половой вопрос, распадаясь на всевозможные „измы“, пролетариат неустанно, напреклонно создавал свою классовую подлинно-революционную пролетарскую литературу. Брошенный интеллигенцией, он не растерялся и не опечалился, а сразу почувствовал, что воздух стал чище, путь к грядущему яснее, и принялся за гигантскую работу, которая привела его к победе в Октябре.

Нельзя передать того, что пережил, как работал, какую тяжесть вынес на своих могучих плечах пролетариат в годы реакции, создавая свою литературу, свою культуру, приближая радостный час революции.

Он с лихорадочной поспешностью принялся за организацию культурных ячеек, выделяя из своей среды свою собственную интеллигенцию, своих артистов, художников, ораторов, своих писателей... и под руководством оставшихся верными пролетариату интеллигентских единиц, эта новая интеллигенция, групируясь вокруг подпольных и легальных культурно-просветительных организаций, оформляла свое миропонимание, проходила курс своего историко-литературного, политического и социально-экономического образования, получая „университетский“ диплом в тюрьме, ссылке, а некоторые счастливцы — за границей.

Здесь в России, а главное, в Петрограде, главный культурный центр находился в Лиговском Народном Доме (бывшем гр. Паниной). Там же ученики вечерних общеобразовательных классов проходили и свой подпольный „университет“.

За границей такие школы были организованы и на „Капри“, и в Париже, и в Женеве, под руководством М. Горького, А. Луначарского, А. Богданова и др.

Прошедшая такую школу рабочая интеллигенция, связанная кровными узами и единством цели со своим классом, сейчас же становилась у руля рабочего движения, курсируя на красный Октябрь.

Когда буржуазная литература с головой бросилась в об'ятия разврата, когда она целовала стопы реакции, сознательный пролетариат почувствовал острую необходимость в создании своей литературы, своей прессы. А так как не представлялось возможности иметь свою газету, то было приступлено к изданию прокламаций, воззваний, листовок и рукописных литератaтурно-художествен. журналов, со страниц которых понеслись смелые, бодрые, полные веры и силы призывы к борьбе, к восстанию, за освобождение рабочего класса.

На человеконенавистническую, демоническую вакханалию слуг буржуазии, каркавших:

„Я ненавижу человечество,
Я от него бегу, спеша.
Мое единое отечество—
Моя пустынная душа..“

(К. Бальмонт).

Или:

„Я власти черного порока
Отдам остаток черных дней“.

(*Ф. Сологуб*).

Рабочие—поэты,—единое тело трудового коллектива, „волнуемые, как океан безбрежный“, отвечали гордо-мятежными призывами:

„Мы младше всех, но в пламени пожара
Окреп наш дух для новых битв и ран.
Для грозного, последнего удара
Сбирайтесь, угнетенные всех стран!“

(*Самобытник*).

На беспросветный пессимизм, на абсолютную беспомощность, на отречение от самих себя:

„Устав от смен идей, желаний, вкусов,
Хотел бы я не знать—Валерия Брюсова“.

(*В. Брюсов*).

Рабочие-писатели отвечали непреклонной волей, страстной жаждой борьбы и верой в победу:

„Нет, нет! Не говори, что силы ослабели,
И путь кремнист, и ночь тюрьмы мрачней:
Иди вперед! иди к заветной цели,
На зов вдали мерцающих огней.
Не малодушествуй! К былому нет возврата,
А счастье там—далеко впереди.
Споткнешься—встань, паденьем жизнь богата,
Воспрянь душой—и вновь иди, иди!

(*Н. Рыбацкий*).

Буржуазная литература в то время разлагалась, как труп. Народническая—мистическая, в лице Н. Клюева и др., распевала „Братские“ (хлыстовские) псалмы, „рыдая, прильнув щекой к деду-Боженьке“, уверяя, что так скорее „младенца ангелы возьмут“ и, оплакивая помещичьи усадьбы, сжигаемые в революцию пятого и шестого г. г. восставшими крестьянами, утверждала:

„Святорусский люд темен разумом,
Страшен косностью, лют обычаем;
Он на зелен бор топоры вострит,
Замуруд степей губит полымем.
Перед сильным—червь, он про слабого
За сивухи ковш яму выроет,
Он на цвет полей тучей хмурится,
На красу небес не оглянется...“

(*Н. Клюев*).

Пролетарская литература, как-бы наперекор буржуазной и народнической, полная веры в будущее, росла и крепла, призывая угнетенных к восстанию, к дееспособности. А литераторы „в желтых кофтах“ (футуристы), претендующие в наше время на выразителей пролетарской идеологии, на творцов пролетарского искусства, они, как одна из разновидностей буржуазных извращений, смотря в то время на гигантскую работу рабочего класса, воспевали „шампанское с ананасами“ (И. Северянин), „ходили к парикмахеру чесать уши“, на прогулке намеревались „овывать лицо луны гололобой“, „встречали знакомую“, „щупали себя—не спят ли они?“ „бережно огибали полицейские посты“ и „лаяли на народ собакой“.

„И когда,
Ощетинив в лицо усища веники,
Толпа навалилась,
Огромная,
Злая,
Я стал на четвереньки
И залаял:
Гав! ав! ав!“

(*В. Маяковский*).

О футуристах я упомянул лишь только потому, чтобы сказать, что пролетариату о их прошлых „доблестях“ доподлинно известно. Рабочий класс знает, как в то время, когда выдвинутые им из своей среды писатели создавали пролетарскую литературу, организовывали в Лиговском Народном Доме (быв. Паниной) нелегальный Пролеткульт, а Безсалько, Гастев и др., совместно с Луначарским и Богдановым, делали то же самое за границей (в Париже), в это время претенденты на творцов пролетарской литературы лаяли на толпу людей собакой, а в настоящее время насмешливо бросают, что он (пролетариат): „Мажет на заводе рожу в копоть и на чужую роскошь осоловелыми глазками хлопает“ (В. Маяковский). Пролетариату известно, что эти охранители чужой собственности, эти лающие собаками суть щенки буржуазной псарни. И он достойно заплатит им за их усердие посыпать солью незалеченные им еще раны баррикад.

Рабочий класс, конечно, скоро избавится от всех нездоровых и чуждых наростов на его прекрасном теле. Он хорошо знает, что для него и для революции опасно и страшно не то, что буржуазная интеллигенция, буржуазные писатели, как представители, верные сыны буржуазии—класса, враждебного пролетариату, уходят от него, а то, что они под какими бы то ни было „измами“ приходят к нему. Приходят, чтобы отравить его здоровый организм, одурманить мозг трупным ядом своей извращенной психологии и разрушающей коллективизм идеологии, чего, к величайшему сожалению и прискорбию сознательного пролетариата, многие и многие, хотя и советские работники, до сего дня никак не могут понять; становясь на соглашательскую, мелкобуржуазную точку зрения (в области духовной революции), с увлечением культивируют страшную, опасную заразу, обрекая в жертву свирепой эпидемии не одно поколение.

Этим мы, пролетарские писатели, и не думаем отрицать культурного наследия прошлых поколений. Голое отрицание, как бесформенную анархичность, мы охотно отбросим футуристам, кормящимся об'едками с нашего стола. Я уже сказал, что наша родословная через Горького и Решетникова тянется в глубь веков, но мы настаиваем на необходимости безжалостного уничтожения всего вредного, гнилого и злого, мы говорим, нужно бесцеремонно гнать от себя (а не приглашать) тех господ, которые в прошлом были прямыми непримиримыми и злейшими врагами рабочего класса, которые уже после революции плевали в открытое лицо пролетариата, которые со страниц буржуазных газет обзывали пролетарских вождей немецкими шпионами, получая гонорар английским золотом. А теперь, придя работать к пролетариату, они постольку ему родственны, поскольку им за скверную, а подчас и вредную работу хорошо платят.

Характерно еще то, что эти господа не только идут сами, но их приглашают—„сватают“. И пригласителем, к сожалению, является М. Горький. Какая ирония обстоятельств! Пишущий эти строки, в одном из стихотворений „Ядовитые цветы“, отмечал, как пролетариат, свергнув царизм, вступил в открытый бой с буржуазией, а Керенский и Церетели „соглашались“ с „живыми силами“:

„Длилась позорная свадьба с черными силами.
Бывшие вожди служили у стола, подавая закуски.
Ученые кого-то искали между трупами и могилами,
Пудренные поэты писали поэмы революции русской“.

Ирония! повторяю. Ибо разве не в праве сознательный пролетарий сказать, что это современно. Теперь, когда пролетариат победил буржуазию физически, и, свергая ее экономическое и духовное владычество, строит свою классовую культуру, в это время некоторая часть советских работников приглашают, „длят свадьбу“ с „честной“ интеллигенцией, „ищут кого-то между трупами и могилами“ и приглашают их, „пудренных“, в советские издания.

Я настоятельно предлагаю читателю просмотреть в номере 36 журнала „Пламя“ поэму А. Грина и рассказ В. Воинова. Я не буду аттестовать авторов и разбирать здесь их „произведения“. Читатель, надеюсь, авторов знает, как сотрудников „Сатирикона“, „Журнала Журналов“ и др. кадетских изданий, а после Октябрьской революции знает по их помоям, выливаемым на революцию со страниц „Чертовой перечницы“.

Ознакомившись с их „произведениями“ в названном журнале, читатель увидит, что они пришли в журнал в том же костюме и с теми же запахами. Но я считаю долгом отметить не только то, что они ни с какой стороны не родственны пролетариату, но и то, что они, всучивая „товарец“, еще насмехаются над впустившими их к себе, хуже—издеваются, „хихикают“. А. Грин, например, называя гостеприимную „хозяйку“ фантазией, развязно бахвалится:

„Речь к тому ведем мы эту,
Что сидим у ней,—в гостях,
И хозяйка нас, поэта,
Топит в радостныхъ сластях...“

Еще бы не в сластях. Ведь за поэму в 416 строк будет заплочено (по ставкам союза советских журналистов) 998 руб. 40 коп. (а ему, как гостю, может быть, и больше).

Это бахвальство в начале, во второй строфе поэмы, а в конце, в последней строфе, доводит до сведения, что гость у хозяйки

„...остался
Средь чудес, к которым рвался,
Удивительно, ведь,—да!“

Чего тут удивительного, дорогой Грин, мы народ тертый, видали виды и почище. Но Грин на этом не успокаивается. Сделав в лагерь противника удачную разведку, уговаривает своих желто-серых друзей:

„Но, друзья, не удивляйтесь,
А туда же направляйтесь
Для прекрасного труда...“

А другой, В. Воинов (воплощенный „старикан“, герой рассказа), рассказывает, как этот „старикан“, который не мог смотреть прямо на собеседника, а—„все по низу как-то, все по низу“, ожидая прихода „белых“, записывал по ночам фамилии „красных“. А на вопрос друга, „зачем это?“ ответил:

„Боже мой, как вы молоды! Это месть! Понимаете? А? Моя месть! За все то, что они со мной сделали. Будет день! Судный день! Придут те! Называйте их „белыми“, что ли! И когда они спросят себя, кого брать? „где враги?“—я скажу им: „Берите, глядите!“

А после празднования годовщины октябрьской революции надежда на приход „избавителей“ угасла, но старикан продолжал также по ночам записывать фамилии, но уже не „красных“, а „белых:

„—Так вот я теперь „красных“ сжег, и на случай пишу себе „беленьких“. Это, знаете, кажется, скорее понадобится.

Старикан захихикал...“

О, сколько теперь этих „хихикающих“, „на случай“ записавших „беленьких“, вломилось в приоткрытые двери пролетарских святынь!

И какая разница между героем и автором рассказа? Один (герой) сначала, ожидая „белых“, записывал фамилии „красных“, а потом, потеряв надежду на их приход, начал „на случай“ записывать „белых“. А другой (автор) сначала из „Чертовой перечницы“ и др. буржуазных газет брызгал бешеной слюной на „красных“, а теперь „на случай“ записывает „белых“.

Не потому ли падает спрос на некоторые советские газеты, и не потому ли Пролеткульт привлекает к себе все больше и больше внимания среди подлинного пролетариата? Не потому ли во всех уголках России организовываются Пролеткульты, создаются свои печатные органы, создается своя классовая пролетарская литература, а интеллигенция, отвергавшая пролетарскую классовую культуру, стаями, стадами стучится в двери пролетарских органов (Ремизов, Ахматова, Рубанович и др. в Воронежском, без минуты „пролетарском“ журнале). А сколько их приходит в Петроградский Пролеткульт! Но всем им верные дети рабочего класса отвечают: „Нас послали миллиарды стоять на страже у главных дверей своей культуры, вы же ее не признавали, суще-

ствование ее отрицали, а теперь пришли, и пришли со своим смрадным запахом, со своим зельем; впустив вас, мы отравим душу пролетариата, а пролетариат и мы—Одно Целое, мы часть его гигантского тела, его интеллект, а посему не можем же мы быть предателями самих себя, изменниками самим себе, «идите, откуда пришли. Наш путь с теми, кто с нами!»

И вот поэтому, и только поэтому, ни один журнал (даже газеты) не имеет такого спроса, как пролетарский журнал „Грядущее"; ни одно (даже советское издание) не имело такого спроса, как издания Пролеткульта. Книги пролетарских писателей разошлись за два месяца в количестве 115 тысяч экземпляров. Спрос же превышает 300 тысяч экземпляров каждого автора. Но отсутствие бумаги заставляет отказывать многим читателям-заказчикам. И это потому, и только потому, что пролетариат выделил из своего мозга лучшие соки, выделил из своей среды лучших представителей, которые являлись частью его тела и, как увидим ниже, никогда с ним не порывали, и потому он верит им. В их творчестве видит свое творчество, в их достижениях—свое достижение. Он знает по примеру эпох и реакции, что чем меньше будет в его рядах „ориентирующейся" интеллигенции, тем яснее путь к Грядущему, ближе победа и чище атмосфера, о чем очень многим не следует забывать.

К тому времени, когда рабочее движение, под руководством рабочей же интеллигенции, стало принимать более широкие размеры, листовки и рукописные журналы перестали удовлетворять духовные запросы пролетариата, а буржуазные органы при обострившейся классовой розни, разумеется, не могли предоставлять своих страниц литературе рабочего класса, да и рабочие к своему врагу не пошли бы. Нужно было напрячь все силы для создания своего органа. С невероятным трудом была создана своя газета „Звезда", а потом и „Правда", которые обслуживались почти самими рабочими. Не безынтересно отметить, что вскоре организовавшийся меньшевистский „Луч", где было большинство интеллигенции, не пользовался широким вниманием рабочих и впоследствии выродился в шовинистический, оборонческий, а потом в контр-революционный листок.

Нужно ли говорить о том, какие кары сыпались на газеты рабочего класса, нужно ли говорить, под какими ударами пролетарским писателям приходилось нести красное знамя рабочего класса, создавать классовую литературу. Ни одного из моих товарищей, рабочих писателей, я не знаю, который бы не отведал тюрьмы, ссылки и даже каторги. А сколько безвременно погибших! Сколько затравленных, замученных, казненных! И все же рабочая интеллигенция ни на минуту не порывала со своим классом, и под рев бушующей реакции, „разрушая все преграды", шла вперед, пробуждая спящих, призывая к борьбе угнетенных, чего ныне освободившийся пролетариат никогда не забудет.

Создав и обслуживая свою рабочую прессу, рабочие писатели приступили к организации издания „сборника пролетарских писателей", как начала, как первого легального камня в здании пролетарской художественной литературы. И разбросанные царизмом почти по всему свету, но спаянные одной целью, духовной неразрывной связью, они собирали, подготовляли (не один год) материал для названного сборника. И лишь в начале 1914 года первый сборник пролетарских писателей, с предисловием М. Горького, появился на свет.

Размер статьи не позволяет мне остановиться на содержании этого сборника, как я не остановился на содержании рабочей газеты „Правды", хотя я не сомневаюсь, что большинство рабочих с содержанием названных памятников знакомо; но, обещая в начале статьи напомнить сказанное Горьким (печатно) о пролетарской литературе, приведу некоторые характерные места из предисловия, написанного им к сборнику. Он говорит:

„Об этой маленькой книжке современем упомянут, как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы."

Ниже торжественно заявил:

„Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал—с великим трудом и огромными жертвами—свою ежедневную прессу."

Тогда он видел, чувствовал и правильно отмечал:

„Запас этой (творческой) силы изумительно велик. Мы видим, как быстро он приподнял и сплотил пролетариат, недавно еще подавленный, разгромленный, брошенный интеллигенцией, которая частью истреблена тюрьмой и ссылкой, частью же, изменив интересам пролетариата, пошла на службу к буржуазии и ныне безуспешно пытается создать на потребу ее идеологию, которая оправдывала бы отношение буржуазии к демократии."

Ниже:

„Мы уже можем сказать, что, несмотря на ужасные условия жизни русского рабочего, он постепенно создает свою интеллигенцию. Выделяя часть своей физической энергии, претворяет ее в энергию психическую, духовную. Вот откуда истекает все возрастающее среди рабочих стремление к писательству, к литературе".

И заканчивает предисловие такими словами:

„Товарищи! Когда история расскажет пролетариату всего мира о том, что пережито и сделано вами за восемь лет реакции, рабочий мир будет изумлен вашей жизнедеятельностью, бодростью вашего духа, вашим героизмом.

Может быть, вы сами не сознаете, не замечаете, как много сделано вами, но будущие поколения русских рабочих и весь пролетарский мир нашей планеты непременно почерпнет в примере вашем великие силы для борьбы за новую мировую Культуру.

Это будет! Только мертвые не поймут общекультурного значения работы, совершенной вами за эти восемь лет."

О, эти мертвые люди! К сожалению, они и в наше время находятся. И эти мертвые люди не только не понимают этой работы, и не только полагают, что пролетарская литература пришла с революцией, но еще коварно или глупо вопрошают: „А зачем рабочему пролетарская, классовая культура?" Тов. Горький, несомненно, знает, но, очевидно, от охватившей его радости, упорно молчит.

Нужно сказать, что первым сборником пролетарских поэтов уже намечался путь пролетарской литературы, который и доныне не могут отыскать претенденты на поэтов пролетариата, но далекие и чуждые ему элементы (футуристы). В заключительной строфе стихотворения тов. Д. Одинцова „Вперед", которым закрывается сборник, был брошен клич:

„Итак, на встречу светлой дали,
Неся в груди огонь живой,
Под рев гудка и грохот стали,
Вперед к культуре мировой".

Кровавая мировая бойня уничтожила рабочую печать, разрушила наладившуюся легальную работу издания художественной литературы, а пролетарских писателей одних—бросила в окопы, других—в тюрьмы и Сибирь, а третьих—заставила жить волчьей жизнью (дезертировать), но пролетарской литературы уничтожить все-же не могла. Пролетарские писатели снова ушли в подполье и оттуда принялись обстреливать твердыню капитализма, наводняя тыл и фронт прокламациями и листовками. Снова приступили к изданию своих журналов, небольших сборников, частью рукописных, а частью отпечатанных в „своих" типографиях.

Кроме этой гигантской и крайне рискованной работы, они, стремясь сжечь огнем революционных идей охвативший несознательное большинство рабочей массы густой налет шовинизма, выступали на всех тайных и под разными предлогами разрешенных собраниях и митингах. Работа эта стоила многих жертв, но она дала хорошие результаты в феврале.

После Февральской революции, когда нужно было бороться с более сильным врагом, чем царизм,—буржуазией, пролетарские писатели в первых рядах своего класса пошли на приступ буржуазной крепости, не забывая ни на минуту об организации своего, классового литературно-художественного журнала, потребность в котором чувствовалась острейшая.

Там же в Лиговском Народном Доме, в мае 17 года, было положено начало созданию журнала. На общем собрании членов „литературно-художественного кружка" (нынешний Пролеткульт, существовавший с 1909 г.; характерно, что руководители кружка являются в настоящее время идейными выразителями и руководителями Пролеткульта) название кружка было переименовано в „Пролетарское Литературно-Художественное Общество—Искусство и Социализм", и постановлено, путем организации лекций, концертов и митингов, изыскивать средства на издание журнала.

Помню, на втором собрании, во дворце Кшесинской, появился В. Маяковский; он яро поддерживал выдвинутое каким-то полуинтеллигентом предложение о названии Пролетарского Общества „Искусство и Социализм" — „Обществом Пролетарских Искусств". Писатели рабочие не мыслят искусства без социализма, а посему и предложение, вместе с сотрудничеством Маяковского, было отвергнуто.

В первых числах июня 17 года было приступлено к организации в районах: Александро-Невском, Невском, Выборгском, Московско-Заставском, Волковой дер. и др. „Вечеров Пролетарской Поэзии" и лекций на темы: „Искусство и Социализм", „Пролетарское и буржуазное искусство", „Искусство и Рабочее движение", „Революция и Пролетарская Культура", „Задачи Пролетарского Искусства" и др. С того же времени началось собирание и редактирование материала для первого номера, который предполагали выпустить в начале августа. Но неумолимые обстоятельства властно отодвигали выход журнала все дальше и дальше. Усиливающаяся борьба с буржуазией все больше и больше требовала не только физических, но и интеллектуальных сил. А поэтому пролетарским поэтам не только пришлось уйти с головой в политическую работу, но еще и поехать в провинцию частью и на фронт.

Оставшаяся часть товарищей буквально выбивалась из сил, но работу все-же продолжала. Почти каждый поэт в том или ином районе, при помощи своей жены, сестры, брата, товарищей, устраивал лекции, концерты, выступал и даже продавал билеты и расклеивал афиши.

Июльские события еще дальше отодвинули выход журнала и принесли непередаваемое огорчение и незаменимую ничем утрату. В эти дни на Шпалерной, ныне — улице Воинова, был зверски убит темной толпой обывателей, подстрекаемой контр-революционерами, наш товарищ и сотрудник журнала И. Воинов, за то, что продавал листок, тогда закрытой Керенским, «Правды».

После июля ряды пролетарских писателей значительно поредели. Торский был Керенским брошен в окопы, Горемыка — тоже и вскоре был убит. Работа по изысканию средств и организации журнала легла всей тяжестью на плечи трех, четырех товарищей, перегруженных общественной и партийной работой.

Не могу не отметить изумительной работы в нашем обществе и по устройству концертов одного из многих товарищей рабочих, бывшего

нашего казначея, крайне честного и любящего пролетарскую культуру, тов. П. Кудрявцева, хотя и не писателя (слушателя курсов в Лиговском Народном Доме).

Устраивая преимущественно в рабочих районах концерты и лекции, с платою за вход по 50 к., по 1 руб., касса журнала к октябрю имела 1128 руб. 40 к. Имея такую сумму, мы решили, что можно уже один номер выпустить. Но... раздавшийся радостный раскат Октябрьской Революции призвал и оставшихся к новым, более сложным обязанностям, заставляя работать почти полные сутки. И лишь в декабре, благодаря содействию партийного Комитета Московско-Заставского района, представилась возможность начать некоторую работу по журналу.

Когда нашли типографию, сдали часть материала, встретились новые, почти непреодолимые, препятствия. Во-первых, потребовалось еще больше того, что имелось, денег. Во-вторых, почти весь материал, предназначенный для журнала, один из товарищей случайно увез с собою в Нижний. Пришлось редакции, несмотря на то, что каждый из троих, работая чуть ли не полные сутки, выполнял по несколько обязанностей: Маширов-Самобытник — член районного Совета, член партийного Комитета, член президиума переизбранной городской думы; пишущий эти строки — член Исполнительного Комитета Петроградского Совдепа, член Революционного Трибунала, член Рабочей дирекции Петрогр. Металлич. зав.; Кириллов—секретарь партийного Комитета, член районной управы,—все-же редакции пришлось две ночи (с 1 ч. до 6 утра) всем в одной комнате (что лучше заставляет работать) писать материал для находящегося в наборе первого номера журнала.

Чтобы выкупить из типографии журнал, заняли 400 р. у Комитета Партии и поручили тов. Поморскому организовать два концерта, но средств все-таки не хватало, и пришлось занимать деньги у своих знакомых и даже отрывать часть от своего скромного заработка. (О гонораре и речи нет).

Но самое трудное время настало, когда журнал вышел. Контора, экспедиция, редакция — все те же, перегруженные работой, три - четыре лица. Эти лица доставленный типографией журнал частью в Комитет, частью в Лиговский Народный Дом, — сами же принялись, урывками, развозить по клубам и районным партийным Комитетам и, при помощи товарищей рабочих, продавать его по вечерам на митингах и лекциях, устраиваемых различными организациями в цирке «Модерн» и «Рабоче-Крестьянском Доме». Но большая часть журнала все-же осталась вылеживаться.

Распродавали журнал медленно. Денег и материала на второй номер не было. Общественной работы организаторам прибавлялось и прибавлялось. Положение становилось отчаянное.

„У вас к тому времени был уже не подпольный, а узаконенный конференцией Пролеткульт“, скажут мне. Да, был. Но законность и финансовое состояние Пролеткульта долгое время выражались в пребывании его в портфеле одного из товарищей (В. И.). И лишь благодаря изумительной жизнедеятельности его членов и участию самих товарищей рабочих, он быстро развивался и укреплялся, готовясь к изданию журнала-бюллетеня „Пролетарская Культура“.

Несколько утвердившись, благодаря усиленному настоянию тов. Безсалько (секретаря Пролетарской Культуры), он мог уже приступить к изданию журнала „Грядущее“.

В марте месяце „Грядущее“ готовился к выходу в свет уже, как орган Центрального Комитета Пролеткульта, который после второй общегородской конференции возглавляется исключительно рабочими.

Не касаясь существования журнала в Пролеткульте, считаю необходимым сказать, что выпущенные нами 10 номеров за весь год (вместо 24 обещанных) красноречивее всяких слов и цифр говорят, что пролетарская литература, пролетарские писатели еще и доныне находятся далеко не в благоприятных условиях для своего развития. Каждый почти из них, создавая свою пролетарскую классовую литературу, и комиссарствует, и администраторствует, и организаторствует, и читает доклады, лекции и пр. и пр. И все это делается под невероятным обстрелом Пролеткульта со всех сторон.

Но все-же теперь мы почти наладили регулярный выход журнала, основали издательство, выпустили немало наших книг и надеемся, расширяя и углубляя нашу работу, еще выше поднять знамя Пролетарской Культуры.

Об идейном направлении говорить лишне. Оно в направлении журнала. Оно в нашей литературе, которая, не сомневаюсь, ярче, полней и глубже, чем всякая другая, выявляет пролетарскую идеологию, эстетические, этические и другие духовные запросы пролетариата.

В редакционной статье первого номера мы сказали:

> „Старый, одряхлевший Мир переживает небывалую трагедию. Буржуазная культура разлагается, как труп. Кругом торжественно звучат колокола Социалистической Революции, нарождается Мир новый, Великий Художник — Пролетариат творит новую Культуру“...

Мы знаем, что на пути, который мы прокладываем первыми, много колючих терний,

> „но, совершенствуясь и развиваясь, путем коллективной поддержки, мы выйдем на Солнечный путь пролетарского творчества“.

Да, терний и преград и теперь еще много, но мы идем! И скоро, скоро мы выйдем на Солнечный путь Пролетарской Культуры.

Илья Садофьев.

Техника, творчество, талант и вдохновение.

(Реферат, читанный перед театральной студией Пролеткульта).

Широкая, богатая, многообразная тема, на которую сразу не ответить. Первое: что такое техника в искусстве?!

Художественная натура, натура пылкая, с горящими глазами, вспыхнув, скажет: „Это ненужная трата времени, самообман: у кого есть талант и придет вдохновение, тот покорит мир; зачем мне терять время на выработку техники? Я буду ждать, когда снизойдет ко мне талант и вдохновение, и тогда вы увидите“. И художественная натура ждет желанного нисхождения.—Помилуйте, дорогой коллега, вы ужасно мажете красками, ведь это не мастерство, а запачканное полотно, вам нужно научиться держать кисть, знать, какие краски дают гармонию цвета, обратитесь к знающему маэстро!—„Пустяки, ерунда, придет мой бог, мой талант и вдохновение, и вы увидите!“ Художественные натуры везде и всюду засоряют искусство по всем отраслям. Они наполняют в смелом кочевании ателье художников, они вертятся у профессоров пения, рояля, скрипки, виолончели, вы встретите их во всех школах, куда они приходят для выявления таланта, приговаривая избранному на этот случай маэстро:— я учусь, но в сущности это мне ни к чему: у меня есть чувство, и вот, когда оно мною овладеет, тогда вся ваша техника полетит под кресло. Я изобразил Гамлета на любительском спектакле, читал стихи Некрасова, и что же? Зал гремел от рукоплесканий. Зачем, собственно говоря, вы заставляете тянуть скучный вокализ на одной ноте? Ведь у меня от природы колоссальная сила голоса, и все тут. Ты, маэстро, слушай меня, ободряй, восхищайся моим талантом, душой, чувством и, если его не видишь, жди терпеливо, жди, когда оно придет; я сегодня не в ударе, а вот, когда случится удар, тогда запляшут лес и горы.—И лес, и горы у художественных натур пляшут. Часто у художественной натуры скрипка не поет и не рыдает, а трещит, но это ничего. Художественная натура утверждает, что удар сегодня не совершился, но будет! Правда, пострадал слушатель, но он простит: ведь он тоже в некотором роде очаровательная художественная натура и не взыщет! Художественная натура бывает и настойчива, и взыскательна, и назойлива. Ей все маэстро должны все делать, устраивать выступления, непременно публичные и многочисленные, выбирать вещи по способностям, делать шумиху и славу, вот талант! „Представьте, партии со мной проходить не надо, а только так: раза два взглянул, и готово“. Храни вас нечистая сила, если вы допустите критику! Это интрига, личные счеты, это подкоп, это зависть. Художественная натура всегда права. Она ничего *не должна* делать: она свободна, распоясана, анархистична. Хочу—делаю, а заставить меня никто не может. Художественная натура воплощение всего прекрасного без всякого усилия. Откроет рот, и жареная индейка летит туда.

Техника не нужна для нашего талантливого Пети или Вани: он с искрой, с огнем, с чувством, он забьет самого Шаляпина.

Но довольно, отойдем на время от этой стрекозы искусства. Раскроем настоящую прекрасно-вдохновенную книгу искусства. Книга первая, книга поэзии. Как гении поэтики относились к технике слова? Не будем углубляться в историю, а возьмем близкое нам. Перед нами, например, рукописи Пушкина. Рисунок любого стиха, и мы видим, как мастер слова творил, претворял, уничтожал и снова творил, чтобы добиться совершенной, чистейшей формы стиха, как он изощрялся до тонкости ямба, хорея, дактиля, где бы он ни был: на пирушке, в салоне, на улице, он беспрерывно писал, ища новых и новых форм. Ломоносов, Батюшков, Лермонтов, Гоголь оставили нам оригиналы, на которых мы видим, как усидчиво они работали над техникой и формой своих произведений...

А форма не отделима от содержания.

Также истинные художники кисти всех школ— и старых и новых—показывают изумительную настойчивость в достижении техники: Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Бенвенуто, Ван-Дейк, Рубенс и т. д., и т. д., и т. д...

Зайдите нынче в студию нашего современника художника Рериха, и вы увидите, чего стоит художнику его мастерство, и сколько знаний ему пришлось наслоить для изображения пылающего града, спросите, сколько времени он потратил на изучение старинных мастеров!

Вникните, как относятся к технике декоративного искусства художники Головин, Коровин... От них бегло подойдите к революционной для художества футуристической школе, где вы встретите художника Ларионова, который изучает малейшее трепетание человеческаго лица, чертя, где только возможно, на клочках бумаги, человеческие и иные лики; только постигнув технику предыдущих школ, он разрывает звенья установившихся пределов художественных возможностей. Поэт и художник рвется неустанно все к новым и новым возможностям, познаниям и откровениям.

Итак, вывод получается такой, что техника— путь к познанию, познание-же—утверждение и фундамент, и сущность культуры. Достижение культуры происходит через упорный, неутомимый труд, труд и труд. Следовательно, *техника* это—*труд*. Труд это—энергия, которая затрачивается для наблюдения, для изыскания, для мышления,